

1512 613

ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ

съ первыхъ лѣтъ жизни и до полного окончанія университетскаго
образованія.

Маріи Манасеиной.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Е. Евдокимова, Троицкая улица, домъ № 18.

1894.

2.15.21

913783 ✓

М

Его Императорскому Величеству

Государю Императору

Александру Александровичу

"

Ея Императорскому Величеству

Государыне Императрице

Марии Осодоровне

съ благоговѣніемъ

посвящаетъ

свой трудъ

авторъ.

Ваше Императорскія Величества!

Въ теченіи всей своей жизни я была послѣдовательницей ученія Канта о превосходствѣ автократической формы правленія и въ лицѣ Монарха я видѣла и почитала всегда Высокаго Представителя сплочивающей національной идеи, безъ которой невысказано было бы самое осуществленіе историческихъ судебъ народа.

Эти отвлеченныя чувства преданности и почитанія уступили мѣсто болѣе субъективнымъ чувствамъ личной преданности, личной любви и горячаго безграничнаго уваженія съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла счастье двукратно

быть представленной Вашимъ Императорскимъ Величествами и быть удостоенной Всемилоостивѣйшей бесѣдой. И эти личныя субъективныя чувства, появившись однажды, все крѣпли и росли, потому что находили себѣ постоянно все новую и новую пищу въ событіяхъ и фактахъ текущей жизни, доказывавшихъ мнѣ все снова и снова, что та прозорливость, которая бываетъ неразрывно связана съ сильнымъ и искреннимъ чувствомъ, на этотъ разъ оказалась слабѣе дѣйствительности. Фактъ оказался на этотъ разъ выше мечты.

Между тѣмъ въ силу законовъ, управляющихъ нашимъ психическимъ міромъ, всякая мысль, всякое чувство, стремятся найти себѣ

выраженіе, стремятся найти себѣ внѣшнее проявленіе и невозможность удовлетворить этому психофизиологическому закону ложится тяжелымъ гнетомъ на весь душевный міръ, человѣка. Само собой разумѣется, что чувству, соотвѣтственно его силѣ, хотѣлось бы найти для себя какую нибудь подходящую форму выраженія въ видѣ или героическаго поступка, или самоотверженной крупной дѣятельности; но за неимѣніемъ подобной возможности приходится довольствоваться меньшимъ, такъ какъ жизнь коротка; мы всѣ смертны, а судьба можетъ и не дать желаемаго случая. Такимъ образомъ приходится утѣшаться мыслью, что всякая, даже самая незначительная, вещь пріобрѣтаетъ, по замѣ-

чанію Локка, извѣстную цѣну и значеніе, разъ она становится выраженіемъ свободной мысли и глубокаго, истиннаго чувства.

Въ этомъ то смыслѣ я и осмѣливаюсь просить Васъ, Всемилоостивѣйшій Государь и Васъ, высокочтимая Государыня Императрица принять благосклонно мое настоящее наискреннѣйшее посвященіе.

Я выбрала для своего посвященія свою книгу о воспитаніи, потому что у насъ въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, народъ привыкъ смотрѣть на своего Царя и на свою Царицу, какъ на высокую Родительскую Чету; а что инстинктъ народный не ошибся и что въ сердцахъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ дѣйствительно живетъ родительское

чувство къ своему народу — это, между прочимъ, и особенно наглядно, доказало событіе 17-го Октября прошлаго года.

Въ виду этого мнѣ и казалось наиболѣе естественнымъ посвятить мою книгу о воспитаніи молодыхъ подрастающихъ поколѣній Тѣмъ, Которымъ самимъ Провидѣніемъ предопредѣлено отечески заботиться и печься о всемъ многолюдномъ населеніи нашего обширнаго Отечества и Которые въ понятіяхъ русскаго народа являются высшимъ идеаломъ родительской любви и родительской власти.

Въ мірѣ мысли и чувства мы всѣ одинаково свободны и независимы, и настоящее посвященіе я осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашихъ Императорскихъ Величествъ,

какъ слабое проявленіе свободной, неподкупной мысли и независимаго глубокаго чувства. Буду счастлива, если когда либо представится случай фактически доказать Вашимъ Императорскимъ Величествамъ все то, что не сумѣла выразить здѣсь словами.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

вѣрноподданная

М. Манасеина.

26 января
1889 г.

ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Глубоко тронутая и осчастливленная тѣмъ Высочайшимъ и Всемилостивѣйшимъ довѣріемъ, которое сказалось въ Соизволеніи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Государя Императора Александра Александровича на принятіе посвященія моего готовившагося къ печати труда о воспитаніи Ихъ Августѣйшему Имени, я пожелала, конечно, поднести Ихъ Величествамъ, по возможности, лучший трудъ моей жизни.

Вслѣдствіе этого въ теченіе пяти слишкомъ лѣтъ я неустанно работала надъ сказаннымъ сочиненіемъ, главный матеріаль для котораго былъ уже готовъ шесть лѣтъ тому назадъ. Дѣло подвигалось медленно во 1) вслѣдствіе обширности программы, а во 2) также и потому, что смерть графа Дмитрія Андреевича Толстого лишила меня обѣщанныхъ имъ мнѣ поддержки и содѣйствія, какъ при разработкѣ и собираніи недостающихъ матеріаловъ, такъ и при печатаніи даннаго труда.

Наконецъ, этой осенью, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, началось печатаніе настоящаго труда незадолго передъ тѣмъ, какъ вся Россія была до глубины души поражена преждевременной кончиной Государя Императора Александра Александровича.

Трудно, сказать, удастся ли мнѣ довести до конца этотъ трудъ, задуманный мною въ широкомъ масштабѣ. Во вся-

комъ случаѣ я рѣшилась выпустить теперь же въ свѣтъ первый отдѣлъ моего сочиненія, а именно „О религіозномъ воспитаніи“, какъ выраженіе моего безпредѣльнаго глубокочитанія Ея Величества Государыни Императрицы Марии Ѳеодоровны и моего искренняго соболѣзнованія къ Ея горю, раздѣляемому всѣмъ почти цивилизованнымъ міромъ.

Въ тоже время пусть этотъ первый выпускъ моего труда служить отъ всего сердца приносимой мною данью памяти въ Божѣ почившаго Государя Александра Александровича, неустанно стремившагося, во время Своего Царствованія, высоко держать знамя религіи въ своей странѣ.

С.-Петербургъ.
8-го ноября
1894 г.

Государю Императору

Николаетю Александровичу

въ губерн

впрно подданническаго глубокого

подноси

сеп тр

авто,

ВВЕДЕНИЕ.

«Quel champ de bataille que l'homme!
Nous sommes livrés à ces dieux, à ces
monstres, à ces géants—nos pensées. Sou-
vent ces bellegirants terribles foulent aux
pieds notre âme...

Victor Hugo.

Приступая къ какому нибудь дѣлу, мы прежде всего, конечно, должны выяснить себѣ тѣ цѣли, къ осуществленію которыхъ мы стремимся въ данномъ случаѣ. Это общее основное правило всякой сознательной дѣятельности чело-вѣка и потому оно обязательно и для педагога, какъ и для всякаго иного дѣятеля. Авторы, хотя бы напр. М. Мёллеръ, писавшіе, что каждый педагогъ, приступая къ дѣлу, долженъ прежде всего выяснить себѣ цѣли воспитанія, въ сущности ставили въ качествѣ specialнаго требованія для педагога то, что составляетъ необходимое, основное условіе всякой сознательной человѣческой дѣятельности.

Между тѣмъ сознание каждаго отдѣльнаго чело-вѣка представляетъ извѣстныя индивидуальныя разницы, результатомъ которыхъ и являются неизбѣжныя различія взглядовъ и мнѣній. О воспитаніи подростящихъ поколѣній было писано очень и очень многое; на этомъ вопросѣ останавливались очень и очень многіе авторы и въ общемъ итогѣ мы и видимъ, что цѣль воспитанія опредѣлялась самымъ разнообразнымъ образомъ. Отцы церкви видѣли конечную цѣль воспитанія въ развитіи въ чело-вѣкѣ подобія Божія; ту же самую цѣль, т. е. развитіе въ чело-вѣкѣ божественныхъ сторонъ ставили для воспитанія и Амосъ Коменій, и Песталоцци и Гразеръ и многіе другіе. Философъ Вольфъ и его школа видѣли цѣль воспитанія въ достиженіи блаженства; то же самое защищаетъ и Фельбингеръ и Шварцъ. Имм. Кантъ говоритъ, что воспитаніе должно стремиться къ наивозможно высокому развитію идеи чело-

вѣчества; Нимейеръ защищаетъ ту же самую мысль, т. е. и для него цѣль воспитанія сводится на возможно полное развитіе идеала человѣчества, идеала гуманизма. То же самое проводить и Гердеръ. Фихте принципомъ воспитанія ставилъ безконечное совершенствованіе, Гегель-же сводилъ цѣль воспитанія на достиженіе свободы духа. Жанъ Поль Рихтеръ доказывалъ, что цѣль воспитанія—это развитіе тѣх идеальныхъ задатки человѣчества, которые имѣются въ каждомъ ребенкѣ. Дистервегъ находилъ, что цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы приучить ребенка къ самостоятельности въ дѣлѣ служенія истинѣ, добру и прекрасному. Розенкранцъ проводилъ ту мысль, что воспитаніе должно имѣть въ виду, чтобы заставить воспитываемаго сдѣлаться само собою истиннымъ человѣкомъ и въ виду этого онъ требовалъ развитія свободы духа, развитія присущей человѣку практической и теорической разумности. Куртманнъ опредѣлялъ цѣль воспитанія въ наивозможно полномъ осуществленіи христіанской цивилизаціи. Шлейермахеръ видитъ цѣль воспитанія въ истинной нравственности; Гербартъ—въ добродѣтели или въ стойкости нравственности. Вайцъ говоритъ, что цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить нравственный складъ жизни. Браубахъ опредѣлялъ цѣль воспитанія такъ: оно должно сдѣлать человѣка способнымъ воспитывать самого себя. Гёте видитъ цѣль воспитанія въ развитіи индивидуальности каждаго человѣка. На важности развитія индивидуальности, т. е. особенностей каждаго отдѣльнаго человѣка настаивалъ и Джонъ Стюартъ Милль и многіе другіе авторы. Изъ педагоговъ упомяну здѣсь Ленеке. Бенеке говорилъ, что цѣль воспитанія сводится на то, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поднять воспитываемаго на ту ступень развитія, на которой находится воспитатель. Жанъ Жакъ Руссо, какъ всѣмъ конечно извѣстно, защищалъ возможно полное возвращеніе къ природѣ и цѣль воспитанія онъ также, какъ и его послѣдователи, видѣлъ въ возможно полномъ развитіи естественныхъ наклонностей и способностей ребенка. Самое оригинальное опредѣленіе цѣли воспитанія принадлежитъ Мейеру, который находилъ, что всякое воспитаніе сводится въ сущности на стремленіе къ непрерывности человѣческаго рода, такъ какъ воспитаніе стремится будто-бы въ конечномъ выводѣ къ тому только, чтобы сдѣлать молодыхъ подрастающихъ поколѣнія наслѣдниками, собственниками того,

что было приобретено, что было добыто и выработано ихъ предками.

Мы могли бы еще привести нѣсколько опредѣленій цѣли воспитанія; но считаемъ это излишнимъ, такъ какъ они всѣ явились бы лишь повтореніемъ уже приведенныхъ нами выше.

При вдумчивомъ отношеніи къ вышеприведеннымъ опредѣленіямъ нельзя не замѣтить, что всѣ они въ сущности могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы, а именно во 1) на идейныя или альтруистическія и во 2) на индивидуальныя или эгоистическія. Перваго рода опредѣленія видятъ цѣль воспитанія въ совершенствованіи всего человѣчества, въ развитіи наивозможно полномъ идеала человѣчества и воспитаніе отдѣльной личности имѣетъ значеніе только по столько, по сколько эта личность является частицей общаго цѣлаго, частицей человѣчества. Само собою разумѣется, что при подобномъ взглядѣ на назначеніе воспитанія конечная цѣль его опредѣлялась различно, смотря по тому, какія философскія ученія, какія убѣжденія, какія вѣрованія приобретали господство въ данное время и въ данномъ обществѣ. Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что конечной цѣлью воспитанія въ извѣстное время считается развитіе божественныхъ сторонъ въ человѣкѣ, или достиженіе «подобія Божія»; затѣмъ ее видятъ въ достиженіи наивозможнаго счастья, въ достиженіи блаженства; а тамъ мы видимъ времена, когда главную цѣль воспитанія люди видѣли въ стремленіи къ осуществленію идеала человѣка, идеала человѣчества.

При этомъ люди совершенно упускаютъ изъ виду одно обстоятельство, а именно, что всѣ идеалы, всѣ отвлеченныя понятія не представляютъ собою чего-то неизбѣжнаго и постоянного. Напротивъ того они мѣняются сообразно развитію, сообразно культурѣ, цивилизаціи каждаго народа и то, что въ данную минуту представляется намъ идеаломъ человѣка, идеаломъ человѣчества окажется, быть можетъ, въ глазахъ нашихъ отдаленныхъ потомковъ предметомъ насмѣшки, окажется не идеаломъ, къ которому надо стремиться, а продуктомъ нашего недомыслія, нашего невѣжества, по которому можно будетъ судить о характерѣ нашей печальной эпохи, стоявшей еще такъ низко по своему развитію. Мы, люди 19-го столѣтія, не можемъ серьезно относиться къ тому идеалу человѣка, который былъ вырабо-

танъ краснокожими индѣйцами; мы находимъ этомъ идеаль дѣтскимъ, невѣрнымъ. Между тѣмъ, кто знаетъ, сколько вѣковъ успѣетъ пройти до того времени, когда все, что мы считаемъ теперь верховъ мудрости, верховъ совершенства, окажется лишь дѣтскимъ лепетомъ, служащимъ выраженіемъ для не менѣе дѣтскихъ понятій?

Наши идеалы человѣчества, наши идеалы счастья, блаженства измѣнчивы, различны, и даже у людей одного и того же времени, одного и того же народа они подчасъ могутъ быть до того различны, что окажутся даже противорѣчивыми, несовмѣстимыми. Возьмите для примѣра идеаль челоука по понятіямъ русскаго кулака, съ одной стороны и русскаго поэта, съ другой. Не получите-ли вы при этомъ двѣ совершенно несомѣстимыя величины? Даже самое понятіе о Господѣ Богѣ и то оказывается различнымъ, смотря по развитію, по внутреннему складу каждаго челоука.

«Wie Einer ist, so ist sein Gott
Darum ward Gott so oft zum Spott»

сказалъ великій германскій поэтъ.

Въ виду этого опредѣлять конечную цѣль воспитанія стремленіемъ къ осуществленію, къ достиженію того или иного идеала, является неудобнымъ, потому что разъ я стремлюсь къ чему-то трудно поддающемуся опредѣленію, къ чему-то измѣнчивому, смутному, то я тѣмъ самымъ лишень бываю возможности точно и отчетливо опредѣлить тѣ мѣры и тѣ средства, которыми я могу идти къ своей цѣли. Между тѣмъ для успѣшнаго воспитанія требуется прежде всего снабдить воспитателя точными строго опредѣленными правилами, которыя бы, какъ радіусы одного круга, всѣ бы сходились къ одной цѣли. Если цѣль воспитанія сводится на достиженіе какого то идеальнаго небывалаго еще состоянія челоучества, то самая неопредѣленность, туманность подобной цѣли дѣлаетъ невозможнымъ примѣненіе точно разсчитанныхъ, стройно направленныхъ къ одной цѣли воспитательныхъ мѣръ и, какъ воспитатели, такъ и воспитываемыя становятся простой игрушкой случая, при чемъ внѣшнія условія опредѣляютъ, какъ общій типъ воспитанія, такъ и централизацию воспитательныхъ вліяній на развитіе той или иной стороны челоуческой души. Все это вполнѣ естественно и понятно, такъ какъ точно опредѣленные, строго разсчитанныя мѣры возможны

только въ виду знакомой, ясно сформулированной цѣли. Туманность, неопредѣленность цѣли порождаетъ безцѣльное блужденіе со всѣми его гибельными послѣдствіями.

Стремясь къ наивозможно полному развитію идеи гуманизма, къ наивозможно полному осуществленію идеаль челоучества, современныя школы стараются дать воспитываемымъ въ нихъ дѣтямъ наивозможно больше знаній, наивозможно больше идей и при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что воспріимчивость челоуческаго духа, какъ и все на свѣтѣ, имѣетъ свои опредѣленные границы и что поэтому излишекъ умственной, духовной пищи можетъ также сильно вредить, какъ и излишекъ физической пищи. И вотъ въ результатѣ современныя школы, современныя системы воспитанія юношества зачастую порождаютъ подобное чрезмѣрное переполненіе духа разнообразными плохо усвоенными знаніями, готовыми идеями, готовыми выводами, готовыми сужденіями и что-же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что число людей, страдающихъ отъ мозговаго переутомленія, растетъ изъ года въ годъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ число людей, умѣющихъ самостоятельно мыслить и жить, уменьшается со дня на день?

Сознаніе, что подобное направленіе воспитанія можетъ привести только къ пагубнымъ послѣдствіямъ побудило многихъ и многихъ авторовъ искать противоядія въ другой постановкѣ самой цѣли воспитанія. Одни изъ нихъ старались помочь злу тѣмъ, что они съуживали цѣль воспитанія на развитіе одной какой либо стороны въ челоуцѣ, такъ напр. многіе авторы находили, что все назначеніе воспитанія сводится на развитіе, на укрѣпленіе, на обезпеченіе нравственности (Шлейермахеръ, Гербартъ, Вайцъ и др), одной только нравственности. Восемнадцатый вѣкъ считалъ особенно важнымъ развитіе чувствительности въ душѣ ребенка, какъ залогъ любви къ ближнему, милосердія и другихъ добродѣтелей (д'Этенеи, Гельвецій и др.). Болѣе смѣлые и прямолинейные умы не довольствовались ограниченіемъ цѣли воспитанія, а прямо отрицали всѣ идеальныя цѣли воспитанія и доказывали, что оно должно только обезпечивать нормальное развитіе природнымъ качествамъ и склонностямъ дѣтей; они отрицали всю цивилизацию, какъ вредную и совѣтовали челоучеству вернуться въ состояніе первобытнаго челоука. Жанъ Жакъ Руссо изложилъ въ своемъ Эмилѣ этотъ взглядъ на воспитаніе и дѣйствительно его

Эмиль, по совершенно вѣрному замѣчанію Грера, «представляет собою дитя природы, воспитанное самою природой, согласно ея законамъ для удовлетворенія всѣхъ естественныхъ потребностей организма». Вліяніе Ж. Ж. Руссо имѣлъ, какъ извѣстно, громадное и не только на своихъ современниковъ, но также и на послѣдующія поколѣнія. Здѣсь, конечно, неумѣстно было бы останавливаться на разборѣ значенія Ж. Ж. Руссо въ качествѣ педагога; но во всякомъ случаѣ мы должны были указать, что онъ является, такъ сказать, первымъ и по значенію и по времени представителемъ того новаго направленія педагогики, которое главную цѣль воспитанія видитъ въ развитіи всѣхъ индивидуальных особенностей ребенка; потому что естественное развитіе немыслимо безъ индивидуальнаго развитія.

Вездѣ въ природѣ мы встрѣчаемся только съ развитіемъ прирожденныхъ, присущихъ каждому организму особенностей, тогда какъ появленіе новыхъ особенностей, новыхъ способностей и потребностей совершается рядомъ до нельзя постепенныхъ переходовъ, рядомъ до нельзя постепенныхъ видоизмѣненій, потому что всякое рѣзкое, всякое внезапное нарушеніе обычныхъ условій жизни, обычныхъ условій организаціи влечетъ за собою страданіе, заболѣваніе, а слѣдовательно, и смерть. Постепенность, съ которою совершается видоизмѣненіе существующихъ индивидуальных особенностей организаціи и созиданіе новыхъ особенностей бываетъ въ природѣ такъ велика, что отъ нашего вниманія обыкновенно ускользаетъ эта медленная, но непрерывная творческая дѣятельность природы и для того, чтобы провидѣть ее нужна была гениальная прозорливость Дарвина, этого гиганта въ мірѣ мысли 19-го столѣтія!

Такимъ образомъ Руссо, защищая возвращеніе къ природѣ, тѣмъ самымъ защищалъ индивидуализмъ въ воспитаніи. Число послѣдователей его было легіонъ; но тѣмъ не менѣе и это направленіе воспитанія не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Дѣло въ томъ, что разъ воспитаніе ставило своимъ руководящимъ принципомъ развитіе индивидуализма, то оно тѣмъ самымъ дѣлало невозможнымъ существованіе общихъ правилъ воспитанія, дѣлало невозможнымъ существованіе одной общей системы воспитанія, потому что, разъ въ каждомъ ребенкѣ слѣдовало развивать его индивидуальные способности, его индивидуаль-

ныя наклонности, то, слѣдовательно, для каждого отдѣльнаго случая нужны были свои спеціальныя воспитательныя мѣры, для каждого ребенка нужны были иные воспитательныя приемы! И въ результатѣ должны были получиться такая раздробленность, такая многочисленность воспитательныхъ приемовъ, что о сколько нибудь цѣлостной, научной системѣ воспитанія не могло быть и рѣчи. Каждый ребенокъ долженъ былъ воспитываться согласно особенностямъ его природы, согласно его естественнымъ способностямъ и, слѣдовательно, все сводится въ сущности на благоусмотрѣніе каждого отдѣльнаго воспитателя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ точныхъ способовъ для опредѣленія различныхъ индивидуальных особенностей у различныхъ дѣтей и все зависитъ отъ наблюдательности, отъ догадливости и прозорливости воспитателя.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что и системы воспитанія втораго типа, т. е. имѣющія въ виду эгоистическое развитіе только данной личности, даннаго индивидуума не могли привести къ выработкѣ законченной, строго сформулированной системы воспитанія, не могли уже по тому одному, что какъ психологія, такъ и психо-фізіологія до сихъ поръ еще оказываются безсильными дать намъ такіе приемы, путемъ которыхъ можно было бы опредѣлять индивидуальные особенности каждой дѣтской души. Въ настоящее время мы можемъ только мечтать о томъ счастливомъ, но еще очень и очень отдаленномъ будущемъ, когда наука о душѣ сѣмѣетъ выработать такіе приемы, путемъ которыхъ можно будетъ опредѣлять душевныя особенности каждого ребенка подобно тому, какъ мы теперь опредѣляемъ цвѣтъ глазъ и волосъ или вѣсъ и ростъ тѣла. Въ наше время подобное опредѣленіе индивидуальных особенностей каждой дѣтской души совершенно немыслимо и потому, если системы воспитанія альтруистическаго типа, т. е. имѣющія въ виду совершенствованіе всего человѣчества, имѣющія въ виду достиженіе всеобщаго блаженства, всеобщей высокой нравственности и т. д., не могутъ давать практическихъ результатовъ вслѣдствіе обширности, смутности и неопредѣленности самой цѣли, то системы воспитанія втораго типа оказываются обезсиленными безконечной массой индивидуальных подробностей, которыя должны быть приняты

въ соображеніе при составленіи основныхъ правилъ воспитанія; а между тѣмъ самое распознаваніе этихъ индивидуальныхъ особенностей оказывается крайне затруднительнымъ и зачастую даже невозможнымъ.

Педагоги сознавали, конечно, всю трудность вопроса о составленіи общихъ правилъ воспитанія и старались облегчить, упростить задачу путемъ ограниченія самой области воспитанія. Такимъ образомъ явилось отдѣленіе образованія отъ воспитанія, которое признается и по сию пору. Снабженіе ребенка и юноши извѣстными знаніями, ознакомленіе его съ извѣстными научными и иными истинами считалось дѣломъ образованія, дѣломъ школы, тогда какъ задачей воспитанія признавалось развитіе характера, развитіе самоуправления, воли, развитіе нравственности, однимъ словомъ, развитіе внутренняго я, развитіе индивидуальнаго человѣка, согласно тѣмъ или инымъ идеаламъ человѣчества.

Въ этомъ отдѣленіи образованія отъ воспитанія сказалась присущая человѣку наклонность къ дифференцированію; но такъ какъ объектомъ этого дифференцированія являлся живой дѣтскій организмъ, представляющій собою одно нераздѣльное цѣлое, представляющій собою сумму безконечнаго числа различныхъ взаимодействующихъ, взаимоопредѣляющихъ вліяній, то проведеніе подобнаго дифференцированія оказывалось совершенно невозможнымъ. Дѣйствительно, возможно ли, мыслимо ли обставить преподаваніе какого бы то ни было предмета, какой бы то ни было науки такъ, чтобы факты, чтобы истины, доказываемыя ею, не оказывали извѣстнаго вліянія на развитіе характера, на развитіе воли, на развитіе чувствъ и нравственности, т. е. именно тѣхъ сторонъ въ человѣкѣ, которыя считаются собственно зависящими отъ воспитательныхъ моментовъ и принадлежащими къ сферѣ дѣйствія воспитанія, а не образованія.

Въ основѣ раздѣленія образованія и воспитанія лежитъ, такъ сказать, скрытое убѣжденіе, что развитіе ума можетъ совершаться независимо отъ развитія этической и другихъ сторонъ человѣка. Между тѣмъ нѣтъ убѣжденія болѣе ложнаго, а слѣдовательно, и болѣе пагубнаго, чѣмъ этотъ взглядъ на независимость умственной сферы отъ всѣхъ остальныхъ областей человѣческой души. Дѣло въ томъ, что всѣ идеалы человѣчества вырабатываются только путемъ непрерывной работы логической мысли, т. е. благо-

даря дѣятельности ума. Стоитъ только внимательно прослѣдить исторію различныхъ народовъ земнаго шара и мы убѣдимся, что чѣмъ ниже по своему развитію стоитъ умственная сфера данной эпохи и данной народной массы, тѣмъ грубѣе и тѣмъ ниже оказываются и нравственные идеалы ихъ и это вполне естественно, такъ какъ всѣ идеалы эстетики, всѣ идеалы этики требуютъ, какъ для своего созиданія, такъ и для своего пониманія извѣстную соотвѣтственную высоту развитія ума. Безъ работы логической мысли, безъ работы ума немыслимо никакое познаніе, немыслимо даже элементарное познаніе добра и зла, какъ это наглядно доказываютъ намъ идиоты, слабоумные и различные другія формы умственныхъ разстройствъ. Еслибы нравственные идеалы, еслибы этическая и эстетическая сферы человѣческой души были бы независимы отъ ума и разсудка, то въ такомъ случаѣ разстройства умственной сферы должны бы были оставаться безъ вліянія на нихъ; между тѣмъ населеніе психиатрическихъ клиникъ доказываетъ постоянно, что всякое болѣзненное разстройство въ умственной сферѣ человѣка, всякое разстройство его логической мысли отражается тотчасъ-же и на его нравственности, и на его характерѣ. Очень многія формы умопомѣшательствъ сопровождаются такимъ рѣзкимъ измѣненіемъ всего нравственнаго облика человѣка, что больной является полнымъ нигилистомъ: онъ отказывается отъ всѣхъ своихъ идеаловъ, отъ всѣхъ своихъ вѣрованій и принциповъ. Самые нравственные, самые скромные люди, подпадая умственному разстройству, начинаютъ поражать насъ своею безнравственностію, своимъ цинизмомъ; люди, отличавшіеся высоко развитымъ эстетическимъ чувствомъ, подпадая умственному разстройству, поражаютъ насъ своимъ грубымъ вкусомъ и полнымъ отрицаніемъ даже требованій самой элементарной чистоплотности. Отчего? Да именно оттого, что и характеръ, и нравственность, и эстетическія стремленія человѣка, однимъ словомъ, всѣ разнообразныя стороны его души находятся въ тѣснѣйшей связи, въ тѣснѣйшей зависимости отъ его умственной дѣятельности. Уничтожьте у человѣка его умъ, его логическое мышленіе и вы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожите, какъ нравственные, такъ и всякіе иные идеалы въ его душѣ.

Въ современномъ обществѣ, правда, зачастую приходится слышать, что умные люди обыкновенно бываютъ,

если и не злыми, то во всякомъ случаѣ не добрыми людьми и въ то же время людямъ, завѣдомо тупымъ въ умственномъ отношеніи, приписываютъ обыкновенно какую-то особую доброту. Всѣ эти заявленія, одноко, также какъ и убѣжденіе въ независимости нравственныхъ качествъ отъ умственной сферы человѣка, объясняются неточностію наблюдений и ошибочнымъ объясненіемъ замѣченныхъ фактовъ. Такъ, напр., люди, съ ограниченнымъ умомъ, многого не понимаютъ, многого не замѣчаютъ и потому они рѣже протестуютъ, меньше возражаютъ, чѣмъ люди, сильнаго ума и въ результатѣ ихъ индифферентизмъ, ихъ пассивное отношеніе къ окружающимъ ихъ явленіямъ объясняютъ снисходительностію доброты. Между тѣмъ для дѣйствительной доброты прежде всего необходимъ высокій умъ, потому что для этого нужно не только умѣть познавать добро и зло, но и кромѣ того надо умѣть понимать, какъ причины, такъ и послѣдствія того и другаго; а это возможно только при сильномъ и высоко развитомъ умѣ.

Послѣ всего сказаннаго нами понятно, что *образование*, снабжающее умъ человѣка, необходимыми для его развитія свѣдѣніями, необходимыми знаніями, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ воспитательныхъ средствъ и потому отдѣленіе образованія отъ воспитанія является нелогичнымъ, а слѣдовательно, и непозволительнымъ, и вреднымъ. И вредъ этотъ не только существуетъ, но даже отчасти уже и сознается, такъ какъ въ педагогической литературѣ уже неоднократно указывали на то, что въ школѣ нерѣдко разрушаютъ, уничтожаютъ то, что ребенокъ вынесъ изъ дома своихъ родителей, нерѣдко стараются искоренить въ ребенкѣ какъ разъ то, что развивается и укрѣпляется въ немъ его воспитателями. Дѣйствительно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что образование, идущее совершенно независимо отъ воспитанія, можетъ преслѣдовать иногда другія цѣли, можетъ ставить подроствающимъ поколѣніямъ другіе идеалы, чѣмъ тѣ воспитатели, которые вліяютъ на ребенка вездѣ и во всемъ, кромѣ преподаванія.

Правда, въ настоящее время очень много пишутъ, очень много толкуютъ о необходимости большаго единенія между школой, съ одной стороны и семьей учениковъ, съ другой; но всѣ эти толки, всѣ эти статьи не могутъ устранить существующаго зла. Подумайте сами, вѣдь не можетъ же каждый учитель освѣдомляться объ этическомъ складѣ семьи

каждаго изъ своихъ учениковъ, не можетъ же онъ примѣняться къ особенностямъ воспитательныхъ домашнихъ вліяній въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ?

Зло, конечно, было бы далеко не такъ велико, какъ оно оказывается въ дѣйствительности, если бы наше современное общество представляло хоть нѣкоторое единство воззрѣній, убѣждений, идеаловъ. Къ сожалѣнію, наше время замѣчательно именно по своей разнорѣчивости, по своему разногласію въ этомъ отношеніи и ребенокъ, переходя изъ дѣтской въ классную, изъ классной въ гостиную, переходя отъ роднаго очага въ школу, по большей части, знакомится все съ новыми и новыми воззрѣніями на одинъ и тотъ же предметъ, при чемъ нерѣдко эти воззрѣнія оказываются диаметрально противоположными, несомѣстимыми, оказываются взаимно отрицающими себя! Даже при переходѣ изъ класса въ классъ, при переходѣ отъ одного учителя къ другому наши дѣти нерѣдко вынуждены бываютъ знакомиться съ противоположными взглядами на самые дорогіе, самые существенные идеалы человѣчества. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наше время страдаетъ недостаткомъ людей съ цѣлостнымъ характеромъ, людей съ сильными убѣжденіями, потому что разъ наши дѣти и юноши подвергаются противорѣчивымъ вліяніямъ, то понятно, что въ ихъ сознании не успѣваетъ надлежащимъ образомъ укрѣпиться ни одинъ изъ даваемыхъ имъ окружающей средой идеаловъ, ни одно изъ принимаемыхъ ими убѣждений, такъ какъ то, во что они привыкли вѣрить въ дѣтской, осмѣивается и ломается, какъ ненужное, въ классной; то, чему они поклонялись дома, отрицается и разрушается въ школѣ, а вѣрованія и убѣжденія, данныя имъ школой, осмѣиваются въ гостини, въ обществѣ и такъ далѣе.

Въ этомъ отношеніи наши предки были счастливы: они жили въ такое время, когда человѣческія общества представляли большую однородность въ своемъ развитіи, въ своихъ убѣжденіяхъ, вѣрованіяхъ, идеалахъ и потому тогда между школой и обществомъ не было той розни, какъ теперь; а, слѣдовательно, и убѣжденія, вѣрованія, идеалы, получаемыя дѣтьми дома, подкрѣплялись затѣмъ школой и самимъ обществомъ и имѣли такимъ образомъ полную возможность окрѣпнуть, пустить глубокіе корни въ души молодыхъ подростовъ поколѣній. Теперь же, когда

рознь мнѣній, убѣжденій, вѣрованій достигла такой значительной степени, что трудно бываетъ найти въ нашемъ обществѣ нѣсколькихъ совершенно единомыслящихъ людей, рознь школы съ обществомъ, съ семьей достигла, конечно, самой рѣзкой степени и что еще ужаснѣе это то, что рознь мнѣній, вѣрованій зачастую проникаетъ даже въ стѣны самой школы, при чемъ одинъ учитель отрицаетъ и осмѣиваетъ то, что утверждаетъ другой.

На вредное вліяніе подобной розни между семьей, обществомъ и школой указывали и продолжаютъ указывать многіе авторы (Монтескье, Ля-Шалоте, Сикарь и др.) и въ качествѣ средства противъ этого зла многіе авторы требуютъ болѣе близкаго единенія между семьей и школой. Къ сожалѣнію, только, единеніе это не можетъ быть установлено по желанію; оно не можетъ быть создано искусственно, потому что первымъ и необходимымъ условіемъ его является единство мнѣній, убѣжденій и вѣрованій.

Кромѣ того рознь школы и семьи поддерживается еще также и тѣмъ ошибочнымъ убѣжденіемъ, которое смотритъ на образованіе, на обученіе, какъ на что то независимое отъ воспитанія, вслѣдствіе чего дѣтей отдаютъ въ какую придется школу, нисколько не заботясь о взглядахъ и убѣжденіяхъ преподающихъ въ ней и управляющихъ ею лицъ. Разъ общество сознаетъ, что всякое образованіе есть ничто иное, какъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ воспитанія дѣтей, то оно, конечно, должно будетъ хоть до нѣкоторой степени отказываться отъ своего индифферентизма въ дѣлѣ выбора школы и наставниковъ и позаботиться о томъ, чтобы подростокъ не подвергался съ самыхъ раннихъ лѣтъ вліянію противорѣчивыхъ взглядовъ, противоположныхъ убѣжденій и чтобы ихъ не знакомили одновременно и съ вѣрованіями въ извѣстные идеалы, въ извѣстныя истины, и съ отрицаніями, опроверженіями ихъ.

Обучая дѣтей пѣть стараются, по возможности, устранить всякій диссонансъ, всякую фальшивую ноту, потому что всякій изъ насъ знаетъ, что если ребенокъ будетъ фальшивить при пѣніи, то онъ никогда не научится пѣть. Точно такъ же и при обученіи стрѣльбѣ въ цѣль никому и въ голову не придетъ заставлять или побуждать учащагося стрѣлять отрицательно, т. е. мимо назначенной цѣли. То же самое мы видимъ и при обученіи всѣмъ другимъ мышечнымъ актамъ, напр. при обученіи фехтованію,

игрѣ на роялѣ, шитью, письму и т. д. и т. д. Вездѣ въ подобныхъ случаяхъ цѣль учителя состоитъ въ томъ, чтобы устранить всѣ противорѣчивыя, антагонистическія мышечныя движенія для того, чтобы дать учащемуся полную возможность твердо заучить, запомнить опредѣленныя, локализованныя въ извѣстной мышечной группѣ движенія, такъ какъ иначе учащійся никогда не можетъ научиться, т. е. вполне овладѣть желаемымъ мышечнымъ движеніемъ. И это вполне понятно, такъ какъ не можетъ же, на примѣръ, мой палецъ правильно сгибаться, если одновременно на него дѣйствуютъ, какъ мышцы сгибатели, такъ и антагонисты ихъ, т. е. разгибатели, потому что при этомъ онъ подпадаетъ вліянію мышцъ, тянущихъ его въ противоположныхъ направленіяхъ и въ результатѣ можетъ и должно получиться только одно, а именно полное отсутствіе всякаго движенія, если мышцы антагонисты одинаково сильны; если же они не равны по силѣ, то получится движеніе въ сторону дѣйствія наиболѣе сильныхъ, но движеніе это будетъ все-же ослабленное, неправильное и неполное.

То, что вѣрно по отношенію къ мышцамъ, вѣрно также и по отношенію къ мышленію и ко всей психической дѣятельности человека вообще. Для того, чтобы у воспитываемыхъ молодыхъ поколѣній могли сложиться твердыя убѣжденія, цѣлостный характеръ мы должны дать имъ время освоиться, сжиться съ извѣстными убѣжденіями, съ извѣстными идеалами, а для этого требуется прежде всего устранить всѣ отрицательныя, всѣ антагонистическія вліянія. Идеалы, которые ребенокъ выноситъ изъ дѣтской, изъ дому, должны получать новое подкрѣпленіе, новую пищу, новое освѣщеніе въ школѣ, въ университетѣ и въ обществѣ. Только при этомъ условіи мыслимо воспитать людей съ убѣжденіями, людей съ характеромъ, т. е. людей, умѣющихъ постоять за идею, за истину, способныхъ жить и умереть ради нея!

Какъ-же быть, если въ дѣтской, или дома, или въ школѣ ребенокъ получаетъ ложныя убѣжденія, ложныя, давно опровергнутыя идеалы? На это одинъ отвѣтъ: надо обставить дѣтскую, родительскій домъ и школу такъ, чтобы чистая душа ребенка не могла засоряться ложными убѣжденіями, ложными вѣрованіями, ложными идеалами и уже во всякомъ случаѣ надо позаботиться о томъ, чтобы

по крайней мѣрѣ между семьей и избираемой школой существовало бы извѣстное единомысліе относительно основныхъ убѣжденій, вѣрованій и идеаловъ. А для этого прежде всего необходимо твердое сознаніе, что образованіе и воспитаніе составляютъ одно нераздѣльное, органическое цѣлое.

Итакъ мы пришли къ тому заключенію, что образованіе характера, развитіе воли и нравственности немислимо безъ одновременнаго развитія ума и что поэтому все образованіе является однимъ изъ существенныхъ средствъ воспитанія молодыхъ подростящихъ поколѣній. Кромѣ того мы убѣдились, что всѣ перечисленные опредѣленія цѣли воспитанія не удовлетворяютъ насъ, потому что одни изъ нихъ берутъ своею цѣлью слишкомъ общія, слишкомъ смутныя, а потому и трудно опредѣлимые понятія, а другія, напротивъ того, стремятся къ такой индивидуализаціи, которая оказывается положительно неосуществимой вслѣдствіе безконечной раздробленности самой цѣли воспитанія. Между тѣмъ всякая дѣятельность, а слѣдовательно, и воспитательная требуетъ, для своего успѣшнаго осуществленія, прежде всего сознательной, а слѣдовательно, и точно опредѣленной цѣли; такъ какъ только при наличности подобной цѣли можно бываетъ составить себѣ точно сформулированный планъ дѣйствія. И потому спрашивается теперь въ чемъ именно мы должны ставить себѣ цѣль воспитанія?

Само собою разумѣется, что цѣль, которую ставить себѣ воспитатель, должна быть достаточно широка для того, чтобы она могла совмѣщать въ себѣ, какъ интересы всего человѣчества вообще, такъ и интересы каждой отдѣльной личности и, слѣдовательно, въ ней должны естественно укладываться, какъ альтруистическія или идейныя, такъ и индивидуальныя или эгоистическія цѣли воспитанія, т. е. она должна обхватывать всѣ вышеупомянутыя стремленія педагогики и открывать полную возможность не только для безконечнаго совершенствованія человѣческихъ общинъ и человѣчества вообще, но также и для свободнаго и пышнаго развитія индивидуальных способностей, качествъ и стремленій. Цѣль воспитанія должна, съ одной стороны, быть такова, чтобы ею устранялось всякое насиліе надъ личностью, всякая ломка индивидуальных особенностей, а съ другой она должна быть также и такова, чтобы, при стремленіи къ ней, человѣчество есте-

ственно бы питало и усиливало въ себѣ тѣ божественныя искры, которыя, хоть и слабо, но все-же теплятся въ немъ, она должна быть такова, чтобы преслѣдуя ее, мы тѣмъ самымъ все больше и больше осуществляли бы въ своей жизни тѣ высокіе идеалы религіи и этики, которые являются какъ-бы путеводными звѣздами въ исторіи развитія человѣчества.

Опредѣливъ требованія, которымъ должна удовлетворять раціональная цѣль воспитанія, мы можемъ теперь приступить къ опредѣленію самой цѣли. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, натуру самаго человѣка, а съ другой — его положеніе, какъ въ средѣ другихъ людей, такъ и посреди всей природы вообще, *мы находимъ, что цѣль воспитанія сводится на то, чтобы подготовить человека къ борьбѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.* Педагогъ, приступающій къ воспитанію ребенка, долженъ помнить, что ребенку этому, гдѣ бы онъ не жилъ и при какихъ бы внѣшнихъ условіяхъ не протекала его жизнь, предстоитъ навѣрное борьба въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ: борьба со стихійными силами природы, борьба съ окружающими его людьми и, наконецъ, самая тяжелая борьба — борьба съ самимъ собою, съ своими собственными страстями, съ своимъ собственнымъ эгоизмомъ. Цѣль воспитанія — это приготовить, вооружить воспитываемыхъ къ предстоящей имъ жизненной борьбѣ, потому что безъ борьбы нѣтъ человѣческаго существованія! Человѣкъ, не способный бороться съ самимъ собою, съ другими людьми и съ окружающей его природой, теряетъ всякое право на названіе человѣка и влача чисто животное или чисто растительное существованіе, быстро подпадаетъ процессамъ диссолюціи, процессамъ вырожденія, разрушенія, процессамъ смерти! Для того, чтобы предупредить эту преждевременную гибель молодыхъ подростящихъ поколѣній воспитатели должны снабдить ихъ такими знаніями, такимъ развитіемъ, такими качествами, которыя-бы дѣлали ихъ невозможна сильными бойцами въ предстоящей жизненной борьбѣ, то есть въ той борьбѣ, которая, какъ Змѣй Горынычъ нашихъ народныхъ сказокъ и былинь, постоянно мѣняетъ свою форму и только что побѣжденная человекомъ въ одной своей формѣ, тотчасъ же наступаетъ на него въ другомъ уже видѣ и такъ непрерывно, въ теченіе всей жизни.

Какъ-бы человекъ не урѣзалъ свою жизнь, какъ-бы онъ не старался втиснуть ее въ рамки самыхъ простыхъ и несложныхъ условий, онъ никогда не можетъ обрѣсти полного покоя и мира; онъ все-же всегда и вездѣ долженъ бываетъ продолжать борьбу и при томъ самую тягостную—борьбу съ самимъ собою. Для примѣра позволю себѣ напомнить вамъ людей, удаляющихся отъ міра, людей, отказывающихся отъ всего мірскаго, т. е. иноковъ, схимниковъ, пустынниковъ и т. д. Люди эти, ища спасенія, ища покоя и мира душевнаго, отказывались и отказываются ото всего, что радуетъ, печалитъ и волнуетъ людей, отказываются отъ почестей, отъ славы, отъ богатства, отъ семейныхъ и гражданскихъ радостей и правъ и тѣмъ не менѣе вдали отъ міра, среди ихъ тихой уединенной кельи, или пещеры, они вынуждены бываютъ все снова и снова переживать самая тяжелыя минуты душевной мучительной борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями, съ своими желаніями, если только они желаютъ остаться вѣрными своему обѣту, своему идеалу. И говорятъ, что эта внутренняя борьба съ самимъ собою достигаетъ у нихъ такой силы, которая никогда почти не наблюдается при обыкновенныхъ условіяхъ жизни.

Такимъ образомъ мы видимъ, что даже люди, отказавшіеся отъ соціальной и видовой жизни, не могутъ избавиться отъ борьбы; отъ борьбы съ собственными стремленіями, желаніями и страстями и это вполне понятно и естественно, потому что человекъ немислимъ безъ борьбы и пока длится его личная жизнь онъ долженъ бороться, непрерывно бороться, такъ какъ только при этомъ условіи мыслимо поддержаніе психическаго равновѣсія, сохраненіе психическаго здоровья. Вѣрность только что высказаннаго нами подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ результатами системы одиночнаго заключенія. Теперь уже окончательно выяснено, что одиночное заключеніе дѣйствуетъ на людей гораздо болѣе пагубно, чѣмъ самая тяжелыя каторжныя работы и при томъ даже несмотря на то, что подвергаемыхъ подобному одиночному заключенію окружаютъ самыми хорошими гигиеническими условіями. Результаты системы одиночнаго заключенія оказались на практикѣ до того печальными, что теперь уже раздаются голоса, требующіе во имя гуманности отмены этой системы; хотя по странной ироніи судьбы и самое введеніе этой

системы тоже защищалось во имя той-же идеи гуманности.

Итакъ система одиночнаго заключенія дѣйствуетъ губительнѣе, нежели самая тяжелыя работы на галерахъ, или на каторгѣ—въ рудникахъ Сибири. Между тѣмъ, казалось бы, что человекъ при одиночномъ заключеніи имѣетъ все, что нужно для здоровой жизни: онъ защищенъ отъ голода, жажды и холода, имѣетъ достаточное количество чистаго воздуха и лишенъ одного, а именно всякой возможности борьбы, какъ съ окружающей природой, такъ и съ другими людьми. Правда, у подвергнутыхъ одиночному заключенію остается не отнятой возможность внутренней борьбы съ самимъ собою, то есть той борьбы, которая наполняетъ жизнь различныхъ отшельниковъ, схимниковъ; но у большинства подобныхъ заключенныхъ нѣтъ внутренняго повода къ подобной борьбѣ, такъ какъ они обыкновенно чужды бываютъ того цикла идей, тѣхъ идеаловъ, которые побуждаютъ другихъ добровольно отказываться отъ міра и его прелестей и удаляться въ уединеніе и пустыню.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, оказывается что подвергнутые одиночному заключенію люди, не имѣя поводовъ къ внутренней борьбѣ съ самими собою вслѣдствіе отсутствія у нихъ извѣстныхъ идей и идеаловъ и лишенные всякой возможности борьбы съ внѣшними условіями жизни, бываютъ въ сущности обречены на жизнь безъ всякой борьбы, на жизнь полного покоя и этотъ то покой дѣйствуетъ самымъ губительнымъ образомъ на ихъ психическое здоровье и обуславливаетъ быстрое разрушеніе его. При общемъ заключеніи въ тюрьмахъ, при жизни на галерахъ или на каторгѣ здоровье заключенныхъ и осужденныхъ страдаетъ далеко не такъ сильно, хотя они зачастую находятся въ очень дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Почему? Да именно потому, что при совмѣстной жизни людей, въ какихъ бы исключительныхъ условіяхъ они не находились, всегда развиваются поводы къ столкновеніямъ, къ спорамъ, однимъ словомъ, поводы къ борьбѣ, которая волнуетъ человека, вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ чувствъ, мыслей, побуждаетъ все снова и снова къ дѣятельности и тѣмъ самымъ поддерживаетъ въ немъ условія болѣе или менѣе нормальной жизни.

Человекъ не мыслимъ безъ постоянной борьбы и потому, повторяю, цѣль всякаго воспитанія сводится на то, чтобы

какъ можно лучше подготовить, какъ можно лучше вооружить воспитываемыхъ къ предстоящей имъ жизненной борьбѣ, къ борьбѣ со стихійными силами природы, къ борьбѣ съ врагами растительнаго и животнаго міровъ, къ борьбѣ съ другими людьми и къ борьбѣ съ своими собственными страстями, съ своимъ собственнымъ эгоизмомъ. Цѣль воспитанія—это приготовить, развить бойца, лишняго хорошаго бойца человѣчества.

Само собой разумѣется что разъ мы задаемся цѣлью приготовить даннаго ребенка, даннаго человѣка *in spe* къ предстоящей ему безконечной борьбѣ, то мы, по необходимости, должны будемъ насколько возможно обращать вниманіе на всѣ индивидуальныя особенности его, потому что, развивая ихъ, мы и можемъ только, надлежащимъ образомъ, подготовить его къ борьбѣ, такъ какъ все искусственно, извнѣ привитое никогда не можетъ достигнуть такого сильнаго развитія, какъ прирожденное, наслѣдственно укрѣпленное. Это, съ одной стороны; а съ другой, мы должны снабдить воспитываемыхъ нами бойцовъ опредѣленными идеями, опредѣленными идеалами, за которые они должны бороться, за которые они должны стоять до послѣдняго пульсоваго толчка. Эти отвлеченно высокіе идеалы представляютъ собою, такъ сказать, тѣ знамена, около которыхъ споконъ вѣковъ инстинктивно группировалось человѣчество въ своей безконечной и неустанной борьбѣ и они служатъ лучшимъ проявленіемъ присущаго человѣчеству стремленія къ совершенствованію, къ развитію въ себѣ безсмертныхъ, божественныхъ сторонъ.

Воспитатель, готовящій будущаго бойца человѣчества долженъ необходимымъ образомъ снабдить его извѣстными идеалами, такъ какъ только они и вносятъ цѣль и осмысленность въ его жизненную борьбу: онъ долженъ же знать ради чего, для чего онъ борется и въ тоже время воспитатель долженъ, по возможности, отгадывать и развивать всѣ его индивидуальныя особенности, такъ какъ онѣ именно и могутъ дать ему, въ качествѣ бойца, совершенно неожиданныя преимущества надъ врагами, какъ среди внѣшняго міра, такъ и внутри его собственной души.

Такимъ образомъ мы видимъ, что цѣль воспитанія, указанная нами, вполне удовлетворяетъ высказаннымъ выше требованіямъ и соединяетъ въ одно, какъ альтруистическія или идейныя, такъ и эгоистическія или индивидуалисти-

ческія цѣли воспитанія. Это даетъ намъ право признать нашу задачу разрѣшенной и перейти теперь къ изложенію въ частностяхъ и подробностяхъ воспитанія, цѣль котораго, повторяю, состоитъ въ томъ, чтобы подготовить воспитаннаго къ ожидающей его въ жизни борьбѣ и дать ему возможность выйти изъ нея со щитомъ или на щитѣ.

Зарѣчье
26 іюня 1891 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСПИТАНІЕ РЕЛИГІОЗНОЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О религіозномъ воспитаніи до 8 лѣтъ.

Для успѣшности всякой дѣятельности требуется не только сознательное опредѣленіе конечной цѣли, но и знакомство съ качествами того матеріала, надъ которымъ придется работать. Въ виду этого и воспитатель долженъ прежде всего постараться выяснитъ себѣ основныя, общія всѣмъ людямъ, безъ исключенія, свойства, такъ какъ безъ этого знанія немыслимо никакое воспитательное вліяніе.

Необходимость этого сознавалась всегда и, если мы прослѣдимъ за взглядами различныхъ авторовъ на этотъ предметъ, то мы убѣдимся, что и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ отвлеченныхъ вопросахъ жизни, мнѣнія расходятся и въ сущности могутъ быть сведены на два діаметрально противоположныхъ положенія. Съ одной стороны, цѣлый рядъ авторовъ, писавшихъ о воспитаніи, принимаютъ, что вслѣдствіе первобытнаго грѣха прародителей, всѣ люди, рождаясь, приносятъ съ собою на свѣтъ и болѣе или менѣе сильно выраженные наклонности ко злу, болѣе или менѣе рѣзкія наклонности ко лжи, къ различнымъ порокамъ, однимъ словомъ къ грѣху и соотвѣтственно съ этимъ они доказываютъ, что воспитаніе должно бороться съ этими наклонностями, должно подавлять ихъ, уничтожать и всѣми силами стремиться къ тому, чтобы дать перевѣсъ свѣтлымъ, добрымъ сторонамъ человѣческой природы. Этотъ взглядъ защищали, конечно, какъ представители церкви, такъ и вообще христіанскіе писатели (Малебраншъ, Боссюэ, Варе, Паскаль, Ролленъ, Бабингтонъ, Стурдза и др.).

Люди противоположнаго взгляда доказываютъ, напротивъ того, что никакого первобытнаго грѣха нѣтъ (Руссо, Вольтеръ, Ривароль и т. д.), что всѣ дѣти рождаются добрыми и невинными и все зло, все дурное развивается въ нихъ вслѣдствіе невѣрнаго воспитанія, нецѣлесообразнаго обученія и вообще вслѣдствіе тлетворнаго вліянія окружающей ихъ соціальной среды. Въ виду такого взгляда на дѣло, авторы, защищающіе его, естественно приходятъ къ тому заключенію, что для устраненія всякаго зла на землѣ слѣдуетъ только не мѣшать развитію тѣхъ хорошихъ, добрыхъ качествъ въ дѣтяхъ, съ которыми они рождаются на свѣтъ. Главнымъ представителемъ этого отрицательнаго направленія въ воспитаніи является, конечно, Жанъ Жакъ Руссо, который, какъ извѣстно, настаивалъ на возвращеніи къ природѣ, къ первобытнымъ условіямъ жизни, какъ на единственномъ средствѣ устраненія всего дурнаго, всего порочнаго и злого изъ жизни человѣчества. Ж. Ж. Руссо имѣлъ въ свое время исключительно сильное вліяніе и большое число послѣдователей и всѣ они защищали и проводили все снова и снова ту мысль, что человѣкъ отъ природы добръ и что все дурное, все злое прививается ему воспитаніемъ и что, слѣдовательно, воспитатели должны главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы обезпечить каждому ребенку свободное развитіе его естественныхъ наклонностей и способностей и устранить тѣ вліянія внѣшней среды, которыя могли бы извратить прекрасныя природныя качества каждаго ребенка.

Само собою разумѣется, что разъ мы признаемъ, что всѣ дѣти рождаются добрыми, невинными и что все злое, все порочное прививается имъ извнѣ, то мы логически должны будемъ прійти къ болѣе или менѣе отрицательному взгляду на воспитаніе, такъ какъ намъ естественно придется, если ребенокъ родится съ одними прекрасными качествами, заботиться только о томъ, чтобы эти качества могли свободно и естественно развиваться и чтобы никакія внѣшнія вліянія не задерживали это развитіе и не прививали бы дѣтямъ чуждыхъ имъ дурныхъ наклонностей или свойствъ.

Авторы, строго логично проводившіе этотъ взглядъ на примитивную неспорченность людей, на отсутствіе первороднаго грѣха, фатальнымъ образомъ приходили къ тому, что начинали отрицать всю нашу цивилизацію и проповѣдывать возвратъ къ природѣ, возвратъ къ первобытнымъ, естествен-

нымъ условіямъ жизни (Ж. Ж. Руссо); но попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи съ воспитаніемъ дѣтей, à la Jean Jacques, очень скоро доказали всю непрактичность и неосуществимость подобныхъ воспитательныхъ принциповъ и въ литературѣ сохранились по этому поводу показанія, доказывающія, что молодые люди, воспитанные подобнымъ образомъ, отличались поразительнымъ невѣжествомъ по отношенію къ самымъ элементарнымъ знаніямъ и въ то же время не представляли никакихъ преимуществъ въ моральномъ отношеніи (Женлисъ). Въ виду этого послѣдователи Жанъ Жака Руссо, продолжая признавать дѣтей при рожденіи неиспорченными, невинными, однимъ словомъ, безъ всякихъ злыхъ и дурныхъ задатковъ, все же считали необходимымъ ввести извѣстные видоизмѣненія въ самую систему воспитанія въ томъ смыслѣ, что они роль воспитателя дѣлали болѣе активной и ограничивали значеніе самой природы (Базедовъ, Кампе, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерръ и т. д.)

Между этими двумя крайними мнѣніями, изъ которыхъ одно видитъ въ воспитательныхъ моментахъ могучее средство для борьбы съ тѣми темными сторонами человѣческой природы, которыя присущи каждому ребенку вслѣдствіе первобытнаго грѣхопаденія прародителей, а другое напротивъ того, признаетъ, что люди рождаются невинными, добрыми, правдивыми и что все зло прививается имъ нецѣлесообразнымъ воспитаніемъ и вліяніями неестественной и испорченной жизненной среды, необходимо упомянуть еще о мнѣніи третьяго типа, которое является, такъ сказать, промежуточнымъ и примиряющимъ, ибо оно принимаетъ, что отъ воспитанія зависитъ, какъ все хорошее, такъ и все дурное въ человѣкѣ, смотря по тому разовьются ли оно хороша, добрыя, или наоборотъ, дурныя, злыя стороны человѣка (Вейкардъ, Байеръ, Шлейермахеръ, Бенеке, Локкъ, Гербертъ Спенсеръ, Рейхъ и т. д.). Взглядъ этотъ, впрочемъ, не представляетъ чего нибудь новаго. Уже въ древнемъ языческомъ мірѣ высказывались подобнаго рода мнѣнія; такъ, напримѣръ, Аристотель прямо говоритъ, что всѣ добродѣтели и всѣ пороки объясняются привычкой, которая начинается складываться съ самаго ранняго дѣтства, а задолго до него Пифагоръ училъ, что дурные, злые люди существуютъ только вслѣдствіе дурнаго воспитанія. Гельвецій даже геніальность признаетъ за результатъ тѣхъ вліяній, среди которыхъ прошло дѣтство и юность человѣка.

Само собою разумѣется, что приписывая воспитанію, какъ все хорошее, такъ и все дурное въ человѣкѣ, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ всякую индивидуальность въ дѣтяхъ, всякую своеобразность способностей и качествъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ люди, рождаясь представляютъ собою, такъ сказать, чистый листъ бумаги, на которомъ различныя воспитательныя вліянія могутъ написать все, что случится. И, дѣйствительно, изучая литературу интересующаго насъ вопроса, мы видимъ, что многіе педагоги, многіе психологи сравнивали душу дѣтей съ *tabula rasa*, на которой воспитаніе и жизнь могутъ написать самыя разнообразныя и подчасъ даже противорѣчивыя мысли, убѣжденія, чувства и стремленія.

Конечно, не всѣ представители этого мнѣнія проводили его вполне отчетливо и строго; но тѣ изъ нихъ, которые доводили свой взглядъ до конечнаго логическаго вывода, неизбѣжнымъ образомъ приходили къ тому, что не только отрицали всякія индивидуальныя особенности и различія дѣтей въ частностяхъ, но даже и въ общихъ основахъ. Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что педагоги этого направленія съ серьезною наивностію предлагаютъ, по желанію родителей, приготовить изъ ихъ дѣтей талантливыхъ музыкантовъ, живописцевъ, поэтовъ или какихъ угодно ученыхъ, или иныхъ какихъ специалистовъ подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы дѣти воспитывались, по ихъ указанію, съ самаго ранняго дѣтства. Они прямо утверждаютъ что Гёте, Шекспира, Пушкина, Микель Анджело, Бетховена и т. д. можно получить изъ каждаго ребенка, по желанію! Г. Гауффе, являющійся рѣзкимъ представителемъ этого направленія въ педагогикѣ, даже предложилъ публично, въ собраніи педагоговъ, поручить ему нѣсколько дѣтей съ трехъ или четырехъ лѣтъ, опредѣливъ при этомъ, что именно онъ долженъ приготовить изъ каждаго изъ нихъ: музыкантовъ-ли, скульпторовъ-ли, живописцевъ-ли математиковъ, или философовъ и т. д. Предложеніе было принято и ему поручили трехъ малютокъ, предназначенныхъ заранѣе къ роли замѣчательныхъ музыкантовъ. Съ той поры прошло лѣтъ пятнадцать; но о результатахъ этого педагогическаго опыта пока еще ничего не слышно и, конечно, и не можетъ быть слышно въ виду невыполнимости взятой на себя г. Гауффе задачи.

Такимъ образомъ, мы убѣдились, что мнѣнія педагоговъ

о первоначальномъ характерѣ того матеріала, надъ которымъ имъ надлежитъ трудиться, сильно расходятся. Одни изъ нихъ принимаютъ, что дѣти, рождаются зараженныя грѣхомъ и вслѣдствіе этого съ преобладаніемъ дурныхъ, злыхъ задатковъ надъ добрыми; другіе, напротивъ того, доказываютъ, что дѣти по природѣ своей прекрасны, что все злое дурное, порочное чуждо имъ и прививается имъ дурнымъ воспитаніемъ и неестественной, испорченной жизненной средой. Соотвѣтственно съ этимъ первые считаютъ своей задачей наивозможно дѣятельную борьбу со всѣми дурными наклонностями своихъ питомцевъ и укрѣпленіе, развитіе въ нихъ свѣтлыхъ сторонъ человѣческой природы, а вторые, напротивъ того, считаютъ главной задачей воспитателя устраненіе всего того, что могло бы помѣшать развитію естественныхъ природныхъ свойствъ ребенка и такъ какъ природныя свойства всѣ хороши, то устраненію подлежатъ главнымъ образомъ, всѣ тѣ идеи, мысли, знанія, до которыхъ доработалось человѣчество цѣною неустанной работы, цѣною безконечныхъ страданій и борьбы. Наконецъ, третья группа педагоговъ занимаетъ промежуточное положеніе между этими двумя крайними мнѣніями. По ихъ мнѣнію новорожденные дѣти представляютъ собою индифферентную пластическую массу, изъ которой путемъ воспитанія съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть получено, какъ все прекрасное, доброе, великое, такъ и все злое, уродливое и мелочное.

При обсужденіи этихъ трехъ различныхъ мнѣній относительно основной природы дѣтей мы должны будемъ, конечно, опираться главнымъ образомъ на тѣ данныя, которыя были добыты различными отраслями естественныхъ наукъ и въ особенности медицины.

Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что всякая функція, всякая способность въ человѣкѣ возможна только при нормальномъ состояніи и надлежащемъ развитіи тѣхъ органовъ или тканей, при помощи которыхъ онѣ осуществляются. Мы знаемъ теперь, что извѣстный, вполне ограниченный дефектъ въ строеніи сѣтчатки глаза ведетъ къ тому, что пораженные имъ люди оказываются неспособными различать, хотя бы, напр., красный цвѣтъ, и въ подобныхъ случаяхъ прирожденной цвѣтовой слѣпоты никакое воспитаніе не въ состояніи дать человѣку способность видѣть красный цвѣтъ. Съ другой стороны мы

знаемъ, что при извѣстныхъ острыхъ болѣзняхъ, хотя бы, наприимѣръ, вслѣдъ за горячкой, могутъ развиваться до нельзя локализованные пораженія въ переднихъ лобныхъ доляхъ головного мозга, подъ вліяніемъ которыхъ у людей исчезаетъ вдругъ способность произносить извѣстныя буквы (Морицъ, Гольдеръ), или извѣстныя слова (Куссмауль, Піорри, Гревсъ, Микль, Розенштейнъ, Динъ, Финлейсонъ, Брока, Труссо, Бастианъ и др.) и въ подобномъ случаѣ никакія воспитательныя приемы не могутъ возратить человѣку утраченной способности до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ то болѣзненное состояніе, которое его вызвало.

Рядомъ съ этими наблюденіями, собранными на больныхъ, мы должны упомянуть о тѣхъ фактахъ, которые доказываютъ, что и у совершенно здоровыхъ людей можетъ существовать такой прирожденный дефектъ въ приборахъ, заведующихъ рѣчью, что произношеніе извѣстныхъ звуковъ оказывается положительно невозможнымъ. Такъ, наприимѣръ, у жителей Андаманскихъ острововъ отсутствуютъ всѣ свистящія и шипящія буквы и сколько ни старались научить ихъ произносить эти буквы, или даже просто издавать звуки шипѣнія или свиста все оказалось тщетнымъ. Наконецъ у насъ въ Европѣ встрѣчаются люди, отличающіеся подобной неспособностью произносить нѣкоторыя буквы (с, ш, р, л) и сколько не исправляютъ ихъ выговоръ и дома, и въ школѣ, онѣ все-же остается съ тою своеобразностью, которая зависитъ, очевидно, отъ какихъ то особенныхъ неправильностей въ организаціи приборовъ рѣчи. Извѣстно также, что большинство французовъ не могутъ вѣрно произносить многихъ звуковъ, встрѣчающихся въ русскомъ языкѣ и т. д.

Наконецъ есть люди, у которыхъ никакими средствами невозможно бываетъ развитъ музыкальный слухъ, т. е. способность вѣрно различать какъ характеръ, такъ и высоту и всѣ оттѣнки музыкальныхъ тоновъ, въ чемъ особенно часто приходится убѣждаться учителямъ музыки и пѣнія. Извѣстно также, что люди съ абсолютно вѣрнымъ музыкальнымъ слухомъ встрѣчаются сравнительно рѣдко; большинство-же обладаетъ лишь болѣе или менѣе тонкимъ, или болѣе или менѣе тупымъ музыкальнымъ слухомъ, который, конечно, можетъ быть еще развитъ до извѣстной степени. Необходимо еще замѣтить, что люди, отличающіеся полнымъ отсутствіемъ музыкальнаго слуха, вовсе не бываютъ глухими, или даже ту-

гими на ухо; напротивъ того, обыкновенно общій слухъ у нихъ бываетъ развитъ прекрасно, такъ что отсутствіе способности различать музыкальные тоны зависитъ, очевидно, отъ какого то локализованнаго дефекта въ приборахъ, служащихъ слуху; тѣмъ болѣе, что подобные люди зачастую отличаются странной любовью къ музыкѣ, несмотря на то, что они положительно не могутъ отличить одинъ музыкальный тонъ отъ другаго. Въ виду этого факта приходится заключить, что подобнаго рода субъекты слышать музыкальные тоны въ общемъ и наслаждаются ими; но что въ то же время слухъ ихъ неспособенъ бываетъ дифференцировать отдѣльные музыкальные тоны.

Рядомъ съ этими людьми, не умѣющими отличить *do* отъ *la*, *mi* отъ *si* и т. д. встрѣчаются другіе, которые съ самаго ранняго дѣтства отличаются поразительной тонкостью музыкальнаго слуха. Такъ, напримѣръ, изъ жизни Моцарта извѣстенъ намъ слѣдующій случай. Когда ему было семь лѣтъ, отецъ взялъ его съ собою въ домъ, гдѣ игралъ скрипачъ Шахтнеръ. Маленькій Моцартъ былъ въ восторгѣ отъ его скрипки, которую онъ называлъ «масляной скрипкой» (*eine Buttergeige*). Придя домой ребенокъ тотчасъ-же взялся за свою скрипку и затѣмъ заявилъ отцу и пришедшему съ ними Шахтнеру, что онъ видитъ теперь, что его скрипка настроена на четверть тона выше, чѣмъ скрипка г. Шахтнера. Пораженный увѣренностью ребенка г. Шахтнеръ тотчасъ отправился за своей скрипкой и затѣмъ, сличивъ обѣ скрипки, онъ убѣдился, что малютка Моцартъ опредѣлилъ разницу въ настройкѣ совершенно вѣрно.

Въ данномъ случаѣ не знаешь чему болѣе удивляться: поразительной-ли тонкости музыкальнаго слуха или поразительной музыкальной памяти маленькаго Моцарта, давшей ему возможность сравнить слышанные имъ за нѣсколько часовъ звуки «масляной скрипки» со звуками его собственной скрипки и опредѣлить такое незначительное различіе въ высотѣ, какъ разница въ $\frac{1}{4}$ тона; тѣмъ болѣе, что значительное большинство людей даже вовсе не различаютъ подобной разницы и не могутъ себѣ ее представить.

Не менѣе рѣзкія разницы вслѣдствіе различныхъ индивидуальныхъ различій организаци, наблюдаются и во всѣхъ остальныхъ, какъ физическихъ, такъ и психическихъ способностяхъ человѣка. Такъ, напримѣръ, извѣстны случаи, что совершенно безграмотныя, ничему никогда не учив-

шіяся дѣти оказывались обладающими такими замѣчательными математическими способностями, что даже самыя трудныя математическія задачи разрѣшались ими совершенно легко и какъ-бы безсознательно. Одинъ подобный ребенокъ былъ представленъ въ общество математиковъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ, къ удивленію всѣхъ, нашелъ даже новый способъ для разрѣшенія одной трудной и сложной задачи.

Аналогичное наблюденіе было произведено въ концѣ 70 годовъ настоящаго столѣтія надъ шестилѣтнимъ мальчикомъ, который, не умѣя ни читать, ни писать, отличался въ то же время замѣчательною способностью къ счету и вычисленіямъ. Такъ напр. онъ быстро въ умѣ высчиталъ сколько секундъ прожилъ 45-лѣтній субъектъ. Онъ быстро складывалъ, множилъ, вычиталъ и дѣлил числа въ 9 мѣстъ, извлекалъ квадратные корни изъ чиселъ въ 7 и 8 мѣстъ, а кубические корни изъ чиселъ въ 6 мѣстъ и т. д. Способность его открылась случайно, когда ему было 4 $\frac{1}{2}$ года: придя въ лавку за ленденцами на 1 крейцеръ, онъ не могъ получить желаемого, потому что приказчикъ былъ занятъ отпусканіемъ товара богатому крестьянину, закупавшему для свадебнаго пира разныя разности. Отпустивъ все требовавшееся, приказчикъ долго не могъ справиться со счетомъ и тутъ-то мальчуганъ вмѣшался, заявивъ, что онъ можетъ сказать, на сколько куплено товару, но просить зато дать ему скорѣе ленденцовъ на одинъ крейцеръ. При повѣркѣ оказалось, что ребенокъ совершенно вѣрно высчиталъ въ умѣ ту сумму, которую приказчикъ съ перомъ въ рукѣ не могъ подвести сразу вѣрно. Мальчика изслѣдовалъ профессоръ Бенедиктъ въ Вѣнѣ и нашелъ его совершенно здоровымъ.

За самое послѣднее время въ Берлинѣ показывали ребенка, который уже 2 $\frac{1}{2}$ лѣтъ отличался замѣчательною способностью къ различнымъ вычисленіямъ въ умѣ; а въ настоящемъ 1894 году, въ Берлинѣ-же, показывали ребенка 2 $\frac{1}{2}$ лѣтъ, который отличался такой-же врожденною способностью къ чтенію: онъ самъ научился читать и бѣгло могъ читать все напечатанное нѣмецкими или латинскими буквами; но зато при всемъ пониманіи значенія буквъ онъ никакъ не могъ усвоить себѣ значенія цифръ. Его тоже изслѣдовали различные специалисты медицинской науки (Вирховъ) и нашли вполне нормальнымъ ребенкомъ.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, встрѣчаются дѣти,

которые съ самаго ранняго дѣтства отличаются замѣчательной врожденной способностію къ различнымъ вычисленіямъ, а, съ другой стороны, нерѣдко также попадаютъ дѣти, которыя никакъ не могутъ освоиться съ числовымъ мышленіемъ.

Наконецъ извѣстно, что одни дѣти отличаются замѣчательно сильно развитымъ чувствомъ состраданія не только по отношенію къ людямъ, но даже и по отношенію ко всякому животному и вообще по отношенію ко всякой живой твари; тогда какъ другія дѣти, съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни выказываютъ полное отсутствіе чувства состраданія и даже проявляютъ непріятную жестокость: они любятъ мучить животныхъ, любятъ убивать ихъ. О подобныхъ дѣтяхъ упоминаетъ между прочимъ и Маудслей, которому приходилось наблюдать ихъ въ качествѣ врача—психіатра. Онъ объясняетъ подобную неужимую наклонность къ жестокости извѣстными дефектами въ организациі центральной нервной системы подобныхъ дѣтей.

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ съ очевидностію слѣдуетъ, что по отношенію ко всѣмъ способностямъ, ко всѣмъ качествамъ человѣческаго организма наблюдаются безконечныя индивидуальныя различія, при чемъ крайнія степени этихъ различій являются полной противоположностью; то есть, съ одной стороны, наблюдается полное отсутствіе той или иной способности, того или иного качества, а съ другой, напротивъ того, наисильнѣйшее развитіе этой-же самой способности, этого-же самого качества.

Само собой понятно, что никакіе педагоги въ мірѣ не въ состояніи развитъ въ ребенкѣ отсутствующую у него, вслѣдствіе дефекта организациі, способность, и если ребенокъ страдаетъ цвѣтовой слѣпотой, то изъ него, конечно, нельзя воспитать хорошаго живописца—колориста, точно также, какъ изъ дѣтей, лишенныхъ совершенно музыкальнаго слуха, невозможно будетъ воспитать хорошихъ музыкантовъ.

Что вѣрно въ одномъ отношеніи, то вѣрно и по отношенію ко всѣмъ другимъ сторонамъ человѣческаго духа. Дѣтей, лишенныхъ вполне чувства состраданія и выказывающихъ неужимую наклонность къ жестокостямъ, можно, правда, до извѣстной степени обуздать, исправить путемъ воспитанія; но никто изъ людей не въ состояніи будетъ

вдохнуть въ нихъ органически недоступное имъ чувство живаго состраданія и всѣ тѣсно связанныя съ нимъ высокія чувства и идеи альтруистическаго типа.

Эти индивидуальныя различія въ физической и психической организациі дѣтей въ корнѣ подрываютъ педагогическія теоріи, какъ третьей, такъ и второй группы. Если бы Жанъ Жакъ Руссо и его многочисленные послѣдователи были правы, то у маленькихъ дѣтей мы никогда бы не могли встрѣчать порочныхъ наклонностей (Рейхъ), хотя бы вродѣ вышеупомянутой наклонности къ жестокости. Даже самое существованіе идіотовъ и то противорѣчитъ ученію Жанъ Жака о природномъ прекраснѣйшемъ всего рождающагося въ человѣчествѣ; такъ какъ въ виду возможности рожденія полныхъ идіотовъ логически слѣдуетъ допустить и возможность прирожденныхъ частичныхъ идіотизмовъ, возможность ограниченныхъ, локализованныхъ дефектовъ въ организациі нервно-мозговой системы, обусловливающихъ выпаданіе какихъ либо способностей или какихъ либо качествъ изъ психическаго достоянія человѣка.

Кромѣ того педагогическія теоріи, видящія въ новорожденныхъ дѣтяхъ или одно воплощеніе всего добраго и прекраснаго, или же безразличную *tabula rasa*, на которой можно написать, путемъ воспитанія, что угодно, оказываются безусловно невѣрными и съ точки зрѣнія современнаго ученія о наслѣдственности.

Правда, уже и въ древнемъ мірѣ былъ замѣченъ самый фактъ наслѣдственной передачи отъ родителей дѣтямъ извѣстныхъ свойствъ души и тѣла, какъ это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ древнихъ писателей хотя бы напр. изъ Одиссеи Гомера. Гораций тоже сказалъ «*fortes creantur fortibus et bonis*»; у Демокрита мы встрѣчаемъ уже самую древнюю теорію наслѣдственности; а Платонъ указываетъ даже нѣкоторыя правила для избѣжанія нежелательной наслѣдственной передачи. Затѣмъ фактъ наслѣдственной передачи психическихъ особенностей констатировался и въ болѣе близкія къ намъ времена. Такъ наприм. ванъ Гейнсъ передавалъ примѣръ наслѣдственной передачи наклонности къ людоедству; Галлеръ указывалъ на наслѣдственную передачу глупости отъ матерей къ дѣтямъ, различные врачи указывали на наслѣдственную передачу различныхъ болѣзней отъ прадедовъ и родителей дѣтямъ и внукамъ; поэты и философы тоже указывали все снова и

снова на фактъ наслѣдственности (Шекспиръ, Гёте, Дидро); но ученіе о наслѣдственности встало прочно только за послѣднее время, благодаря работамъ Карла Дарвина, Герберта Спенсера, Геккеля и другихъ. Теперь уже въ виду собраннаго фактическаго матеріала невозможно болѣе оспаривать самый фактъ наслѣдственной передачи, какъ прямой отъ родителей дѣтямъ, такъ и атавистической отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ болѣе или менѣе отдаленнымъ потомкамъ, и всѣ споры по вопросу о наслѣдственности сводятся только на то, какъ именно слѣдуетъ объяснять себѣ сущность наслѣдственной передачи.

Разъ мы знаемъ, что какъ различныя способности и таланты, такъ и различныя пороки, недостатки и болѣзни постоянно передаются отъ родителей дѣтямъ, отъ предковъ потомкамъ, то мы уже никоимъ образомъ не можемъ допустить, чтобы дѣти являлись на свѣтъ съ одними только прекрасными качествами, или чтобы душа дѣтей представляла собою какой то индифферентный матеріалъ, изъ котораго воспитатели, по желанію, могутъ вылѣпить все самое прекрасное и все самое уродливое. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что эти два взгляда на натуру ребенка не выдерживаютъ критики и противорѣчатъ, какъ наблюденіямъ ежедневной жизни, такъ и всему тому, что учитъ современная наука о законахъ наслѣдственной передачи.

Остается, слѣдовательно, первое мнѣніе, которое было высказано и защищено христіанскими писателями и которое гласитъ, что разъ грѣхъ, т. е. зло и ложь проникли въ міръ, разъ прародители совершили свой первобытный грѣхъ, то уже съ той поры всѣ потомки ихъ, по необходимости, рождаются зараженные грѣхомъ, и воспитателямъ необходимо бороться съ дурными наклонностями дѣтей и стараться развивать въ нихъ всѣ добрыя свѣтлыя стороны, которыя имѣются въ каждомъ человѣкѣ рядомъ съ дурными, злыми, эгоистическими стремленіями.

Этотъ взглядъ на природу дѣтей оказывается въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что наука сообщаетъ намъ о законахъ наслѣдственности и о природѣ человѣка вообще. Такъ напр. наука говоритъ намъ, что каждый человѣкъ не представляетъ собою чего то вполнѣ независимаго и отдѣльнаго, чего то обособленнаго отъ прочихъ людей, а, напротивъ того, онъ является, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, *непрерывнымъ* продолженіемъ

всего прошедшаго, всей минувшей жизни человѣчества на землѣ. И это еще не все. Жизнь человѣчества всегда протекала и должна будетъ протекать въ извѣстной обстановкѣ, въ извѣстной средѣ, которая, по необходимости, должна вліять на человѣка въ томъ или иномъ направленіи, обуславливая тѣ или иныя измѣненія въ его организмѣ. Жизнь, говоря вообще, является выраженіемъ извѣстныхъ отношеній между человѣческимъ организмомъ и окружающими его условіями. Организмъ дѣйствуетъ на природу, видоизмѣняетъ ее и въ свою очередь находится подъ вліяніемъ этой природы, которая такъ или иначе видоизмѣняетъ его, и такъ какъ подобныя видоизмѣненія, вызванныя внѣшними вліяніями природы, съ теченіемъ времени укрѣпляются, такъ сказать, фиксируются и индивидуально и преемственно по наслѣдству, то такимъ образомъ въ каждомъ новорожденномъ ребенкѣ существуетъ уже извѣстная связь не только со всѣмъ прошедшимъ его рода, его прапредковъ, но и съ прошедшимъ самой природы.

Становясь на эту точку зрѣнія, мы хоть до нѣкоторой степени можемъ представить себѣ, какое необозримое число различныхъ возможностей должна заключать въ себѣ въ скрытомъ состояніи душа каждаго новорожденного ребенка! Вѣдь стоитъ только подумать, что въ жизни человѣчества ничто не проходитъ безслѣдно, ничто не дается даромъ: каждое усиліе, каждая мысль, каждое чувство, всякое стремленіе къ добру, къ истинѣ также, какъ и все злое, эгоистичное, жестокое и уродливое въ желаніяхъ, мысляхъ и дѣйствіяхъ человѣка оставляетъ свой неизгладимый слѣдъ на живыхъ скрижаляхъ человѣческой души и затѣмъ передается преемственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ рода въ родъ!.. Каждый человѣкъ, рождаясь вводится, такъ сказать, во владѣніе этимъ необозримымъ наслѣдствомъ различныхъ возможностей и каждый въ свою очередь можетъ или еще болѣе отяготить полученное имъ наслѣдство различными ложными и злыми стремленіями, эгоистическими чувствами и отвратительными пороками, или же, напротивъ того, уменьшить, ослабить эту сторону и дать болѣе развитіе свѣтлымъ, добрымъ сторонамъ человѣческой души. Или, выражаясь иначе, каждый человѣкъ роковымъ образомъ увеличиваетъ или *debit* или *credit* въ общемъ наслѣдственно передаваемомъ достояніи человѣчества.

Послѣ всего сказаннаго уже нельзя сомнѣваться въ томъ,

что современная наука вполне подтверждает тѣхъ авторовъ, которые доказывали, что каждый ребенокъ родится уже съ задатками ко всему дурному, ложному и порочному и что каждый человѣкъ въ теченіе всей своей жизни долженъ бороться съ этой темной стороной своей природы для того, чтобы не дать ей заглушить въ себѣ тѣхъ свѣтлыхъ качествъ, добрыхъ чувствъ и возвышенныхъ мыслей, которыя являются лучшимъ достояніемъ человѣчества и въ виду присутствія которыхъ только и мыслимы надежды человѣчества на жизнь вѣчную.

Впрочемъ, наука признаетъ злымъ даже основное вещество всей органической жизни на землѣ, т. е. протоплазму и притомъ въ ея наиболѣе примитивныхъ и простыхъ проявленіяхъ, хотя бы напр. въ формѣ батибія или амёбы. «Живая протоплазма всегда бываетъ агрессивна, а, слѣдовательно, и зла» говоритъ Прокопъ Рокитанскій, а такъ какъ протоплазма входитъ въ основу нашей плоти, то, слѣдовательно, мы встрѣчаемъ въ этомъ начало того ряда мыслей, которыя заставили очень многихъ искать корень всего зла въ нашей физической организаціи, въ нашемъ тѣлѣ и которыя повели къ различнымъ приемамъ умерщвленія плоти и, наконецъ, къ появленію полного аскетизма.

Маудслей тоже указываетъ, что образовавшееся однажды органическое вещество (протоплазма) обладаетъ способностью увеличиваться на счетъ неорганическаго окружающаго вещества, при чемъ оно превращаетъ это послѣднее въ вещество своего рода, ассимилируя его. Благодаря этой способности инволюціи, органическое вещество, появившись однажды на землѣ, стало быстро увеличиваться и размножаться; а затѣмъ оно, въ силу своей организаціи, стало также поддерживать свое существованіе насчетъ другаго органическаго вещества, насчетъ другой протоплазмы, такъ какъ при этомъ процессы инволюціи, процессы питанія оказывались значительно упрощенными и облегченными. Такимъ образомъ дана была исходная точка для борьбы за существованіе со всѣми ея ужасными послѣдствіями...

При такомъ взглядѣ на дѣло зло не составляетъ исключительной собственности человѣчества на землѣ, оно признается присущимъ также и животному и всему органическому міру вообще. Впрочемъ, представители протестантской церкви, защищая первобытный грѣхъ, приписывали ему же и происхожденіе того зла, которое проявляется въ мірѣ животномъ.

Въ жизни человѣчества на землѣ, какъ и въ жизни всего органическаго міра вообще, можно всѣ явленія, всѣ процессы свести на слѣдующіе три принципа: во 1) принципъ инволюціи, или усвоенія, во 2) принципъ эволюціи или развитія и въ 3) принципъ диссолюціи или разъединенія. И эти три принципа управляютъ не только жизнью физической, но также и психической жизнью человѣчества. Для лучшаго уясненія себѣ сущности этихъ трехъ принциповъ слѣдуетъ прослѣдить за актомъ питанія въ органическомъ мірѣ вообще. Вездѣ при этомъ мы видимъ, что сначала происходитъ процессъ инволюціи различныхъ веществъ изъ внѣшняго міра, затѣмъ, послѣ усвоенія различныхъ пищевыхъ веществъ путемъ эволюціи, они превращаются въ живыя составныя части разнообразныхъ органовъ и тканей; а тамъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго существованія, послѣ болѣе или менѣе продолжительной дѣятельности, эти самыя составныя части снова распадаются и, уступая свое мѣсто новымъ клѣткамъ, новымъ тканевымъ элементамъ, выводятся обратно изъ организма во внѣшній міръ, изъ котораго они были почерпнуты.

Точно также и на психической дѣятельности человѣка ясно можно прослѣдить за непрерывной смѣной инволюціи, эволюціи, и диссолюціи. Всѣ впечатлѣнія, падающія изъ внѣшняго міра на периферическія окончанія нашей нервной системы, мы накапливаемъ путемъ инволюціи для того, чтобы затѣмъ, путемъ различныхъ процессовъ эволюціи, возсоздать изъ разнообразныхъ нервныхъ ощущеній, цѣлый міръ представленій, понятій, чувствъ и идей, цѣлый міръ отношеній, условій, причинъ и послѣдствій. При этомъ этотъ внутренній міръ представляетъ рядомъ со стойкими элементами, существующими у человѣка въ теченіе всей его жизни, также еще и временныя, мимолетныя созданія, которыя, просуществовавъ въ нашей душѣ болѣе или менѣе долгое время, подпадаютъ процессамъ диссолюціи, блѣднѣютъ, связь ихъ съ остальными представленіями нарушается и они исчезаютъ въ темной пучинѣ безсознательной мозговой жизни. Для нагляднаго уясненія себѣ всего только что сказаннаго, достаточно будетъ каждому изъ насъ вспомнить, насколько можетъ, тѣ минувшія печали, радости и заботы, которыя волновали и занимали насъ въ годы дѣтства или юности. Гдѣ онѣ? Гдѣ тѣ мысли, чувства и представленія, которыми въ давно минувшіе годы жила наша душа, надъ которыми

она работала, съ которыми она боролась? Ихъ нѣтъ, онѣ исчезли и за малыми исключеніями мы даже не можемъ вспомнить ихъ.

Такъ какъ всякое органическое вещество отличается своею способностію къ инволюціи, то тѣмъ самымъ оно обречено обладать рѣзко выраженной наклонностію къ уклоненіямъ, къ измѣнчивости, къ видоизмѣненіямъ; потому что самая способность инволюціи предполагаетъ, въ качествѣ непремѣннаго условія, болѣе или менѣе сильную измѣнчивость органическаго вещества, такъ какъ безъ этого органическое вещество и вообще органическая жизнь никогда бы не смогли справиться съ окружающей стихійной, неорганической природой. Благодаря этой измѣнчивости появляются новые варианты, новыя видоизмѣненія органическихъ формъ, которыя и представляютъ собою въ сущности лишь воплощеніе данныхъ специальныхъ условій среды, ихъ органическую инволюцію, вслѣдствіе чего они и бывають подготовлены, по самой своей природѣ, къ процвѣтанію въ тѣхъ условіяхъ, воплощеніемъ которыхъ они въ сущности являются.

Нѣкоторыми авторами была высказана та остроумная и совершенно вѣрная мысль, что рядомъ съ самоприспособленіемъ органическихъ формъ къ внѣшней природѣ идетъ и къ себѣприспособленіе послѣдней органическими формами (Маудслей, Лазарь Поповъ); но это и не могло быть иначе, такъ какъ путемъ инволюціи органическія формы являются воплощеніемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ онѣ бывають поставлены, какъ это уже и было указано нами. Инволюція, обусловливая измѣнчивость органическихъ формъ, въ то же время роковымъ образомъ должна вести къ тому, что органическія формы болѣе или менѣе быстро реагируютъ на внѣшнія вліянія, что онѣ отличаются импульсивностію, агрессивностію и самой узкой эгоистичностію и затѣмъ подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе усиливающейся борьбы за существованіе развиваются на этой почвѣ всѣ тѣ темныя, себялюбивыя и жестокія стремленія, которыя являются неизсякаемымъ источникомъ всего зла на землѣ, неизсякаемымъ источникомъ страданій.

Процессы эволюціи отличаются, напротивъ того, совершенно противоположнымъ характеромъ: прежде всего они ведутъ къ большей или меньшей устойчивости органическихъ формъ, къ фиксации, какъ индивидуальной, такъ и

видовой выработанныхъ элементовъ, тканей, представленій, понятій, особей и т. д. Такъ напр. бѣлковыя, жировыя и минеральныя частицы, взятыя организмомъ извнѣ и превращенныя имъ путемъ извѣстныхъ эволюціонныхъ процессовъ въ живую ячейку мозговой или иной ткани, оказываются на болѣе или менѣе долгое время фиксированными сначала индивидуально, а потомъ, кромѣ того, также и видовымъ образомъ—путемъ наслѣдственной передачи (Вейсманнъ).

Въ то же время эволюція ведетъ къ агрегаціи, къ соединенію разрозненныхъ элементовъ во всемъ органическомъ мірѣ, потому что подобное соединеніе облегчаетъ самую эволюцію. Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ агрегацію нисшихъ клѣточныхъ организмовъ въ колоніи, агрегацію клѣтокъ опредѣленнаго типа въ одну массу, составляющую тотъ или иной органъ, ту или иную ткань; далѣе мы видимъ соединеніе различныхъ ощущеній въ представленія, представленій въ понятія, при чемъ самыя представленія и понятія ассоціируются другъ съ другомъ въ опредѣленные группы. Потребности и нужды эволюціи ведутъ къ соединенію различныхъ животныхъ въ извѣстныя болѣе или менѣе многочисленныя группы (такъ наз. рои, стаи, стада и табуны и т. д.) и онѣ же обусловливаютъ спланированіе людей въ различныя формы социальной жизни; а такъ какъ всякое соединеніе различныхъ однородныхъ частей мыслимо только путемъ извѣстнаго подчиненія индивидуальной части интересамъ и нуждамъ общей группы, то вмѣстѣ съ первой ассоціаціей даны были и условія для развитія высокихъ альтруистическихъ чувствъ и идеаловъ, въ родѣ состраданія, любви къ ближнимъ, понятія о братствѣ и т. д.

Конечно, это социальное спланированіе людей произошло далеко не такъ просто и не такъ легко, какъ это могло бы казаться теперь и въ общей исторіи мученичества человека на землѣ глава о социальныхъ его страданіяхъ и мытарствахъ должна занять видное мѣсто. Первое соединеніе людей представляло собою, вѣроятно, ничто иное, какъ кооперативный союзъ для болѣе успѣшной борьбы съ окружающими животными и со стихійными силами природы, для болѣе успѣшной эволюціи, какъ собственныхъ силъ и способностей участниковъ союза, такъ и ихъ ближайшаго потомства; но разъ сложившись, всякая, даже самая первобытная, незатѣйливая социальная жизнь требовала отъ всѣхъ членовъ даннаго союза или общины извѣстнаго самогра-

ниченія, извѣстнаго самообузданія; потому что всѣ эгоистическія страсти и стремленія являются, по существу своему, враждебными соціальной жизни людей, онѣ являются анти-соціальными. Само собою разумѣется, что каждый человѣкъ старался, по возможности, отстоять свои личныя стремленія, старался обезпечить своему эгоизму свободу дѣйствія и такимъ образомъ даны были всѣ условія для безконечной борьбы. Соціальное сплавленіе людей совершалось путемъ крови и желѣза, путемъ различныхъ суевѣрныхъ предписаній и священныхъ обычаевъ, отличавшихся нерѣдко ужаснымъ деспотизмомъ и жестокостью. Какъ поверхность земли, такъ и небеса надъ нею и подземныя области были превращены въ жилища всевозможныхъ ужасовъ единственно съ цѣлью вынудить повиновеніе и установить насильственное совмѣстное дѣйствіе.

Подъ вліяніемъ соціальной жизни у людей появлялись, развивались и складывались новыя до тѣхъ поръ невѣдомыя имъ чувства, страсти и потребности, появлялись новыя пороки. Такъ, напримѣръ, тщеславіе, честолюбіе, гордость, зависть, скупость, состраданіе, справедливость могли развиваться только при жизни въ соціальной средѣ такъ же, какъ и ложь, клевета, честность, правдивость и многія другія чувства. Всѣ высокіе идеалы человѣчества то же были бы невысказаны безъ жизни въ соціальной средѣ.

Изъ этого бѣглаго перечисленія различныхъ новыхъ чувствъ, развившихся подъ вліяніемъ жизни въ соціальной средѣ, уже ясно вытекаетъ вся важность соціальной среды для развитія человѣчества и въ то же время становится понятнымъ, что, по мѣрѣ развитія новыхъ чувствъ, у человѣческаго эгоизма должны были появляться все новыя и новыя цѣли, маняшія и возбуждавшія человѣка все къ новой и новой борьбѣ съ окружающей его средой; тогда какъ чувства противоположнаго типа, напротивъ того, побуждали его къ борьбѣ съ этими эгоистическими стремленіями, къ борьбѣ съ самимъ собою. Все это, конечно, роковымъ образомъ сопровождалось и сопровождается цѣлой массой страданій; но чѣмъ больше побуждаются, чѣмъ больше сдерживаются эгоистическія, низменныя стремленія человѣческой натуры, тѣмъ вѣрнѣе идутъ, какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя народы по пути развитія, по пути прогресса, потому что всѣ эгоистическія чувства оказываются, по самому существу своему, антисоціальными, ведущими къ разрушенію суще-

ствующаго соціальнаго строя. Въ этомъ отношеніи, т. е. по своей антисоціальности съ эгоизмомъ можетъ поспорить только развѣ еще одна ложь, потому что безъ возможности довѣрія невысказана никакая соціальная жизнь, а ложь уничтожаетъ даже самую возможность довѣрія и при томъ не только по отношенію къ другимъ людямъ, но также и по отношенію къ самому себѣ.

Между тѣмъ соціальная среда также необходима для психической жизни человѣка, какъ воздухъ для его физической жизни. Человѣкъ, живущій одиноко, внѣ всякаго общенія съ людьми, никогда бы не могъ достигнуть въ своемъ развитіи даже тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которые составляютъ теперь достояніе средняго человѣка современной толпы, именно потому, что соціальная среда ведетъ путемъ эволюціи къ образованію новыхъ условій жизни, новыхъ чувствъ, новыхъ мыслей, новыхъ идеаловъ. Просматривая исторію человѣчества мы видимъ, какъ альтруистическія чувства все болѣе и болѣе одерживаютъ верхъ и, наконецъ, въ наше время они достигли уже такого развитія, что рабство, напр., признается безусловно невозможнымъ, непозволительнымъ.

Итакъ, для надлежащей эволюціи психической жизни человѣка прежде всего нужна соціальная среда, которая, путемъ безконечныхъ столкновений, безконечной борьбы, безконечныхъ треній между людьми, ведетъ къ развитію въ человѣкѣ новыхъ чувствъ, мыслей, новыхъ способностей; но при этомъ она создаетъ и постоянно новыя приманки для человѣческаго эгоизма; она создаетъ все болѣе и болѣе широкое поле дѣйствія для него; а между тѣмъ всякій истинный прогрессъ возможенъ только подъ условіемъ подавленія эгоизма и потому, какъ передъ отдѣльными людьми, такъ и передъ цѣлыми народами имѣются два пути въ жизни: одинъ легкій и широкій, ведущій къ обильному служенію эгоизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ распаденію соціального строя, къ господству зла во всевозможныхъ формахъ, къ регрессу, вырожденію и къ смерти, а другой узкій и трудный, требующій постоянной борьбы человѣка съ самимъ собою, съ своимъ эгоизмомъ, но за то ведущій все къ болѣе и болѣе пышной эволюціи, а слѣдовательно и къ болѣе полной жизни.

Рядомъ съ процессами инволюціи и эволюціи въ каждой органической формѣ, въ каждомъ человѣкѣ, а, слѣ-

довательно, и въ каждомъ народѣ совершаются также и процессы диссолюціи, зависящія, съ одной стороны, отъ обусловленной инволюціей измѣнчивости органическаго вещества, а, съ другой, отъ фиксированія путемъ эволюціи каждаго новаго видоизмѣненія. Измѣнчивость ведетъ къ тому, что подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ условий жизни въ организмѣ чловѣка появляется цѣлый рядъ, иногда полезныхъ, но по большей части вредныхъ видоизмѣненій, которыя разстраиваютъ общую гармонію, общее равновѣсіе между различными тканями и органами и тѣмъ самымъ ведутъ къ разрушенію и къ смерти.

Какъ въ психическомъ отношеніи, такъ и въ физическомъ процессы диссолюціи получаютъ преобладаніе въ организмѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда новое видоизмѣненіе, новый вариантъ оказывается противорѣчащимъ всему общему складу, какъ физической, такъ и психической жизни организма, или, другими словами, когда этотъ новый вариантъ вводитъ въ дѣло отрицаніе или ложь. Такъ, напримѣръ, если клѣточки какой либо опредѣленной ткани, хотя бы, напримѣръ, эпителія начнутъ развиваться среди другой ткани, среди которой имъ не слѣдуетъ находиться, то въ результатѣ получаются самыя печальныя послѣдствія, потому что эпителиальныя клѣточки, полезныя на своемъ обычномъ мѣстѣ, оказываются тутъ крайне вредными и болѣе или менѣе быстро разстраиваютъ нормальное отправленіе заполоненной ими ткани, а это рано или поздно отражается и на общемъ состояніи всего организма. Къ типу только что описанныхъ нами случаевъ принадлежатъ всѣ опухоли и особенно злокачественныя, напр. различные виды рака.

Въ другихъ случаяхъ различныя органы и ткани начинаютъ фальшивить въ своихъ отправленіяхъ вслѣдствіе какихъ либо другихъ измѣненій; но результатъ всегда бываетъ одинъ и тотъ же: общее разстройство, а затѣмъ и полная смерть организма. Нормальное состояніе организма въ физическомъ отношеніи мыслимо только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣятельность и жизнь одной ткани или органа не противорѣчили и не мѣшали отправленіямъ всѣхъ остальныхъ тканей и органовъ тѣла. Даже чрезмѣрно сильное развитіе одного какого нибудь органа или одной какой либо ткани оказывается гибельнымъ для организма, потому что оно нарушаетъ строгое соотвѣтствіе между

всѣми разнообразными функціями организма и, такъ сказать, вносить ложь въ основные жизненные процессы.

Позволю себѣ пояснить мою мысль примѣрами: щитовидная железа иногда начинаетъ особенно сильно разрастаться и достигаетъ такихъ почтенныхъ размѣровъ, что ясно бываетъ видна черезъ кожу. Этого рода случаи извѣстны всѣмъ подъ названіемъ зоба. Ткань и строеніе железы остаются совершенно нормальными, болѣзненныхъ измѣненій нѣтъ и слѣдовъ, есть только одно, а именно особенно сильное развитіе нормальной железы. И что-же мы видимъ? Нормальная, но увеличенная чрезмѣрно щитовидная железа требуетъ болѣе дѣятельнаго питанія, а, слѣдовательно, и болѣе сильнаго притока крови и вслѣдствіе этого она поневолѣ отвлекаетъ болѣе или менѣе крови у головного мозга, вслѣдствіе чего питаніе этого важнаго органа разстраивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ разстраиваются и его функціи и въ результатѣ получается болѣе или менѣе рѣзкое притупленіе всѣхъ умственныхъ способностей: появляется сначала флегматичность, инертность мысли, а затѣмъ съ теченіемъ времени и болѣе рѣзко выраженная тупость. Между тѣмъ процессы эволюціи фиксируютъ всѣ измѣненія не только индивидуально, но и преемственно въ силу закона наслѣдственности и вотъ дѣти у подобныхъ зобатыхъ субъектовъ рождаются уже съ головнымъ мозгомъ нисшаго качества, чѣмъ дѣти родителей, не имѣющихъ зоба, и кромѣ того они рождаются съ предрасположеніемъ къ зобу. Если дѣти эти подпадаютъ вліянію тѣхъ же моментовъ, которые вызвали у ихъ родителей увеличенное развитіе щитовидной железы, то, при существующемъ уже предрасположеніи къ зобу, гипертрофія щитовидной железы начинается у нихъ раньше и достигаетъ большихъ размѣровъ, чѣмъ у ихъ родителей и послѣдствія оказываются еще болѣе пагубными и въ концѣ концовъ получается полное вырожденіе цѣлыхъ населеній, какъ это мы видимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ зобъ и кретинизмъ (Шредеръ ванъ-деръ-Колькъ, Гуггенбюль).

Въ качествѣ другаго примѣра можно указать на слѣдующіе случаи: соединительная, слизистая ткань можетъ начать особенно дѣятельно разрастаться на тѣхъ мѣстахъ тѣла, на которыхъ она всегда находится, но только въ опредѣленныхъ ограниченныхъ количествахъ. Въ результатѣ

этого видоизмѣненія опять таки получается нарушение не-обходимаго соотвѣтствія, сдавленіе межлежащихъ нервныхъ окончаній и вслѣдствіе этого ослабленіе чувствительности, ослабленіе воспримчивости, общее отупѣніе, апатія, однимъ словомъ, вырожденіе и смерть человѣка, какъ это, напр., бываетъ при болѣзни извѣстной подъ названіемъ микседемы. И такихъ примѣровъ мы могли бы привести великое множество.

Не менѣе печальныя послѣдствія наблюдаются и въ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо ткань или органъ начинаютъ фальшивить въ другомъ направленіи, т. е., когда они начинаютъ работать слабѣе, чѣмъ имъ слѣдуетъ и когда объемъ ихъ подпадаетъ болѣе или менѣе рѣзкому уменьшенію, такъ наз. атрофіи. Такъ, напр., болѣе или менѣе сильное ослабленіе дѣятельности сердца, или желудка, или печени, или какого бы то ни было органа въ тѣлѣ уже обуславливаетъ разстройство всего организма и болѣе или менѣе быстрое разрушеніе его. Даже атрофія вышеупомянутой щитовидной железы и та не проходитъ даромъ, а ведетъ къ очень серьезному заболѣванію (Кохеръ).

Однимъ словомъ въ какую бы сторону не совершалось нарушение равновѣсія частей, въ сторону ли минуса или плюса, результатъ вездѣ оказывается одинаково гибельнымъ: разъ строгое равновѣсіе всѣхъ функцій не можетъ быть восстановлено путемъ какой либо компенсаціи, то организмъ не можетъ долго выносить появившейся въ немъ фальши и онъ быстро подпадаетъ диссолюціи и смерти; все одно—было ли нарушение правильнаго соотвѣтствія вызвано чрезмѣрнымъ усиленіемъ или ослабленіемъ какой нибудь одной части.

Точно также и въ психическомъ отношеніи эгоизмъ и ложь роковымъ образомъ ведутъ къ вырожденію, къ диссолюціи, именно потому, что эгоизмъ нарушаетъ строгое равновѣсіе психической жизни тѣмъ, что онъ даетъ несоотвѣтственное преобладаніе чувствамъ, стремленіямъ и мыслямъ одного только типа, тогда какъ ложь дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, потому что она подрываетъ ослабляетъ равновѣсіе всего психическаго склада, парализуя въ немъ опредѣленные идеалы, служившіе, такъ сказать, основнымъ остономъ для расположенія и ассоціаціи всего безконечно разнообразнаго содержанія человѣческой психической жизни.

И что вѣрно по отношенію къ физической и психической натурѣ отдѣльнаго человѣка, то въ одинаковой степени оказывается вѣрнымъ и по отношенію къ социальному строю людей. Эгоизмъ и ложь, во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, оказываются главными антисоціальными вліяніями, ведущими къ вырожденію, къ диссолюціи, т. е. къ гибели цѣлаго племени, цѣлаго народа. Вѣрность только что высказаннаго доказывается между прочимъ и тѣмъ фактомъ, что въ каждомъ даже самомъ первобытномъ обществѣ людей уже принимаются извѣстныя мѣры, какъ противъ эгоизма, такъ и противъ лжи, а именно перваго рода мѣры сводятся на опредѣленіе и разграниченіе правъ каждаго сочлена данной соціальной группы, а вторыя—на различныя формы присяги которая оказывается необходимой, какъ основа взаимнаго довѣрія (Тайлоръ).

Если бы личный эгоизмъ каждаго и ложь не составляли коренныхъ исконныхъ враговъ всякой соціальной жизни, то мы, конечно, не встрѣчали бы мѣръ, направленныхъ противъ нихъ въ каждомъ, даже самомъ примитивномъ складѣ соціальной жизни; мы могли бы найти хоть одно племя, живущее безъ всякаго разграниченія и опредѣленія правъ каждаго члена, живущее совмѣстно и незнакомое хоть съ какой бы то ни было формой присяги. Между тѣмъ сколько бы мы не изслѣдовали жизнь дикарей, вездѣ и всегда мы наталкиваемся на извѣстныя, обычаемъ освященныя, права и присяги; слѣдовательно, мы по необходимости должны заключить, что человѣчество при первыхъ же попыткахъ вести соціальную жизнь убѣдилось въ необходимости особыхъ мѣръ для сдержанія и умѣренія разрушительнаго дѣйствія индивидуальнаго эгоизма и лживости людей. Въ виду этого и строго логическій умъ Канта вынужденъ былъ признать присягу безусловно необходимой для соціальныхъ отношеній людей, несмотря на то, что самую присягу онъ признавалъ у многихъ народовъ основанной на суевѣріи; но онъ понималъ также, что довѣріе необходимо для соціальной жизни и что въ то же время оно немыслимо въ виду всеобщей наклонности ко лжи иначе, какъ подъ давленіемъ присяги.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что какъ индивидуальная жизнь человѣка, такъ и жизнь соціальныхъ агрегацій людей вообще управляется также, какъ и жизнь всего органическаго міра вообще процессами инволюціи, эволюціи

и диссолюции. Мы видѣли далѣе, что человѣкъ уже преемственно приносить съ собою при рожденіи извѣстныя злыя, дурныя наклонности также, какъ и добрыя и кромѣ того мы убѣдились, что все злое, эгоистичное, все ложное и порочное является крайне губительнымъ, какъ для личнаго развитія, личнаго здоровья человѣка, такъ и для успѣшнаго развитія, для существованія цѣлыхъ обществъ и народовъ. И потому воспитатель, приступающій къ великому дѣлу воспитанія человѣка, долженъ твердо помнить, что въ самомъ маленькомъ ребенкѣ уже имѣются, такъ сказать, сѣмена добра и зла, и что съ его стороны требуется дѣятельно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ душѣ ребенка могли взойти и развиваться, по возможности, только добрыя и свѣтлыя задатки, а все злое эгоистичное и ложное должно быть, по возможности, заглушено, ослаблено и уничтожено. Поступая подобнымъ образомъ, педагогъ не только обезпечитъ данному индивидуальному ребенку болѣе пышное развитіе, болѣе долгую жизнь, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ окажетъ и неоцѣнимую услугу своему народу, своему отечеству, такъ какъ онъ тѣмъ самымъ устранитъ изъ социальной жизни своего народа хотя нѣкоторые элементы диссолюции, вырожденія и гибели; а это крайне важно, потому что, по совершенно вѣрному замѣчанію одного англійскаго ученаго «далеко не всѣ народы выживаютъ и прогрессируютъ, даже не всѣ отдѣлы одного народа, даже не всѣ семейства одного отдѣла, даже не всѣ члены одного семейства; носителемъ прогресса человѣчества является только избранная часть, составляющая незначительное меньшинство цѣлаго; громадное большинство, въ самомъ лучше случаѣ, остается стаціонарнымъ и, по большей части, дѣйствительно подпадаетъ перерожденію».

Итакъ воспитатель долженъ искоренять все дурное, злое, эгоистичное въ своемъ питомцѣ и развивать въ немъ все доброе, прекрасное, альтруистичное. Спрашивается теперь какими средствами можемъ мы располагать въ этомъ отношеніи? Чѣмъ именно можемъ мы пользоваться при воспитаніи для того, чтобы задержать, ослабить развитіе всѣхъ унаслѣдованныхъ ребенкомъ задатковъ ко злу и грѣху, что можемъ мы противопоставить присущимъ ему эгоистическимъ стремленіямъ?

Правда, какъ исторія, такъ и біологія указываютъ намъ что все эгоистичное, все злое, все ложное несетъ въ самомъ

себѣ и свое наказаніе, свой приговоръ, такъ какъ оно всегда и во всемъ содѣйствуетъ процессамъ диссолюции, т. е. процессамъ вырожденія, регресса, а, слѣдовательно, зло является агентомъ разрушенія и смерти, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ и его семействѣ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ. Все это несомнѣнно; но не можетъ же воспитатель объяснять все это дѣтямъ! Не можетъ, потому что дѣти не въ состояніи будутъ понять его и по весьма простой причинѣ, т. е. потому, что всѣ необходимыя для подобнаго пониманія представленія и понятія остаются имъ неизвѣстными и непонятными. Не должно упускать изъ виду, что дѣти незнакомы еще съ тѣмъ зломъ, съ тѣмъ эгоизмомъ и грѣхомъ, съ которыми имъ придется познакомиться только позднѣе, когда они примутъ участіе въ жизни взрослыхъ; не должно упускать изъ виду, что дѣти, рождаясь приносятъ съ собою на свѣтъ не полное знакомство со зломъ, а только унаслѣдованные ими задатки или предрасположенія ко всему злему, ко всему эгоистичному, и подобно тому, какъ каждый нормальный ребенокъ приносить съ собою способность къ ходьбѣ, къ извѣстнымъ тонкимъ ручнымъ работамъ, способность къ рѣчи, но все-же не можетъ прямо ни ходить, ни захватывать предметы, ни шить, ни писать, ни говорить, а долженъ всему этому научиться путемъ извѣстнаго упражненія, извѣстной работы; точно также и задатки зла, имѣющіеся въ каждомъ ребенкѣ, только путемъ постепеннаго роста и упражненія развиваются въ разнообразныя эгоистичныя чувства, въ страсти, пороки, въ злыя стремленія и мысли.

То же самое совершается и по отношенію къ добрымъ, свѣтлымъ сторонамъ человѣческой природы. Рождаясь, дѣти, рядомъ съ задатками зла, приносятъ съ собою на свѣтъ и унаслѣдованные ими задатки добра; но только путемъ упражненія эти скрытые задатки могутъ быть развиты и превращены въ различныя альтруистическія чувства добрыя стремленія и высокія мысли. Все дѣло въ томъ какая сторона получитъ перевѣсъ сторона ли эгоизма, зла, регресса, диссолюции и смерти, или сторона любви къ ближнему, добра, прогресса, эволюціи и полной вѣчной жизни.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, въ каждомъ новомъ рождающемся поколѣніи каждому народу въ частности и всему человѣчеству въ общемъ дается все снова и снова возможность исправленія, возможность искупленія своихъ прежнихъ грѣховъ, своего эгоизма, зла и лжи. Въ жизни

человѣка ничто, вѣдь, не проходитъ безслѣдно и, слѣдовательно, если въ данномъ поколѣнн дѣтей намъ удастся дать хоть нѣкоторый перевѣсъ добрымъ стремленіямъ, альтруистическимъ чувствамъ, то это принесетъ обильную жатву, потому что дѣти дѣтей этихъ, уже рождаясь будутъ представлять извѣстный перевѣсъ добрыхъ задатковъ надъ злыми въ сравненіи съ прежде рождавшимися поколѣніями и, слѣдовательно, воспитателямъ будетъ уже легче дать въ этомъ поколѣнн еще болѣйшій перевѣсъ добру надъ зломъ и такъ далѣе по пути безконечнаго прогресса, безконечнаго совершенствованія и жизни.

Глядя на дѣло подобнымъ образомъ, можно согласиться со словами Бернардена де Сень Пьерра, который говоритъ, что «всѣ новыя, рождающіяся поколѣнія походятъ на небесную росу и дожди» въ томъ отношеніи, что выпадающая роса и дожди все снова и снова освѣжаютъ, какъ землю, такъ и различные потоки воды, которые во время засухи замедлили было свое теченіе и готовы были подпасть окончательной порчѣ». Дѣйствительно, новыя поколѣнія дѣтей, рождаясь, все снова и снова даютъ человѣчеству возможность исправленія, они все снова и снова освѣжаютъ и наполняютъ застоявшіеся и заглохнувшіе было въ человѣчествѣ «источники живой воды, текущей въ жизнь вѣчную» (Іоан. IV, 14).

Послѣ всего сказаннаго понятно, что потомство должно имѣть для каждой семьи, для cadaго рода, для cadaго племени, для cadaго народа и для человѣчества вообще очень важное, существенное значеніе въ жизни. Смутное сознаніе этого значенія новыхъ поколѣній сквозить въ общераспространенномъ у многихъ народовъ убѣжденіи, что дѣти — суть благословленіе Божіе, какъ это мы видимъ, напр., и у древнихъ Грековъ и у Римлянъ и у Евреевъ и у большинства современныхъ европейскихъ народовъ, не говоря уже о тѣхъ народахъ, въ которыхъ самая религія поддерживаетъ это убѣжденіе, какъ, напр., въ Китаѣ и въ Японіи, гдѣ потомство является положительно необходимымъ для того, чтобы было кому молиться и заботиться о предкахъ.

Къ сожалѣнію только, признавая важное значеніе молодыхъ поколѣній, люди въ большей части случаевъ совершенно упускаютъ изъ виду, что значеніе это находится въ извѣстной зависимости отъ даваемого дѣтямъ воспита-

нія, потому что, если въ молодомъ поколѣнн получаютъ преобладаніе эгоистическія, злыя стремленія и чувства и тѣсно связанные съ ними — ложь и различные пороки, то подобное поколѣніе не только не будетъ служить дѣлу искупленія, т. е. дѣлу прогресса и эволюціи, а, напротивъ того, даже можетъ оказаться положительно вреднымъ въ качествѣ орудія дальнѣйшаго регресса, въ качествѣ орудія диссолюціи и дальнѣйшее потомство можетъ получить при этомъ еще болѣе пагубно отягощенное наслѣдство. Въ виду этого легкомысленное отношеніе къ воспитанію юношества является особенно преступнымъ, такъ какъ при этомъ зря растрачивается и губится будущность цѣлыхъ семействъ, цѣлыхъ племенъ, цѣлыхъ народовъ, а, слѣдовательно, до извѣстной степени и будущность всего человѣчества.

Педагогъ, понимающій какое важное значеніе имѣетъ надлежащее воспитаніе подрастающихъ поколѣній, никогда не рѣшится, конечно, дѣйствовать на авось; потому что онъ знаетъ, что всякая нецѣлесообразная мѣра можетъ нанести непоправимый вредъ, дѣйствіе котораго можетъ распространиться на неопредѣлимое число лицъ и на неопредѣлимое время.

Мы убѣдились изъ всего изложеннаго, что такъ какъ всѣ дѣти рождаются и съ дурными, и съ добрыми задатками, то первая обязанность всякаго воспитанія сводится на то, чтобы по возможности заглушить, парализировать дурные задатки и дать перевѣсъ добрымъ сторонамъ cadaго ребенка. Для того, чтобы рѣшить, какъ именно это слѣдуетъ, т. е. какими средствами, какими вліяніями слѣдуетъ при этомъ пользоваться, намъ придется остановиться нѣсколько дольше на вопросѣ о нравственномъ воспитаніи.

Мы уже говорили о томъ, что объяснять дѣтямъ все безобразіе и всю гибельность, какъ всякаго эгоизма, такъ и всякаго зла и порока немыслимо, потому что дѣти не поймутъ насъ, такъ какъ они еще незнакомы съ темными сторонами человѣческой жизни. Кромѣ того не должно забывать, что подобные разговоры о различныхъ порокахъ, о злѣ и т. под. могутъ быть крайне вредны сами по себѣ, такъ какъ они то именно и могутъ повести къ развитію именно этихъ нежелательныхъ качествъ въ дѣтяхъ. Уже Паскаль указалъ на это, говоря, что если говорить чело-вѣку постоянно о какомъ нибудь нежелательномъ каче-

ствѣ, то мы тѣмъ самымъ можемъ развить въ немъ именно это качество. На то же самое указываетъ и Гюйо, предостерегающій насъ никогда не говорить при дѣтяхъ о лѣнности, лживости и т. под. качествахъ, такъ какъ подобные разговоры могутъ именно дѣйствовать въ качествѣ внушенія. По той-же самой причинѣ невозможно употреблять также и панигерики добродѣтелямъ, нравственности и т. д. и т. д., потому что, не зная отрицательныхъ сторонъ жизни, дѣти не могутъ понять и ея положительныхъ сторонъ. Кромѣ того всякія разглагольствованія о пользѣ добра, истины и о вредѣ порока, зла должны скоро прискучить дѣтямъ, какъ превышающія ихъ пониманіе и подобными наставленіями можно легко довести дѣтей до того, что имъ противны будутъ даже самыя слова: добродѣтель, истина, добро и т. д. Это понятно каждому, стоитъ только вспомнить, какъ мы сами относились въ дѣтствѣ и юности къ прописной морали и къ надоѣдливымъ нравоученіямъ различныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Что-же дѣлать? Чѣмъ можемъ мы содѣйствовать тому, чтобы добрая начала взяли перевѣсъ въ душѣ ребенка надъ различными эгоистическими чувствами, надъ задатками зла, имѣющимися въ каждомъ ребенкѣ.

Для рѣшенія этого лучше всего будетъ обратиться къ исторіи человѣчества и посмотрѣть какими именно моментами поддерживалась и совершалась эволюція альтруистическихъ чувствъ, эволюція нравственности и морали у различныхъ народовъ, населявшихъ и населяющихъ нашу планету. При этомъ мы убѣждаемся, что вездѣ и всегда опорой и основой наличной нравственности каждаго народа являлась его религія и чѣмъ грубѣе, низменнѣе оказывалась религія даннаго народа, тѣмъ и нравственные идеалы его бывали менѣе развиты. Кромѣ того исторія христіанскихъ народовъ доказываетъ намъ, что времена, отличающіяся сильнымъ упадкомъ религіознаго чувства, представляютъ въ тоже самое время и картину болѣе или менѣе сильнаго отрицанія нравственности. Въ виду всего этого мы, по необходимости, приходимъ къ тому заключенію, что лучшимъ средствомъ для подавленія эгоистическихъ, злыхъ задатковъ въ каждомъ ребенкѣ и для развитія въ немъ всѣхъ добрыхъ и альтруистическихъ чувствъ служить религіозное воспитаніе.

Вѣрность нашего заключенія подтверждается между прочимъ и фактически, потому что во времена великой французской революціи былъ произведенъ въ широкихъ размѣрахъ опытъ воспитывать въ подросткахъ поколѣніяхъ всѣ нравственные альтруистическія чувства и всѣ высокіе идеалы независимо отъ религіи. Добрый аббатъ де Сентъ Пьерръ доказывалъ, что добродѣтели должны быть преподаваемы въ школахъ совершенно такъ же, какъ преподается, напримѣръ, музыка (Сикаръ) и послѣ этого люди конца 18-го столѣтія ни о чемъ, кажется, не говорили такъ много, какъ о добродѣтели, основой которой признавали чувства и чувствительность и вслѣдствіе этого считалось совершенно излишнимъ сдерживать свои страсти или отказываться отъ наслажденій.

Желаніе освободить мораль отъ религіи было до того сильно, что даже слово «милосердіе» (*charité*) подвергнуто было изгнанію, какъ слишкомъ христіанское и замѣнено словомъ «благодѣяніе» (*bienfaisance*). Извѣстное христіанское изрѣченіе «вы служите Богу, дѣлая добро тому, личность котораго вы не можете любить» было перефразировано Сентъ Ланберомъ въ слѣдующую формулу: «вы служите человѣку, дѣлая добро тому, личность котораго вы не можете любить».

Для того, чтобы внушить дѣтямъ любовь къ добродѣтели, чтобы сдѣлать ихъ нравственными, въ то время во Франціи печатались различные катехизисы морали, различные руководства нравственности въ пословицахъ (Филиппонъ де ля Маделень). Дѣтей 6—7 лѣтъ заставляли пѣть пѣсенки о добродѣтеляхъ, о справедливости, о любви къ работѣ, о благодѣяніи, о любви къ родинѣ, о безкорыстіи, въ надеждѣ, что, распѣвая ихъ, дѣти научатся всѣмъ этимъ чувствамъ (Куайе). Въ 1786 провинціальное собраніе въ Берри баллотировало вопросъ объ изданіи руководства морали въ пословицахъ и вопросъ былъ принятъ громаднымъ большинствомъ. Нѣкоторые авторы находили необходимымъ издавать газету, посвященную описаніямъ великихъ добродѣтелей и большихъ преступленій, думая, что это будетъ содѣйствовать развитію нравственности въ народонаселеніи.

Однимъ словомъ мы видимъ, что чѣмъ больше падало, чѣмъ больше разстраивалось религіозное воспитаніе во второй половинѣ 18-го столѣтія, чѣмъ больше распространялось невѣріе въ обществѣ того времени, тѣмъ все настоя-

тельнѣе сознавалась потребность устроить такъ или иначе моральное воспитаніе подростающаго поколѣнія. Эта потребность повела, съ одной стороны, къ тому, что назначена была даже академическая премія за лучшее сочиненіе по вопросу о моральномъ или нравственномъ воспитаніи дѣтей и юношества, а съ другой также и къ тому, что по этому вопросу появилась цѣлая литература, главная цѣль которой состояла въ томъ, чтобы при нравственномъ воспитаніи обойтись безъ религіи. И чего, чего только не предлагали съ этою цѣлью! чего, чего только не дѣлали! Такъ, напримѣръ, дѣтей водили посѣщать бѣдныхъ, ихъ водили въ тюрьмы и даже (*horibili dictu!*) совѣтовали водить дѣтей смотрѣть на смертныя казни для развитія и укрѣпленія въ нихъ нравственности! Одинъ изъ авторовъ того времени, а именно Дюффришъ-Валазе говоритъ, что единственной санкціей морали, единственной наградой добродѣтели служить *«уваженіе общества, свобода отъ тѣхъ не-пріятныхъ послѣдствій, которыя влекутъ за собою пороки и наконецъ то чувство внутренняго удовлетворенія, которое намъ доставляетъ самоуваженіе.»*

Я думаю, что добродѣтели и нравственность людей не-долго бы могли существовать, если бы имъ пришлось опираться единственно только на указанные Дюффришъ-Валазе моменты. Конечно и въ то время имѣлись люди, которые отлично понимали, что безъ религіи немыслимо никакое нравственное воспитаніе человѣка; конечно, и въ то время были люди, которые сознавали, что нравственность или мораль тѣсно связаны съ религіей. Для примѣра могу указать хоть на Неккера, который въ своемъ сочиненіи, посвященномъ вопросу о важности религіозныхъ убѣжденій, указываетъ между прочимъ, что понимать, видѣть добро далеко еще не значитъ примѣнять его на практикѣ, въ жизни и затѣмъ онъ обрисовываетъ очень яркими красками то важное значеніе, которое религія (христіанская) имѣетъ для нравственности людей.

Голосъ его остался, однако, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ и мнѣніе, что нравственное воспитаніе должно быть отдѣлено отъ религіознаго, пріобрѣтало все бѣднѣе и бѣднѣе число приверженцевъ. Опытъ былъ сдѣланъ; но окончился полной неудачей, послѣ чего снова вернулись къ общераспространенному и единственно возможному методу, т. е. нравственное воспитаніе во Франціи снова соединили

съ религіознымъ; а за послѣднее время ихъ снова раздѣлили и дѣтей снова заставляютъ учить, что лгать, воровать etc. не слѣдуетъ, потому только, что за это садятъ въ тюрьму!

Нельзя сомнѣваться, что и на этотъ разъ французской школѣ придется снова вернуться къ религіи, какъ единственно возможной основѣ морали, потому что исторія человѣчества представляетъ намъ вездѣ и постоянно одно и то же явленіе, а именно: развитіе нравственности всегда опирается на религію и вслѣдствіе этого всякая ложная религія носить въ самой себѣ зародышъ смерти, такъ какъ при ней развитіе альтруистическихъ или нравственныхъ сторонъ въ человѣкѣ не можетъ совершаться далѣе извѣстнаго, болѣе или менѣе низкаго или высокаго, предѣла, а затѣмъ, разъ процессы дальнѣйшей эволюціи оказываются невозможными, то роковымъ образомъ въ жизни народной начинается обратное движеніе и преобладаніе получаютъ всѣ злыя, эгоистичныя, т. е. регрессивныя явленія.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, мы убѣдились, что для надлежащаго развитія, какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ требуется прежде всего, чтобы добрыя, альтруистическія, а, слѣдовательно, и нравственныя стороны человѣческой природы взяли верхъ надъ злыми, эгоистическими, а, слѣдовательно, и безнравственными и кромѣ того мы убѣдились, что подобное преобладаніе добра надъ зломъ можетъ быть достигаемо только путемъ религіознаго воспитанія.

Покончивъ съ принципиальной стороною дѣла, мы должны теперь перейти къ практической и тутъ прежде всего является вопросъ о томъ, когда именно слѣдуетъ начинать религіозное воспитаніе?

Жанъ Жакъ Руссо, какъ извѣстно, находилъ, что религіозное воспитаніе должно быть откладываемо для мальчиковъ на юношескіе годы, когда они бываютъ въ состояніи понимать великія религіозныя истины; тогда какъ дѣвочкамъ онъ находилъ необходимымъ говорить о религіи раньше, потому что, прибавляетъ онъ, въ поясненіе, «еслибы мы вздумали ожидать того времени, когда женщина окажется способной методично разбирать эти глубокіе вопросы, то мы рисковали бы никогда не дожидаться этого времени». Въ этомъ отношеніи никакъ нельзя, конечно, согласиться съ Руссо, потому что законы, управляющіе психической

жизнью людей, оказываются одинаковыми, какъ по отношенію къ мужчинамъ, такъ и по отношенію къ женщинамъ и христіанская религія тоже признаетъ это равенство. Въ виду этого мы и находимъ необходимымъ давать и мальчикамъ и дѣвочкамъ совершенно одинаковое религіозное воспитаніе; но намъ остается еще рѣшить вопросъ о томъ, когда именно слѣдуетъ начинать религіозное воспитаніе дѣтей?

По моему мнѣнію религіозное воспитаніе должно начинаться наивозможно раньше, и первыя основанія его должны быть положены тогда, когда въ дѣтяхъ только что появляются первые проблески сознательной жизни. Руссо, говоря о религіозномъ воспитаніи женщинъ, проводилъ совершенно ложный взглядъ; но въ то же время онъ высказалъ много вѣрнаго и глубокаго, какъ это вообще постоянно случается съ Руссо, и въ этомъ-то и слѣдуетъ искать объясненіе того громаднаго вліянія, которое имѣлъ Руссо, какъ на своихъ современниковъ, такъ и на послѣдующія поколѣнія людей. Не даромъ Лессингъ писалъ въ одномъ своемъ письмѣ о Руссо: «однимъ словомъ г. Руссо ошибается, но я не знаю другаго автора, который бы умѣлъ ошибаться съ бѣлымъ умомъ». Такъ и въ данномъ случаѣ Жанъ Жакъ Руссо высказалъ глубокую истину, говоря, что откладывать религіозное воспитаніе до той поры, когда дѣти будутъ въ состояніи понимать глубокія религіозныя истины не слѣдуетъ, потому что при этомъ мы можемъ легко рисковать никогда не дожидаться этого времени. Это вѣрно по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ вообще, а не по отношенію только къ дѣвочкамъ.

Само собою разумѣется, что первоначально религіозное воспитаніе сводится только на самое элементарное, а именно на то, чтобы развить и укрѣпить въ душѣ ребенка самое понятіе о Богѣ. У очень маленькихъ дѣтей уже является логическій вопросъ о конечной причинѣ, который обыкновенно формулируется ими въ пытливые разспросы о томъ, кто сдѣлалъ птичекъ, кто сдѣлалъ звѣзды и т. под. Мнѣ кажется, однако, что воспитатели не должны ожидать этихъ вопросовъ, а, напротивъ того, они должны познакомить ребенка уже раньше съ идеей Божества, потому что какъ бы элементарно и зачаточно не сложилось это понятіе въ умѣ ребенка, оно все же внесетъ наивозможную полноту и отчетливость въ его сознательную логическую

мысль, наивысшая форма которой всегда является примѣненіемъ закона достаточнаго обоснованія или причинности. При воспитаніи особенно вредно бываетъ пріучать дѣтей къ отсутствію объясненій, потому что такимъ образомъ уже въ зародышѣ, такъ сказать, губится та пытливость мысли, которой человечество обязано не только всѣмъ своимъ прогрессомъ, но и многими самыми высокими своими наслажденіями. Между тѣмъ даже самыя маленькія дѣти, по необходимости, должны постоянно встрѣчаться съ такого рода явленіями, причина которыхъ остается имъ непонятной, если у нихъ нѣтъ всепримиряющаго, всеобъясняющаго, всеобъемлющаго понятія о Богѣ. Не должно вѣдь упускать изъ виду, что, вмѣстѣ съ зарей сознательной психической жизни, у дѣтей должна появляться и усиленная способность къ страданію. Нѣкоторые авторы указывали даже, что дѣти начинаютъ плакать слезами только тогда, когда развитіе сознательной психической жизни даетъ имъ возможность представить себѣ свое горе, свою обиду и т. д. Пока ребенокъ просто только ощущаетъ голодъ, боль, холодъ и т. д. онъ кричитъ, кричитъ до одуренія, до судорогъ; но не плачетъ; но когда онъ начинаетъ сознательно представлять себѣ свое горькое положеніе, онъ начинаетъ плакать, у него появляются слезы (Шопенгауеръ).

Насколько это мнѣніе вѣрно, мы, конечно, не можемъ рѣшить, такъ какъ у насъ въ настоящее время не сохраняется ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что мы думали или чувствовали во время перваго появленія у насъ слезъ; а маленькія дѣти ничего не могутъ объяснить намъ, какъ потому, что еще не владѣютъ рѣчью, такъ и потому, что они еще не обладаютъ способностью самонаблюденія и самоанализа; а къ тому времени, когда все это является, воспоминаніе о первыхъ слезахъ успѣваетъ уже исчезнуть. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что и у самыхъ маленькихъ дѣтей уже должны имѣться свои горести, печали и обиды, и что все это должно особенно тяготить ихъ въ виду ихъ безпомощности и неспособности высказаться. Каждый, имѣвшій дѣло съ дѣтьми, знаетъ, какъ трудно иногда бываетъ добратъся до причины слезъ или капризовъ. И это вполне понятно; потому что даже взрослымъ людямъ очень и очень часто трудно бываетъ выразить отчетливо словами тѣ чувства, которыя гнетутъ и волнуютъ ихъ душу, а маленькимъ дѣтямъ это должно

быть еще труднѣе и вслѣдствіе неполнаго владѣнія разговорной рѣчью, и вслѣдствіе неумѣнія сознательно анализировать свое внутреннее состояніе. Стоитъ только представить себѣ всю слабость и беспомощность дѣтей, стоитъ только вспомнить ихъ усиленную впечатлительность и ту заброшенность, въ которой многимъ изъ нихъ приходится проводить ранніе дѣтскіе годы и мы поймемъ сколько невысказанныхъ, невѣдомыхъ намъ страданій должны проноситься по дѣтской душѣ.

Подумайте, хотя бы о чувствѣ страха. Это чувство извѣстно уже груднымъ дѣтямъ и сколько оно должно причинять мукъ дѣтямъ — даже подумать страшно! Хорошо, если около ребенка имѣется нѣжная, любящая и внимательная мать. А, если нѣтъ? Дѣти обыкновенно боятся темноты, а тутъ еще присоедините возможность страшныхъ сновидѣній, кошмаровъ, которые будятъ дѣтей среди таинственной ночной тишины и мрака и вы поймете, сколько тяжелого, гнетущаго должно пронестись по дѣтской душѣ. Не даромъ же въ числѣ болѣзней дѣтскаго возраста фигурируетъ и особая нервная форма, такъ наз. ночной страхъ дѣтей! Болѣзнь, суть которой состоитъ въ томъ, что дѣти, заснувъ, просыпаются съ страшнымъ крикомъ и представляя полную картину сильнаго испуга. У дѣтей нормальныхъ, т. е. воспитаніе которыхъ велется заботливо и цѣлесообразно, подобныхъ припадковъ не бываетъ. Почему? Да именно потому, что, при заботливомъ воспитаніи, дѣтей уже рано знакомятъ съ понятіемъ о Богѣ, который все видитъ, все знаетъ, всѣхъ любитъ и защищаетъ. Дѣти, которыхъ ведутъ подобнымъ образомъ, тоже испытываютъ иногда страшныя сновидѣнія, кошмары, они тоже въ испугѣ просыпаются среди ночной тишины; но только они сознаютъ себя подъ защитой всевидящаго Бога и потому ихъ испугъ остается простымъ испугомъ и никогда не достигаетъ до степени паническаго ужаса, до степени болѣзни. Я, на основаніи личныхъ наблюденій, знаю, что подобныя дѣти, просыпаясь подъ вліяніемъ какого-либо страшнаго или непріятнаго сновидѣнія, принимаютъ молиться, иногда просто лежатъ, иногда же становясь на колѣни посреди своей кровати; въ другихъ случаяхъ, они просятъ также мать благословить ихъ для того, чтобы прогнать страшныя сны и т. д.

Изъ всего сказаннаго, я думаю, ясно слѣдуетъ, что понятіе о Богѣ необходимо даже для самыхъ маленькихъ дѣ-

тей. Я сказала и повторяю еще разъ, что какъ только въ ребенкѣ вспыхнетъ божественный свѣтъ сознательной душевной жизни, такъ воспитатели уже должны начать развивать въ немъ понятіе о Богѣ, любовь и довѣріе къ Богу. При этомъ нечего беспокоиться, что ребенокъ слишкомъ малъ, слишкомъ глупъ для такого глубокаго понятія, какъ понятіе Божества. Стоитъ только внимательно взглянуть въ малютокъ, которыя лепечутъ свои дѣтскія молитвы, для того, чтобы убѣдиться, что они могутъ усвоить идею Бога, хотя, конечно, идея эта у нихъ должна быть въ соотвѣтствіи со всѣмъ содержаніемъ ихъ дѣтской души, она должна быть чисто дѣтская; но чтожъ изъ этого? Развѣ каждый изъ насъ не представляетъ себѣ Бога по своему? Развѣ понятіе это не мѣняется у народовъ соотвѣтственно съ ихъ развитіемъ? Вѣдь никому-же и въ голову не придетъ говорить, что дикарямъ, хотя бы, напр., папуасамъ Миклухи-Маклая, нельзя проповѣдывать великаго ученія Христа, потому что при низменности своего развитія они не въ состояніи понять всего свѣта этого ученія! Между тѣмъ дѣти наши, уже рождаясь, должны, по закону наследственности, приносить въ скрытомъ состояніи большую возможность для усвоенія высокихъ истинъ христіанской вѣры, чѣмъ дикіе обитатели далекой Полинезіи.

Маленькія дѣти не въ состояніи, конечно, понять тѣхъ объясненій различныхъ явленій, которыя даетъ современная точная наука; они не въ состояніи, конечно, усвоить себѣ ни закона тяготѣнія, ни ученія о свѣтѣ, электричествѣ, ни ученія объ атмосферномъ давленіи и вѣтрахъ и т. д.; дѣти не могутъ усваивать себѣ различныхъ научныхъ истинъ, не могутъ уже и потому, что всѣ эти истины являются недавними пріобрѣтеніями человечества и вслѣдствіе этого они еще не успѣли фиксироваться путемъ наследственной эволюціи, не успѣли превратиться въ необходимые элементы всякой сознательной мысли. Главнымъ образомъ, однако, дѣти не могутъ усваивать научныхъ истинъ потому, что они не имѣютъ прямаго отношенія къ первичнымъ основамъ всякаго мышленія; каждая научная истина является только частичнымъ примѣненіемъ закона причинности и, какъ таковая, предполагаетъ знаніе массы частныхъ и специальныхъ подробностей. Однимъ словомъ безъ научныхъ истинъ человѣкъ можетъ жить, тогда какъ безъ основной великой идеи Бога немыслима полная сознательная жизнь, немыслима

уже потому, что при этомъ высшій законъ всякой логической, сознательной мысли, законъ достаточнаго обоснованія будетъ осужденъ на вѣчное несовершенство, т. е. будетъ лишенъ самой возможности постоянного совершенствованія, постоянного развитія; а такъ какъ съ этимъ логическимъ закономъ нашей мысли неразрывно связано и самое сознание, то несовершенство, ограниченіе перваго роковымъ образомъ должно вести къ несовершенству, ограниченности послѣдняго.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что у всѣхъ народовъ земнаго шара, даже у самыхъ первобытныхъ, всегда имѣется хоть какое нибудь смутное и грубое понятіе о Богѣ; послѣ всего сказаннаго понятно также, почему никакая нравственность не можетъ развиваться внѣ религіи. Однимъ словомъ, безъ понятія о Богѣ, безъ вѣры въ Него невозможна никакая эволюція человѣчества на землѣ и при томъ именно потому, что понятіе о Богѣ является необходимымъ для основнаго и главнаго закона нашего сознательнаго мышленія.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что атеисты обладаютъ полнымъ сознаниемъ и что все-же они отрицаютъ Бога; но вѣдь для того, чтобы отрицать что бы то ни было, надо сначала узнать, усвоить это отрицаемое нѣчто и потому это возраженіе не имѣетъ ни малѣйшей силы, такъ какъ каждый матеріалистъ, каждый атеистъ несомнѣнно обладалъ понятіемъ о Богѣ во время своего психическаго развитія, во время своего психическаго роста и отрицательное его направленіе началось только послѣ того, какъ его личное развитіе достигло извѣстной высоты и затѣмъ попало процессамъ вырожденія.

Именно потому, что понятіе о Богѣ составляетъ основное условіе развитія сознательной психической жизни человѣка, оно и присуще всѣмъ народамъ земнаго шара, все одно на какой бы ступени культуры они не стояли и потому-же самому понятіе это является доступнымъ даже самымъ дѣтскимъ, самымъ простымъ умамъ.

Итакъ, повторяю, понятіе о Богѣ должно давать дѣтямъ, какъ можно раньше, при первыхъ проблескахъ зачинающейся сознательной жизни, такъ какъ только при этомъ условіи предразсвѣтная заря сознательной мысли можетъ развиваться въ свѣтлый, полный блеска день сознанія, подъ вліяніемъ котораго блѣднѣютъ, разбѣгаются и исчезаютъ всѣ тѣ тѣни, всѣ тѣ страшилища, которыя зароди-

лись во мракѣ психической ночи и которыя стояли чело-вѣчеству не мало слезъ, крови и горя.

Среди безконечнаго числа различныхъ понятій, идей, входящихъ въ составъ психическаго капитала современнаго чело-вѣчества, нѣтъ ни одного, которое бы было болѣе глубокимъ, болѣе широкимъ и высокимъ, какъ понятіе о Богѣ и въ то же время нѣтъ ни одного, которое-бы было такъ доступно всѣмъ и каждому и такъ элементарно необходимо для сознательной жизни. Понятіе о Богѣ вноситъ цѣлостность, вноситъ гармонію въ міровоззрѣніе самыхъ разнообразныхъ людей и въ то же время оно оставляетъ полный просторъ, оставляетъ полную свободу пытливости чело-вѣческой мысли; оно нисколько не стѣсняетъ, нисколько не суживаетъ области чело-вѣческихъ изслѣдованій. Чѣмъ выше поднимается уровень чело-вѣческаго развитія, чѣмъ больше накапливается у людей знаній, тѣмъ и понятіе о Божествѣ становится все возвышеннѣе, все чище и духовнѣе. Законъ достаточной причины, основной законъ чело-вѣческой мысли, побуждаетъ не только высокообразованнаго чело-вѣка, но и малаго ребенка и необразованнаго поселенина и грубаго дикаря отыскивать причину всего существующаго, отыскивать причину всѣхъ явленій и разнища между первыми и послѣдними состоитъ въ сущности только въ томъ, что у перваго сознание охватываетъ и вмѣщаетъ болѣе многочисленную цѣпь проанализированныхъ явленій, чѣмъ у послѣдняго; но какъ у ученаго 19-го столѣтія, такъ и у грубаго дикаря вопросъ о первичной и конечной причинѣ всего существующаго и несуществующаго покрывается понятіемъ—Богъ.

Воспитывать ребенка, не давая ему этой высокой идеи, значитъ приучать ребенка довольствоваться знаніемъ ближайшаго условія явленій, т. е. знаніемъ повода, а не самой причины; а это крайне вредно, такъ какъ при этомъ мысль чело-вѣка является подрѣзанной въ самомъ главномъ своемъ корнѣ. При этихъ условіяхъ получаютъ люди, которые и въ жизни, и въ наукѣ, и въ мірѣ нравственномъ, и въ религіи, вездѣ и во всемъ довольствуются одною внѣшностью явленія: въ религіи они видятъ только одну обрядную сторону; задачу жизни они усматриваютъ только въ приобрѣтеніи земныхъ благъ, въ мірѣ нравственномъ они являются безпощадными судьями не дѣйствительно безнравственныхъ поступковъ, а тѣхъ, которые такъ или иначе

позволяютъ себѣ нарушить внѣшнюю форму извѣстныхъ отношеній, установленную въ данномъ обществѣ. Вслѣдствіе этого тайный адюльтеръ пользуется ихъ сочувствіемъ; но открытое расторженіе почему бы то ни было безнравственнаго брака признается ими за что-то непозволительное. Въ наукѣ подобные субъекты всецѣло уходятъ на изученіе частичныхъ и зачастую мелочныхъ явленій и упускаютъ изъ виду все общее, все жизненное; они, напр., съ поразительнымъ терпѣніемъ могутъ опредѣлять число члениковъ на усикахъ насѣкомыхъ и писать объ этомъ ученые яко бы трактаты; но и только! Вывести изъ своихъ наблюдений какое либо обобщеніе, какой либо законъ они не въ состояніи; они, какъ говоритъ извѣстная поговорка, изъ-за листьесвъ не видятъ всего лѣса. Въ художественныхъ произведеніяхъ они видятъ только частичную красоту слога, удачу выраженія, удачу формы, тогда какъ глубина и красота скрытой въ этихъ произведеніяхъ идеи остается для нихъ недоступной. Однимъ словомъ, подобные люди являются формалистами и въ мірѣ мысли, и въ мірѣ чувства, и въ мірѣ этики, потому что вездѣ и во всемъ кастрированная мысль ихъ привыкла удовлетворяться ближайшимъ поводомъ и не проникать въ суть или причину явленій.

Въ средѣ каждаго народа люди этого типа могутъ приносить развѣ только пользу балласта, придающаго большую устойчивость; но при этомъ, какъ и всякій балластъ, они дѣлаются вредными, какъ только число ихъ превыситъ извѣстную границу. Изъ субъектовъ подобнаго рода и получаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, самые узкіе и упорные матеріалисты, или такъ называемые позитивисты, которые, по опредѣленію нашего оригинальнаго мыслителя Вл. Соловьева, отрицаютъ все, кромѣ изученія явленій и даже въ наукѣ не допускаютъ познанія причинъ, не допускаютъ изслѣдованія вопросовъ *зачѣмъ* и *почему*.

Ограничивая дѣйствіе закона достаточнаго обоснованія, суживая область его примѣненія, мы тѣмъ самымъ ослабляемъ способность человѣка къ обобщеніямъ, способность человѣка схватывать общее въ разнообразныхъ явленіяхъ и на основаніи этого, путемъ синтеза мысли, создавать различныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣрно передающія основной характеръ, или суть извѣстной группы явленій. Между тѣмъ безъ обобщеній, немислимъ никакой прогрессъ, никакое поступательное движеніе наукъ, потому

что описаніе послѣдовательности, одновременности, сходства, различія, протяженія, формы явленій, то есть описаніе явленій, какъ они представляются намъ по законамъ времени и пространства никогда не можетъ повести къ настоящему поступательному развитію наукъ, а всегда будетъ сводиться только на накопленіе болѣе или менѣе сыраго матеріала. Даже въ математическихъ наукахъ, которыя представляютъ собою въ сущности прямое изученіе основныхъ формъ мышленія, т. е. законовъ времени и пространства, и въ тѣхъ оказались существенныя пробѣлы вслѣдствіе недостаточнаго примѣненія закона достаточнаго обоснованія, на что и указываютъ выдающіеся математики нашего времени, требуя болѣе строгой провѣрки основныхъ, принятыхъ со времени Евклида и вплоть до Лежандра аксіомъ (Риманнъ, Томсонъ).

Безъ обобщеній, безъ гипотезъ немислимы бы были самыя науки — въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается; но при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что великое значеніе всякихъ гипотезъ возможно только до тѣхъ поръ, пока гипотеза встрѣчаетъ довѣріе, пока въ нее вѣрятъ представители той или иной науки. Элементъ вѣры необходимъ, потому что иначе не нашлось бы ни одного человѣка, который рѣшился бы посвятить всѣ свои силы, всю свою жизнь на отысканіе фактовъ, на изслѣдованіе явленій, подтверждающихъ ту или иную гипотезу и объясняемыхъ ею. Элементъ вѣры необходимъ въ наукѣ, потому что ни одна научная гипотеза не можетъ быть безусловно доказана; для пониманія каждой научной гипотезы требуется извѣстный, болѣе или менѣе сильный, подъемъ человѣческаго духа, т. е. именно то, что мы именуемъ вѣрой. Наука не уничтожаетъ необходимости религіозной вѣры, она только перемѣщаетъ тѣ предѣльныя грани, которыя отдѣляютъ область религіозной вѣры отъ области вѣры въ различныя гипотезы, построенныхъ на основѣ точно произслѣдованныхъ фактовъ.

Впрочемъ, элементъ вѣры нуженъ не одному только ученому; онъ одинаково необходимъ также и художнику и артисту, такъ какъ безъ вѣры въ идеаль вѣчной красоты, въ идеаль прекраснаго, они никогда бы не могли создавать безсмертныхъ произведеній искусства. Наконецъ и вся социальная жизнь человѣка невозможна безъ элемента вѣры: мы должны вѣрить словамъ, обѣщаніямъ

другъ друга, иначе невозможны никакія отношенія, никакая совмѣстная жизнь; толпа народа должна вѣрить въ святость законовъ, въ разумность различныхъ общественныхъ учреждений, она должна вѣрить въ своихъ правителей, иначе невозможенъ будетъ никакой социальный строй жизни, иначе всѣ антисоціальныя моменты вырожденія, по необходимости, должны будутъ взять перевѣсъ подобно тому, какъ и войско можетъ одерживать побѣды только до тѣхъ поръ, пока оно вѣритъ въ своего предводителя, въ свое знамя. Однимъ словомъ, какую бы сторону человѣческой дѣятельности мы не взяли — вездѣ и во всемъ необходимъ элементъ вѣры. Поселяне не стали бы сѣять, если бы они не вѣрили въ возможность урожая; торговля, промышленность тоже требуютъ въ значительной степени довѣрія, т. е. вѣры въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ. И такъ во всемъ! Въ виду этого странно и смѣшно бываетъ слышать горячія нападки на вѣру, странно и смѣшно бываетъ читать о необходимости изгнать вѣру изъ жизненнаго обихода человѣчества. Изгнать вѣру изъ жизни людей, это значило бы уничтоженіе всей социальной жизни, уничтоженіе семьи, науки, искусства — уничтоженіе, однимъ словомъ, человѣчества съ его идеалами и высокими стремленіями.

Вѣра — вѣдь, это и есть тотъ подъемъ человѣческаго духа, благодаря которому человѣкъ намѣчаетъ себѣ высокія цѣли, высокіе идеалы, для жизненнаго осуществленія которыхъ требуются иногда цѣлыя столѣтія упорной борьбы, упорной работы. Прежде, чѣмъ создать желѣзныя дороги, аэростаты, человѣчество вѣрило, дѣтски наивно вѣрило и въ ковры самолеты и въ возможность обернуться птицею и въ семиверстные сапоги; затѣмъ, по мѣрѣ развитія, по мѣрѣ наростанія человѣческаго сознанія эти мечты, эти идеалы изъ области поэтическаго вымысла, изъ области сказокъ, перенесены были въ кабинеты ученыхъ и послѣ долгихъ работъ, долгой борьбы, міръ увидѣлъ наконецъ ихъ осуществленіе.

Итакъ во всемъ. При настоящей своей организаціи человѣчество безусловно нуждается въ элементѣ вѣры вездѣ и во всемъ; вѣра въ психическомъ отношеніи есть то же, что кислородъ для физическаго дыханія человѣка.

Вслѣдствіе этого я сказала уже и повторяю еще разъ, давайте дѣтямъ, какъ можно раньше, основное понятіе о Богѣ и какъ можно раньше приучайте ихъ вѣрить въ Бо-

га и во все прекрасное, доброе, высокое, потому что внѣ этого нѣтъ жизни, нѣтъ развитія, какъ объ этомъ еще подробнѣе мы будемъ говорить ниже.

Родители должны наблюдать затѣмъ, чтобы дѣти молились предъ отходомъ ко сну и утромъ, при пробужденіи. При этомъ съ самаго начала надо позаботиться о томъ, чтобы молитвенное обращеніе ребенка къ Богу не имѣло чисто эгоистическаго характера и потому рядомъ съ молитвою за родителей, родныхъ, близкихъ, надо научить ребенка молиться за свой народъ и за всѣхъ людей вообще. Кромѣ того, ради поддержанія болѣе живой вѣры въ душѣ ребенка, по окончаніи вслухъ произнесенной матерью и повторенной дитятей молитвы о дарованіи здоровья родителямъ, роднымъ, прислугѣ, ему самому, Государю съ Его Семейей, всему народу русскому и всѣмъ людямъ вообще, слѣдуетъ предоставлять ребенку право присоединять свои собственныя просьбы, говоря ему, что онъ можетъ просить Бога о чемъ хочетъ и при этомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ относиться насмѣшливо или легко къ высказываемымъ дитятей просьбамъ. Чѣмъ живѣе вѣра ребенка и чѣмъ искреннѣе его любовь къ Богу, тѣмъ довѣрчивѣе онъ будетъ высказывать свои дѣтскія мольбы и всякая насмѣшка или даже улыбка со стороны взрослыхъ является не только неумѣстной, но даже и преступной. Мнѣ самой пришлось разъ слышать, какъ ребенокъ трехъ лѣтъ просилъ Господа защитить «бѣдную мушку отъ паука», или въ другой разъ онъ просилъ сдѣлать такъ, чтобы куклѣ не было больно, когда она падаетъ. При всемъ этомъ надо, конечно, сохранять самый серьезный видъ.

Рядомъ съ молитвами о дарованіи здоровья и различныхъ другихъ просьбъ слѣдуетъ приучать дѣтей благодарить Бога за все имѣющееся, потому что иначе на отношенія дитяти къ Богу можетъ лечь слишкомъ утилитарно-сухой оттѣнокъ и неисполненіе какого либо желанія можетъ повести къ сомнѣнію въ пользѣ и необходимости молитвы. Мнѣ самой привелось разъ слышать, какъ ребенокъ 4 или 4½ лѣтъ заявлялъ матери съ упрекомъ: «Вотъ, мама, я молилась, сильно молилась, а все-таки простудилась». Дѣвочка эта очень не любила хворать; но, къ сожалѣнію, была сильно подвержена горловымъ пораженіямъ. Очевидно, что уже вечеромъ, предъ отходомъ ко сну, она ощущала нѣкоторое раздраженіе въ горлѣ, которое, будучи

ей знакомо по многократному опыту, побудило ее особенно сильно помолиться Богу о сохранении здоровья, а когда болѣзнь пошла своимъ обычнымъ ходомъ и явилась необходимость согрѣвательныхъ компрессовъ, смазываній горла, приѣмовъ лѣкарства и т. под. неприятныхъ для ребенка манипуляцій, то она и почувствовала, что молитва ея, такъ сказать, пропала даромъ. Матери, пришлось, конечно, объяснить, что Богъ исполняетъ не всякую просьбу, потому что Онъ лучше знаетъ, что для кого полезно и т. д.

Во всякомъ случаѣ, знакомя ребенка съ понятіемъ о Богѣ, не слѣдуетъ придавать отношеніямъ дитяти къ Богу слишкомъ утилитарный характеръ и потому дѣтская молитва не должна состоять изъ однихъ только прошеній, она должна содержать также и слова благодарности. Кромѣ того слѣдуетъ приучать ребенка искать опоры и помощи въ молитвѣ, когда ему, напримѣръ, приходится бороться съ самимъ собою. Такъ, напр., дѣти очень часто нарушаютъ запрещенія по забывчивости; въ подобныхъ случаяхъ можно включить въ дѣтскую молитву прошеніе о томъ, чтобы Господь помогъ быть добрымъ, послушнымъ ребенкомъ и т. д.

Само собою разумѣется, что здѣсь мы можемъ только намѣчать главные пункты, характерныя черты; подробности же выполненія должны быть предоставлены каждому родителю, каждому, воспитателю.

Къ восьми годамъ дѣти уже должны знать наизусть молитву Господню; но предварительно ихъ слѣдуетъ, конечно, познакомить съ исторіей жизни и страданій Иисуса Христа; но только не путемъ сухаго преподаванія по книгамъ, а въ видѣ живаго разсказа, передаваемого дѣтямъ не среди шума и суеты дневной, а въ тихія сумерки или вечеромъ въ виду звѣзднаго неба.

Дни семейныхъ торжествъ слѣдуетъ отмѣчать или посѣщеніями богослуженій въ церкви, или молебнами на дому. При посѣщеніи церкви слѣдуетъ всегда помнить, что дѣтское вниманіе устаетъ болѣе или менѣе быстро и что, слѣдовательно, дѣти не могутъ надлежащимъ образомъ выстоять цѣлую обѣдню. Всякое утомленіе вниманія необходимымъ образомъ ведетъ къ скукѣ, къ капризамъ и къ шалостямъ. Въ виду этого я бы считала необходимымъ приводить дѣтей въ церковь только тогда, когда начинается литургія вѣрныхъ и уводить ихъ, какъ только станетъ замѣчаться въ нихъ невниманіе и усталость. Слишкомъ частое

посѣщеніе церкви дѣтьми должно быть признано нежелательнымъ, потому что дѣти не могутъ понимать смысла самаго богослуженія и они легко могутъ создать себѣ совершенно невѣрное представленіе о смыслѣ богослуженія, или даже они могутъ взглянуть на него, какъ на своего рода зрѣлище. Последнее тѣмъ болѣе возможно, что сборы въ церковь слишкомъ часто сопровождаются безконечною суетней и заботами о туалетѣ; въ самой церкви нерѣдко ведутся между взрослыми разговоры, а по возвращеніи, дома начинаются толки и пересуды о томъ кого встрѣтили въ церкви. Все это должно крайне пагубно дѣйствовать на религіозное чувство дѣтей. И потому лучше слѣдуетъ рѣдко ходить въ церковь съ ребенкомъ, но зато когда идти, то идти туда для серьезной молитвы; а для этого необходимо обставлять дѣло такъ, чтобы дѣти оставались въ церкви, какъ разъ столько времени, сколько они могутъ пробыть тамъ, не утомляясь и сохраняя полное вниманіе, необходимое для сосредоточеннаго молитвеннаго настроенія.

Кромѣ того необходимо внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы няньки, гувернантки, различныя родственницы и знакомыя не позволяли бы себѣ расхваливать дѣтей за ихъ набожность, за ихъ усердіе въ молитвѣ, за то, что они охотно ходятъ въ церковь и прекрасно выстаиваютъ тамъ обѣдню и такъ далѣе. Всѣ подобныя хвалы дѣйствуютъ самымъ вреднымъ образомъ; потому что онѣ развиваютъ въ дѣтяхъ аффектацію и ложь и такимъ образомъ дѣлаютъ невозможнымъ развитіе искренняго религіознаго чувства.

Точно такъ же нѣтъ ничего хуже, какъ слишкомъ часто говорить ребенку о Богѣ, потому что это легко можетъ надоѣсть ребенку и, что еще хуже, можетъ повести къ лицемерію, къ неискренности, къ ханжеству. Понятіе о Богѣ представляется вѣдь среди всего многочисленнаго психическаго содержанія человѣка совершенно особеннымъ, исключительнымъ; оно является, такъ сказать, понятіемъ *sui generis*, понятіемъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго и потому, давая ребенку это понятіе, воспитатель долженъ умѣть обращаться съ нимъ надлежащимъ образомъ: онъ долженъ понимать, что о Богѣ онъ можетъ говорить съ дѣтьми только въ особые, подходящіе для того минуты жизни, а никакъ не среди мелочной и вульгарной суетни будничной жизни. Все, о чемъ толкуютъ слишкомъ часто, поневолѣ пріобрѣтаетъ тривіальный оттѣнокъ въ глазахъ людей и потому

воспитатель никоимъ образомъ не долженъ надѣдаться и утомлять дѣтей разговорами о Богѣ. Дѣти должны чувствовать, что Богъ это Нѣчто столь великое и высокое, что о Немъ нельзя говорить вездѣ и всегда; дѣти должны видѣть, что мать ихъ или отецъ становятся иными, становятся и серьезнѣе и тише и добрѣе, когда они говорятъ о Богѣ.

Наконецъ никогда не слѣдуетъ превращать молитвы въ что-то механическое и машинальное, какъ это часто бываетъ у дѣтей, когда ихъ ежедневно заставляютъ вслухъ молиться въ присутствіи няньки, гувернантки или кого придется. Нѣтъ! разъ дитя выучило молитву, разъ оно усвоило понятіе о Богѣ, вы должны предоставить ему свободу въ его ежедневныхъ обращеніяхъ къ небесному Отцу. Воспитатель можетъ и долженъ напоминать дѣтямъ о томъ, что они теперь должны еще помолиться; но онъ не долженъ вторгаться непрошеннымъ свидѣтелемъ въ ихъ молитву, въ ихъ общеніе съ Богомъ. Кромѣ того можно отъ времени до времени спрашивать ребенка молитвы для того, чтобы убѣдиться, что онъ не забылъ ихъ и не перепуталъ ихъ; но въ самую молитву ребенка вторгаться не слѣдуетъ.

Только пока ребенокъ еще плохо владѣетъ разговорной рѣчью и пока онъ не усвоилъ себѣ, какъ словъ, такъ и значенія молитвы, мать или отецъ, или то лицо, кому они поручаютъ воспитаніе своего ребенка, обязаны бываютъ молиться вмѣстѣ съ дѣтями, громко произнося передъ нимъ слова молитвы; но затѣмъ они должны устраниваться и не мѣшать ребенку молиться самому, хотя бы и о спасеніи мухи отъ паука. У каждаго возраста, вѣдъ, имѣются свои чувства, свои мысли, свои заботы, а для подростка дитяти, для будущаго человѣка особенно важно пріобрѣсти, какъ можно раньше, горячую вѣру въ Бога, въ Его безграничную любовь и доброту, такъ же, какъ и способность горячо и искренно молиться. Это особенно важно, потому что горячая вѣра въ Бога и способность молитвы могутъ много помочь человѣку въ минуты тяжелыхъ испытаній, когда человѣку приходится бороться, бороться до изнеможенія, съ самимъ собою, съ своими собственными страстями, съ своимъ собственнымъ эгоизмомъ! Для этого прежде всего нужно, однако, чтобы понятіе о Богѣ и вѣра въ него вошла въ тѣсную, органическую связь со всѣмъ психическимъ содержаніемъ человѣческой души; а это достигается всего лучше путемъ самодѣятельности.

Сколько бы тысячъ разъ мы не показывали ребенку то или иное мышечное движеніе, онъ до тѣхъ поръ не научится ему, пока самъ не начнетъ производить его, сначала неумѣло, а затѣмъ все съ большимъ и большимъ искусствомъ и отчетливостію. Точно такъ же и въ психическомъ отношеніи никакое показываніе, никакое подсказываніе и объясненіе не могутъ замѣнить собственнаго опыта, собственныхъ попытокъ. Возьмемъ для примѣра хоть изученіе иностранныхъ языковъ: сколько бы человѣкъ не изучалъ теоретически какой бы то ни было языкъ, онъ никогда не будетъ въ состояніи говорить на немъ, писать и думать, если онъ не соединитъ теоретическое изученіе съ практическимъ, т. е. если онъ не станетъ самъ говорить на этомъ языкѣ. То же самое вѣрно и по отношенію къ религіозному чувству, по отношенію къ способности молиться. Если вы желаете дать ребенку это чувство, эту способность, вы должны предоставить ему извѣстную самостоятельность въ его отношеніяхъ къ Богу и не требовать отъ него, чтобы онъ, какъ попугай повторялъ за вами, или читалъ громко разъ заученныя слова молитвы. Это можетъ вести не къ развитію искренняго религіознаго чувства и живой вѣры, а только къ развитію лицемѣрства, механической обрядности и ханжества. До чего можетъ доходить подобная мертвая механичность въ дѣлахъ молитвы, доказываютъ тѣ мельницы, посредствомъ вращенія которыхъ буддисты разсчитываютъ повторить одну и ту же молитву сто и болѣе разъ кряду, такъ какъ при вращеніи описываетъ кругъ и полоса съ написанной молитвой.

У христіанскихъ народовъ дѣло, конечно, не доходитъ до этого; но зато, какъ часто уста машинально твердятъ у насъ слова молитвы, тогда какъ вниманіе наше сосредоточено на совершенно другихъ вопросахъ. Такое отношеніе къ молитвѣ въ значительной степени зависитъ отъ той механичности, которая зачастую вносится въ дѣтскія молитвы. Такъ, напр., каждому изъ насъ извѣстны случаи, въ которыхъ дѣтей заставляютъ по командѣ, въ извѣстные часы дня, читать опредѣленныя молитвы и креститься; каждому изъ насъ извѣстны случаи, въ которыхъ самое приказаніе читать молитву дается грубымъ, сердитымъ голосомъ и всякая неисправность, какъ въ чтеніи молитвы, такъ и въ самомъ стояніи во время молитвы, влечетъ за собою строгія наказанія, заставляющія страдать дѣтское сердце и

нерѣдко ведущія его къ озлобленію, къ лицемѣрству и т. под.

Всего этого слѣдуетъ безусловно избѣгать при религіозномъ воспитаніи дѣтей. Высокое понятіе о Богѣ не должно ассоціироваться въ умѣ ребенка съ воспоминаніемъ о принужденіи, съ воспоминаніемъ о жесткости выговора, съ воспоминаніемъ о наказаніяхъ. Если дѣти шалятъ во время молитвы, то имъ слѣдуетъ сдѣлать по этому поводу замѣчаніе, но замѣчаніе это должно быть сдѣлано кротко, съ любовью и съ печалью; но никакъ не съ гнѣвомъ и злобой. Кромѣ того дѣти шалятъ за молитвой только тогда, когда молитва совершается по принужденію, по приказу; если же дѣти молятся самостоятельно, по собственной инициативѣ, то ничего подобнаго не замѣчается.

Очень полезно бываетъ также приучать дѣтей прибѣгать къ молитвѣ въ тяжелыя минуты жизни, хотя бы напр., когда ребенокъ беспокоится и томится вслѣдствіе слишкомъ долгаго отсутствія матери или любимой сестры, тети, няни, его можно навести на мысль о томъ, что онъ можетъ помолиться о скорѣйшемъ возвращеніи ихъ; но въ самую молитву вмѣшиваться не слѣдуетъ; это уже дѣло ребенка.

Что касается до молитвъ передъ и послѣ обѣда или завтрака, то онѣ хороши, если онѣ являются чистосердечными и искренними проявленіями христіанскаго склада всей семейной жизни; но если молитвы эти носятъ характеръ чего то механическаго и машинальнаго, то онѣ приносятъ дѣтямъ больше вреда, чѣмъ пользы. Если же эти молитвы выпускаются въ случаѣ появленія гостей, или если онѣ замѣняются торопливо и какъ бы стыдливо и украдкой производимымъ знаменіемъ креста, то онѣ становятся положительно вредными въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей; потому что подобнаго рода явленія могутъ заронить въ дѣтской душѣ сомнѣніе въ молитвѣ, могутъ пробудить въ дѣтскомъ умѣ мысль о томъ, что молиться—стыдно. Если почему либо невозможно бываетъ устранить подобныхъ случаевъ, то лучше уже вовсе не заводить предобѣденныхъ и послѣобѣденныхъ молитвъ.

Еще болѣе вредно дѣйствуетъ обыкновеніе обязывать дѣтей молиться или даже только креститься передъ ѣдой и послѣ нея, тогда какъ взрослые садятся за столъ, не молясь и не крестясь. Это уже прямо приучаетъ дѣтей

смотрѣть на молитву, какъ на что-то дѣтское, какъ на что-то не нужное для взрослыхъ. Послѣдствія понятны само собою и потому нѣтъ надобности говорить о нихъ подробно.

Прежде, чѣмъ покончить съ настоящей главой мы должны еще упомянуть о необходимости устранять отъ дѣтей всѣ рассказы, всѣ разсужденія о различіяхъ разнообразныхъ вѣроисповѣданій. Ребенокъ до восьми лѣтъ, а если возможно, то и нѣсколько дольше: до поступленія въ школу, не долженъ ничего знать о томъ, что религія различныхъ народовъ и даже различныхъ людей одного и того же народа бываетъ далеко не одна и та же. Это необходимо, потому что иначе въ умѣ ребенка легко могутъ появиться сомнѣнія, которыя такъ же вредны для неокрѣпшаго еще ума, для не сложившейся еще души дитяти, какъ морозы для молодыхъ побѣговъ различныхъ растений. Въ случаяхъ, если ребенокъ принадлежитъ къ семьѣ, въ составъ которой входятъ люди различныхъ вѣроисповѣданій, то слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ и слѣдить внимательно за тѣмъ, чтобы до сознанія ребенка не доводили различія вѣроисповѣданій; напротивъ того, слѣдуетъ постоянно отбѣнять сходство всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ если въ чистую душу ребенка западутъ сѣмена религіозной нетерпимости или національной вражды и ненависти. Это ужасно уже по тому одному, что подобныя чувства въ корнѣ подрываютъ тотъ великій нравственный идеалъ всеобщаго братства людей, который даетъ намъ христіанство.

Вообще съ дѣтьми надо быть крайне осторожными, потому что даже рассказы о жизни, страданіяхъ и смерти Господа Нашего Иисуса Христа могутъ очень легко положить основаніе къ національной ненависти и враждѣ. Дѣти отличаются вѣдь замѣчательно прямолинейной логикой. Мнѣ, напримѣръ, не разъ приводилось замѣчать въ дѣтяхъ недружелюбное отношеніе къ евреямъ вообще и совершенно отрицательное отношеніе къ Ветхому Завѣту. Они находили, что учить Ветхій Завѣтъ не слѣдуетъ и даже рассказы о различныхъ чудесахъ возбуждали въ нихъ не интересъ, какъ обыкновенно, а одно только недовѣріе: «Съ какой стати Богъ дѣлаетъ чудеса для евреевъ? Вѣдь Онъ знаетъ, что они распнутъ Спасителя! Нѣтъ, это все сочиненія и Моисей ихъ былъ вѣроятно большой обманщикъ!» Приведенныя слова я слышала изъ устъ восьмилѣтнихъ дѣтей,

но конечно, чтобы их слышать, надо обладать полным доверіем дѣтской души.

Только что приведенный примѣръ доказываетъ, какъ нельзя лучше, что даже при разсказахъ о земной жизни Спасителя надо быть осторожнымъ для того, чтобы не возбудить невольно въ воспріимчивой дѣтской душѣ ненависть и злобу къ евреямъ, какъ къ врагамъ вѣры христіанской.

Мнѣ кажется, что для того, чтобы великія начала высокаго ученія Христова могли привиться и взойти въ дѣтской душѣ, надо обставить религіозное воспитаніе перваго восьмилѣтняго возраста такъ, чтобы дѣти научались любить всѣхъ людей, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій и чтобы евреи возбуждали въ дѣтяхъ не ненависть, злобу или презрѣніе, а чувство глубокаго состраданія и сожалѣнія. Это необходимо имѣть въ виду при религіозномъ воспитаніи въ первый восьмилѣтній періодъ жизни особенно потому, что въ это время кладутся наиболѣе стойкія основы высокихъ этическихъ чувствъ, такъ какъ въ дѣтяхъ этихъ лѣтъ преобладаютъ чувства, а не мысль. Они даже мыслятъ, такъ сказать, чувствами. Потому-то основы любви къ ближнему, этой отличительной особенности христіанства, должны быть положены въ первые восемь лѣтъ жизни.

Только при этомъ условіи мы можемъ рассчитывать достигнуть наконецъ такой высоты этическаго развитія, при которой мы дѣйствительно будемъ заслуживать названія *христіанскихъ* народовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспитаніе религіозное съ 8 до 16 лѣтъ.

Послѣ всего изложеннаго въ предыдущей главѣ каждому будетъ ясно, я думаю, что главную задачу религіознаго воспитанія въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ жизни слѣдуетъ видѣть въ томъ, чтобы развить въ душѣ ребенка религіозное чувство и понятіе о Богѣ; одновременно съ этимъ надо приучить дитя молиться, т. е. искать поддержки, помощи и утѣшенія въ молитвѣ и въ вѣрѣ.

Разъ мы опредѣлили цѣль воспитанія въ томъ, что оно должно подготовить растущаго человѣка къ предстоящей ему въ жизни непрерывной борьбѣ, какъ съ внѣшнимъ міромъ вообще, такъ и съ разнообразными проявленіями, стремленіями и порывами его собственной душевной жизни, мы тѣмъ самымъ, конечно, уже отвели молитвѣ въ высокой степени важное мѣсто въ воспитаніи.

При борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, все одно будетъ ли она состоять изъ безконечныхъ столкновеній со стихійными силами природы, или изъ такихъ же столкновеній съ волей, желаніями, чувствами, порывами и мыслями другихъ людей, человѣкъ всегда естественно ищетъ и находитъ себѣ поддержку и помощь со стороны другихъ людей своей семьи, своего рода и племени, тогда какъ при внутренней борьбѣ съ своими страстями, мыслями и эгоизмомъ каждый человѣкъ поневолѣ долженъ бываетъ обходиться своими собственными силами, такъ какъ никто изъ смертныхъ, ни родные, ни самые близкіе друзья не въ состояніи бываютъ оказать ему сколько нибудь дѣйствительной помощи и поддержки въ этой внутренней душевной борьбѣ съ самимъ собою. Между тѣмъ отъ исхода этой непрестанной и упор-

ной борьбы зависит очень многое, потому что каждая победа добрых чувств, мыслей и стремлений над эгоистическими и злыми в душе отдельного человека обозначает победу принципов прогресса, развития и совершенствования над принципами вырождения, болезни и смерти и от численного преобладания подобных внутренних побед среди отдельных членов данной семьи, данного рода, племени или народа зависит и судьба самой семьи, самого рода, племени или народа, так как стоит только эгоизму и неразрывно связанному с ним греху и злу получить преобладание в душе большинства членов той или иной социальной группы и группа эта неизбежно подпадает процессам вырождения и смерти. Это вполне понятно, так как то, что губительно для отдельного человека, должно быть одинаково губительно и для тех разнообразных социальных групп, в которых складывается жизнь человечества на земле, потому что состояние составных частей роковым образом отражается, конечно, и на составляемом ими общем целом.

В этой внутренней душевной борьбе человека с своими темными, эгоистичными стремлениями и чувствами, он может находить поддержку и помощь только в своих религиозных верованиях и в тесно связанной с ними молитве, потому что всякое обращение человека к Богу, каждая мысль о Боге будит и укрепляет в душе человеческой те высокие идеалы добра, братской любви и справедливости, и т. под., до которых доработалось данное время, данный народ и данный человек.

И наблюдения всенедней человеческой жизни и опыты точной науки указывают нам, что и в психической жизни так же, как и в физической жизни организма всякий акт облегчается и совершенствуется под влиянием повторения и соответственно этому молитва, пробуждая все снова и снова в душе человеческой ту цепь представлений, понятий, мыслей и чувств, которые ассоциируются с определенными религиозными верованиями, уже тем самым ведет к укреплению этой стороны психической жизни и облегчает таким образом победу добрых альтруистических стремлений, чувств и мыслей, над злыми, эгоистичными, а следовательно, и греховными. Это, так сказать, представляет собою материальную сторону благотворного действия молитвы и веры, на которой я

считаю необходимым остановиться особенно подробно, потому что некоторые из современных ученых (Френсис Гальтон) пытались именно доказать полную беспомощность молитвы с реалистической точки зрения.

Предположим для примера, что мы имеем дело с очень нервным, вспыльчивым ребенком или даже с человеком взрослым, представляющим те же свойства и что этот субъект все снова и снова молится о даровании ему большей способности владеть собою, большого хладнокровия. Оставляя даже в стороне всякое иное не материальное действие молитвы, она должна уже принести известную пользу тем, что усилит представления о необходимости самообладания, увеличить и расчистить те ассоциационные пути, которые соединяют эти представления с разнообразными другими понятиями и тем самым сдѣлает их более доступными волевым импульсам, волевому контролю; потому что известно ведь, что всякое задержание в психической сфере совершается тем легче, чем большее число ассоциационных путей имеется в данной группе, в данном отдельном.

Чтобы убедиться в верности только что сказанного, достаточно будет сравнить проявления различных чувств у первобытных дикарей и детей, с одной стороны, и у образованных людей, с другой. Всякое чувство, появившись, обыкновенно совершенно поработает дикаря и ребенка; они теряют при этом всякую способность думать о чем бы то ни было другом, теряют всякую способность заниматься чем нибудь, не имеющим отношения к поработившему их чувству. Совершенно не то представляет нам человек, достигший высокого образования, высокого развития в современном цивилизованном мире: он не только не становится рабом своих разнообразных чувств, но даже, напротив того, он может настолько скрыть и подавить их, что для постороннего наблюдателя трудно будет даже заметить в нем хоть какие нибудь признаки этих чувств. У человека, стоящего на первобытных ступенях развития, существуют, по весьма понятным причинам, лишь весьма скудные и мало проторенные ассоциационные пути между различными далеко немногочисленными к тому же представлениями и соответственно с этим ему почти недоступна бывает та психическая интерференция, путем которой цивилизованный человек может, по желанию, ослаблять и задерживать

внѣшнее проявленіе своихъ чувствъ и страстей. Вслѣдствіе этого, напр. каждое чувство, все одно будетъ ли это гнѣвъ или радость, сказывается у дикаря цѣлымъ взрывомъ болѣе или менѣе сильныхъ тѣлодвиженій, энергичныхъ жестикующихъ, цѣлой массой криковъ, восклицаній и даже неартикулированныхъ звуковъ и все это длится до тѣхъ поръ, пока не наступитъ полное утомленіе даннаго чувства, пока не наступитъ протрація. Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ немыслимо бываетъ никакое иное занятіе, никакая мысль о чемъ нибудь постороннемъ. У цивилизованнаго человѣка аналогичныя совершенно чувства проявляются нерѣдко только игрой краски на лицѣ и большимъ блескомъ глазъ—всѣ же остальные проявленія чувства, могутъ быть имъ по волѣ и задержаны и допущены и вслѣдствіе этого онъ, несмотря на волнующія его чувства, можетъ продолжать заниматься чѣмъ ему угодно. Вдумываясь въ эти разницы, существующія между дикарями и образованными людьми, мы роковымъ образомъ должны будемъ придти къ тому заключенію, что въ сущности все зависитъ отъ большаго или меньшаго дифференцированія психическаго содержанія, т. е. отъ численности отдѣльныхъ представленій и соединяющихъ ихъ ассоціационныхъ путей. Подробнѣе объ этомъ намъ придется еще говорить въ отдѣлахъ, посвященныхъ вопросу о воспитаніи ума, воли и чувствъ; здѣсь же мы упомянули объ этомъ только для того, чтобы нагляднѣе оттъѣнить матеріальную пользу, приносимую молитвой.

Въ исторіи развитія человѣчества, въ исторіи прогресса вѣра и молитва имѣли важное значеніе, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ направлялись по ложнымъ путямъ, когда онѣ сосредоточивались на ложныхъ понятіяхъ о божествѣ. На это, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія. Благодѣтельное вліяніе молитвы не исчерпывается тѣмъ, что она укрѣпляетъ извѣстнаго рода трансцендентальныя представленія и понятія, расчищаетъ и численно увеличиваетъ ассоціационныя пути; она, кромѣ того, поддерживаетъ въ человѣческой душѣ стремленія къ идеалу, заставляя людей все снова и снова вспоминать тѣ наиболѣе высокіе нравственные идеалы, которые даны были данному времени, данному народу той или иной религіей.

Впрочемъ, всѣмъ этимъ все еще не исчерпывается польза молитвы.

Въ первой главѣ я уже упоминала о томъ, что нормально воспитываемыя дѣти никогда не страдаютъ той особой нервной формой, которая извѣстна въ медицинѣ подъ названіемъ «ночныхъ страховъ» (night terrors) дѣтей и которая состоитъ въ томъ, что дѣти, просыпаясь ночью, впадаютъ въ состояніе паническаго страха. Нормально воспитываемыя дѣти, проснувшись ночью, тоже нерѣдко ощущаютъ страхъ и подъ вліяніемъ окружающихъ ихъ ночнаго мрака, ночной тишины и подъ вліяніемъ бывшихъ у нихъ страшныхъ сновидѣній; но они при этомъ или сами начинаютъ молиться, или просятъ мать благословить ихъ и помолиться съ ними и успокоенныя быстро снова засыпаютъ. То, что мы наблюдаемъ теперь на нашихъ малюткахъ, происходило и происходитъ еще также и со взрослыми людьми, стоявшими или стоящими на первобытныхъ ступеняхъ культуры. Первобытный человѣкъ тоже нерѣдко чувствуетъ на себѣ подавляющее вліяніе окружающей среды: его гнететъ и ужасаетъ и непроглядный мракъ осенней или зимней ночи, и завыванія бури, и трескъ грома и многое другое, о чемъ намъ даже невозможно составить себѣ представленіе и во всѣхъ этихъ и тому подобныхъ случаяхъ молитва успокаивала и успокаиваетъ человѣка и тѣмъ самымъ спасала и спасаетъ его отъ гибельнаго вліянія страха и ужаса, парализующихъ всякую разумную дѣятельность. Правда, на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія дикари или вовсе не умѣютъ молиться, или примѣняютъ молитву въ крайне несовершенной формѣ и при томъ еще обращаютъ ее къ ложнымъ богамъ. Все это, конечно, ослабляетъ благодѣтельное вліяніе молитвы, но не уничтожаетъ ее совершенно, потому что въ каждой, даже самой грубой религіи таится уже сокровенное зерно правды, т. е. сознаніе Бога, и чѣмъ сильнѣе и чище бываетъ это сознаніе, тѣмъ благодѣтельнѣе оказывается и дѣйствіе молитвы.

Многіе авторы неоднократно указывали на существенную разницу, замѣчаемую между представителями цивилизованныхъ европейскихъ народовъ, съ одной стороны, и различными дикарями, съ другой. Разница эта сводится, главнымъ образомъ, на то, что развитіе дикарей очень скоро сравнительно останавливается, тогда какъ европеецъ, въ теченіи всей своей жизни почти, сохраняетъ способность дальнѣйшаго развитія и дальнѣйшаго совершенствованія. Разница эта перестанетъ удивлять насъ, разъ мы вспомнимъ, какъ часто дикари должны подпадать подъ подавляю-

шія, порабощающія вліянія и со стороны внѣшней природы, внѣшней среды и со стороны своихъ собственныхъ чувствъ, мыслей и стремленій. Между тѣмъ всякія подобныя порабощающія душу человѣка вліянія роковымъ образомъ тормозятъ свободу его мысли, а съ теченіемъ времени и вовсе убиваютъ ее. Примѣромъ, подтверждающимъ все это, могутъ служить люди нашего времени, нашего развитія, подпадающія подъ господство такъ наз. мономаній или навязчивыхъ идей. Люди эти, какъ бы умны они не были сначала, подпавъ подъ господство одной какой либо группы идей, становятся совершенно неспособными къ нормальной дальнѣйшей дѣятельности и быстро попадаютъ въ ряды тѣхъ больныхъ, которые населяютъ психіатрическія клиники.

Насколько легко развивается подобное преобладаніе одной какой либо группы идей доказываютъ всего лучше различные спеціалисты. Такъ, напр., уже Кондильякъ рассказывалъ о философѣ, который рассчитывалъ, что онъ нашелъ принципъ, объясняющій всѣ удивительныя явленія химіи; но когда онъ рассказалъ о своемъ открытіи химику, то тотъ заявилъ ему, что все было-бы хорошо, но только онъ совершенно невѣрно представляетъ себѣ главные химическія явленія, «Хорошо, скажите же мнѣ тогда въ чемъ именно состоятъ эти явленія для того, чтобы я могъ объяснить ихъ по моей системѣ» воскликнулъ философъ.

Не менѣе интересенъ рассказъ Локка о музыкантѣ, который до того увлекся своими тонами, что даже шестидневное твореніе міра онъ связывалъ съ этими тонами и пресерьезно доказывалъ, что Господь Богъ создалъ міръ въ шесть дней и посвятилъ седьмой день отдыху именно потому, что въ музыкѣ имѣется семь тоновъ! Другой музыкантъ, по словамъ Рейда, доказывалъ, что въ гармоніи могутъ существовать только три партіи, т. е. басовая, теноровая и альтовая именно потому, что Св. Троица содержитъ три лица.

Приведенные примѣры, какъ нельзя болѣе наглядно доказываютъ вредное вліяніе порабощающихъ сознаніе мыслей, связанныхъ со спеціальнымъ занятіемъ; такъ какъ никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что у приведенныхъ людей это порабощеніе повело къ сильному разстройству здравой логики. То же самое получается и въ случаяхъ частаго или продолжительнаго порабощенія души человѣка какимъ нибудь сильнымъ подавляющимъ чувствомъ, хотя бы напр. страхомъ, гнѣвомъ, горемъ, любовью или даже

радостью: во всѣхъ подобныхъ случаяхъ человѣкъ теряетъ способность логично разсуждать и анализировать, какъ свое внутреннее состояніе, такъ и явленія внѣшняго міра и зачастую все это оканчивается болѣе или менѣе серьезнымъ заболѣваніемъ. Медицинская литература переполнена описаніями случаевъ, въ которыхъ подъ вліяніемъ подобнаго порабощающаго чувства люди теряли всякое самообладаніе и становились жертвами различныхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже быстро умирали подъ вліяніемъ подавляющаго чувства радости, страха, гнѣва и т. д.

Извѣстный англійскій психіатръ Кричтонъ Броунъ наблюдалъ развитіе состоянія, совершенно аналогичнаго алкогольному опьяненію, подъ вліяніемъ исключительно только одной подавляющей радости. Всѣ авторы, писавшіе о различныхъ формахъ умопомѣшательства, доказываютъ, что въ развитіи этихъ болѣзней преобладающую роль играютъ различные душевные волненія.

Я упоминаю обо всемъ этомъ для того, чтобы нагляднѣе выставить, какое роковое вліяніе могутъ имѣть всѣ порабощающія человѣка душевные движенія, потому что въ виду этого благотѣльное вліяніе молитвы выступаетъ особенно рѣзко. Люди, умѣющіе молиться, никогда не могутъ быть вполне порабощены тѣмъ или инымъ чувствомъ, такъ какъ въ случаѣ радости и счастья, они прибѣгаютъ къ молитвѣ для того, чтобы выразить свою благодарность Богу за дарованную имъ милость, а въ случаяхъ горя, страха или гнѣва, они прибѣгаютъ къ молитвѣ, прося объ утѣшеніи, помощи или поддержкѣ и такимъ образомъ и въ томъ и въ другомъ, въ третьемъ и въ иномъ случаѣ молитва отвлекаетъ ихъ вниманіе на другіе предметы, мысли и чувства и тѣмъ самымъ устраняетъ всякую возможность полнаго порабощенія сознанія.

Само собою разумѣется, что чѣмъ больше та или иная религія приближается къ истинной, тѣмъ дѣйствительнѣе оказывается и молитва, такъ какъ она пробуждаетъ въ душѣ человѣка тѣмъ болѣе высокіе и чистые идеалы. Между тѣмъ извѣстно, что чѣмъ выше тотъ или другой идеалъ, тѣмъ большее число представлений, чувствъ и понятій должно было пойти на созиданіе его и, слѣдовательно, онъ является центромъ, къ которому сходится тѣмъ болѣе число ассоціаціонныхъ путей. Вслѣд-

ствіе этого молтва оказывается тѣмъ менѣе дѣйствительной, и даже тѣмъ менѣе возможной, чѣмъ дальше отъ истины удаляется тотъ или иной народный культъ и чѣмъ грубѣе и низменнѣе оказываются даваемые той или иной ложной религіей идеалы. Такъ напр. можетъ ли человѣкъ съ полнымъ довѣріемъ молиться, если онъ представляетъ себѣ своихъ боговъ, одаренными всѣми человѣческими и нечеловѣческими пороками, страстями и недостатками? Конечно, нѣтъ. Въ виду этого греческій мифъ о Ніобеѣ дышетъ неподдѣльной и глубокой правдой. Эта гордая своими дѣтьми мать, у которой Аполлонъ и Діана изъ мелкой личной мести убили всѣхъ дѣтей, должна была роковымъ образомъ погибнуть, окаменѣть отъ горя, несмотря на пластическую красоту окружавшаго ее міра классической Греціи; она должна была погибнуть, потому что въ красотѣ пластическихъ формъ она не могла обрести необходимыхъ ей утѣшенія и поддержки, а молиться кому же ей было? не богамъ же Олимпа, обладавшимъ всѣми страстями и пороками людей, но только въ болѣе высокой потенціи! Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что согласно древне-греческой легендѣ Ніобея подъ влияніемъ своего глубокаго всепоглощающаго горя теряетъ все человѣческое, все живое и превращается въ холодный каменный утесъ; но и въ видѣ утеса она продолжаетъ проливать свои безнадежныя материнскія слезы.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ нельзя найти ни одной аналогичной легенды и это вполне понятно, потому что мать христіанка, потерявъ подобно Ніобеѣ всѣхъ своихъ дѣтей, всегда находитъ необходимую поддержку и необходимое утѣшеніе въ молитвѣ, обращенной къ Небесному Отцу, который, какъ она знаетъ, если и наказуетъ, то всегда любя и для блага всѣхъ пострадавшихъ. Мать христіанка, потерявъ подобно Ніобеѣ всѣхъ своихъ дѣтей, не можетъ быть поработана своей скорбью, потому что она можетъ молиться, а молясь она необходимымъ образомъ должна вспомнить Голгофу и страданія другой Матери, страданія Богородицы, Сынъ которой умиралъ въ мученіяхъ на крестѣ и смертию своею искупалъ прегрѣшенія всего человѣчества...

Молитва, слѣдовательно, приноситъ и должна приносить большую пользу, даже съ реалистической точки зрѣнія, уже по тому одному, что она даетъ человѣку возможность бороться съ различными подавляющими и поработавшими его сознаніе чувствами, мыслями и стремленіями.

Это, однако, еще не все. Паскаль, разбирая вопросъ о томъ, для чего именно Господь далъ человѣку способность молиться, говоритъ, что молитва дана человѣку для того, чтобы обезпечить ему достоинство закона причинности («pour lui laisser la dignité de la causalité»). Въ словахъ этихъ заключенъ глубокий смыслъ: Паскаль, очевидно, понималъ, что жизнь и дальнѣйшее развитіе человѣчества мыслимы только по столько, по сколько мысль ихъ можетъ примѣнять законъ причинности къ различнымъ явленіямъ, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго психическаго міра. Между тѣмъ человѣческія знанія ограничены и какъ бы обширны не были познанія человѣка, онъ все-же не можетъ объяснить всего и въ очень и очень многихъ случаяхъ вынужденъ бываетъ сознаваться въ своемъ безсиліи и незнаніи и вотъ въ подобныхъ-то случаяхъ молитва, побуждая человѣка искать поддержки, помощи и объясненія у Бога, тѣмъ самымъ спасаетъ его отъ необходимости признать хоть гдѣ бы то ни было прерванной неизмѣнную цѣпь причинъ и слѣдствій и законъ причинности, лежащій въ основѣ всякаго сознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ основѣ всякой логической мысли, оказывается спасеннымъ отъ какаго бы то ни было перерыва.

Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, напримѣръ, что, чѣмъ ниже по своему развитію стоитъ тотъ или иной народъ, тѣмъ чаще онъ нуждается въ трансцендентальныхъ понятіяхъ о божественныхъ силахъ и влияніяхъ для объясненія различнаго рода явленій. Вслѣдствіе этого самаго стремленія и дикари и дѣти наши одухотворяютъ рѣшительно все въ природѣ: каждое дерево имѣетъ свою дріаду, каждый ручей свою русалку или наяду и т. д. По мѣрѣ все большаго и большаго развитія человѣчества, по мѣрѣ все большаго и большаго накопленія знаній и науки, окружающій человѣка міръ явленій оказывался все болѣе и болѣе подчиненнымъ опредѣленной цѣпи естественныхъ поводовъ и причинъ и соотвѣтственно съ этимъ окружающая природа лишалась все болѣе и болѣе своихъ трансцендентальныхъ жителей; нимфы, дріады, русалки, гномы, саламандры и т. под. все болѣе и болѣе изгонялись отовсюду и находили себѣ убѣжище только въ мірѣ разнообразныхъ сказокъ, суевѣрій и легендъ.

Въ то время, однако, когда подлунный міръ уже оказывался совершенно освобожденнымъ отъ всякаго волшеб-

ства и всякихъ чаръ, міръ звѣздъ и небесныхъ тѣлъ оставленъ былъ еще на нѣкоторое время во власти разнообразныхъ сверхъестественныхъ силъ и вліяній; но и тутъ пытливая человѣческая мысль путемъ неустанной работы завоевывала все болѣшя и болѣшя владѣнія въ пользу науки. Было время, когда каждая звѣзда, каждое созвѣздіе являлись мѣстожителемъ того или иного духа; но затѣмъ, по мѣрѣ накопленія знанія, все это уже измѣнилось. Тѣмъ не менѣе Кеплеръ еще видѣлъ въ движеніи небесныхъ свѣтилъ проявленіе свободнаго ума; но Ньютонъ свелъ ихъ уже на небольшое число механическихъ началъ, и только различныя неправильности въ этихъ движеніяхъ онъ былъ вынужденъ объяснять чудодѣйственнымъ вмѣшательствомъ внѣшней силы. Затѣмъ появляется Лапласъ и доказываетъ, что всѣ неправильности и вообще всѣ движенія небесныхъ тѣлъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ, могутъ быть сведены и объяснены однимъ основнымъ закономъ тяготѣнія и по мѣрѣ того, какъ расширялся такимъ образомъ умственный горизонтъ человѣчества и понятіе о Господѣ Богѣ становилось все болѣе и болѣе высокимъ, недостижимымъ и истиннымъ.

То же самое повторялось во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія вообще. Даже явленія своего собственного тѣла человѣкъ сводилъ на вліяніе различныхъ сверхъестественныхъ силъ и, если жители Новой Зеландіи приписываютъ каждую болѣзнь особому божеству, хотя-бы, напр., духу Тонга головную боль, а всякое пораженіе грудныхъ органовъ Мако-Тики, имѣющему форму ящерицы, то и у насъ еще не такъ давно медицинскія сочиненія наполнялись разсужденіями о томъ, какъ именно Архей, помѣщающійся въ брюшной полости, борется съ представителемъ нервной системы и т. д. Въ настоящее время это, конечно, сдано въ архивы исторіи и каждый знаетъ, что въ организмѣ человѣка нѣтъ мѣста ни для какихъ Археевъ или тому подобныхъ олицетворенныхъ силъ; но что все протекаетъ согласно законамъ и свойствамъ, присущихъ самимъ тканямъ человѣческаго организма. И такъ во всемъ. По мѣрѣ все болѣшаго и болѣшаго накопленія знанія и развитія, человѣчество узнаетъ все болѣе и болѣе число непосредственныхъ поводовъ и причинъ явленій и соотвѣтственно съ этимъ расширеніемъ его умственнаго горизонта и понятіе его о божественной силѣ все болѣе и бо-

лѣе сконцентрировывается и становится все болѣе и болѣе отвлеченнымъ и возвышеннымъ.

Само собою разумѣется, что только близорукіе и поверхностные умы могутъ видѣть въ подобномъ постепенномъ расширеніи области дѣйствія закона причинности и въ соотвѣтственномъ передвиженіи области вѣры на болѣе далекія и высокія разстоянія доказательство враждебности науки и вѣры. Нѣтъ! самая наука немыслима безъ вѣры, и весь такъ называемый споръ науки и вѣры сводится въ сущности лишь на вопросы о передвиженіи и одновременномъ расширеніи ихъ областей.

Для выясненія моей мысли позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ: понятіе объ отечествѣ для безграмотныхъ и неразвитыхъ жителей какой либо глухой деревушки ограничивается, конечно, границами ихъ собственной деревни, сосѣднихъ деревень и самое болѣе границы ближайшаго городка, за которымъ начинается уже что-то неизвѣстное, туманное, но грандіозное, называемое міромъ вообще, міромъ Божіимъ. Если теперь мы возьмемъ жителей этой деревушки и познакомимъ ихъ не только съ сосѣднимъ городкомъ, но также и со всѣми другими деревнями и городами ихъ родной страны, если мы заставимъ ихъ объѣздить сосѣднія государства, то, конечно, понятіе объ отечествѣ у нихъ совершенно измѣнится: оно опредѣлится и расширится и тамъ, гдѣ прежде начиналось у нихъ понятіе о чемъ-то неизвѣстномъ и туманномъ, тамъ теперь у нихъ будутъ имѣться совершенно отчетливыя представленія о тѣхъ или иныхъ деревняхъ, селахъ, городахъ, составляющихъ опредѣленные страны и государства прилегающихъ къ ихъ отечеству и ограничивающихъ его; но зато далѣе, за горами и долами, за море-океаномъ для нихъ опять-таки будетъ находиться нѣчто неизвѣстное, суммируемое ими въ понятіи міръ Божій. Если, наконецъ, эти жители первоначальной глухой деревушки, превратившись въ путешественниковъ, изъѣздятъ нашу планету во всѣхъ направленіяхъ и хорошо ознакомятся даже съ ея наиболѣе недоступными частями, то понятіе объ отчизнѣ станетъ у нихъ еще болѣе отчетливымъ и въ то же время у нихъ сложится понятіе о земномъ шарѣ, какъ объ общей отчизнѣ всего человѣчества, а граница, за которой начинается уже міръ неизвѣстнаго, передвинется теперь за предѣлы нашей планеты.

Никто, конечно, не станет отрицать того, что при этомъ у жителей глухой деревушки и понятіе объ отчизнѣ и понятіе о мірѣ Божіемъ вообще пріобрѣтають гораздо бѣльшую содержательность, опредѣленность; никто не станетъ отрицать того, что понятія эти расширяются и углубляются одновременно. То же самое повторяется и во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческой жизни. Всякое накопленіе точныхъ знаній и детальныя представленій передвигаетъ границу, за которой начинается область общихъ понятій и идеаловъ и въ то же время всякое подобное расширение умственного горизонта идетъ рука объ руку съ увеличеніемъ содержательности этихъ общихъ понятій и идеаловъ, съ возвышеніемъ ихъ. И такъ во всемъ.

Въ виду этого и всякое вторженіе науки съ ея точнымъ анализомъ, съ ея строго опредѣленными и детальными представленіями въ область вѣры вовсе не должно считаться сигналомъ къ открытію какихъ то враждебныхъ дѣйствій, вовсе не должно служить поводомъ къ проявленію особой комбативности, потому что при этомъ наука вовсе не отнимаетъ у вѣры чего бы то ни было насильно, а просто получаетъ, такъ сказать, въ даръ отъ нея то, что она добровольно сохраняла и берегла для науки въ теченіе долгихъ вѣковъ мрака, въ теченіе долгихъ вѣковъ человѣческаго дѣтства и невѣжества. Всѣ тѣ явленія, всѣ тѣ вопросы, для разрѣшенія которыхъ у человѣчества не хватало ни силъ, ни знаній въ данное время, по необходимости, были относимы ими въ область вѣры. Область вѣры въ сущности являлась и является и теперь той сокровищницей, въ которой берегаются и сохраняются всѣ драгоценныя находки человѣчества, не поддающіяся пока дальнѣйшей обработкѣ и жизненному примѣненію.

Возьмите какую хотите изъ наиболѣе гордящихся своею точностію наукъ и вездѣ вы увидите, что какъ только ученый доходитъ до предѣловъ, за которыми въ данное время немыслимы никакіе опыты и изслѣдованія и онъ тотчасъ же призываетъ себѣ на помощь вѣру и ученіе религіи. Такъ было и такъ будетъ всегда именно потому, что безъ вѣры немыслимо было бы полное примѣненіе основнаго закона человѣческаго мышленія, т. е. закона причинности. И поскольку необразованный, неграмотный мужикъ и наиболѣе великій ученый — люди, постольку каждый изъ нихъ роковымъ образомъ долженъ искать въ вѣрѣ удовлетворенія

прирожденной ему потребности искать и находить всему причину.

Вслѣдствіе этого всѣ явленія, всѣ факты, замѣченные, открытые людьми, но не объясненные ими, т. е. всѣ тѣ явленія и факты, причинная связь которыхъ оставалась неуловимой, были относимы человѣческимъ разумомъ въ область вѣры и объясняемы вмѣшательствомъ высшей сверхъестественной силы, къ которой люди въ то же время прибѣгали съ просьбами о защитѣ или помощи, что и составляло всегда и вездѣ первичную форму молитвы.

Оглушительные раскаты грома, ослѣпительный блескъ молній, такъ же какъ и торжествующее сіяніе солнца или задумчиво-таинственный свѣтъ мѣсяца — все это, какъ и безчисленное множество другихъ явленій, оставалось въ былое время для всего человѣчества и теперь остается еще для многихъ, очень многихъ людей непонятнымъ и постижимымъ иначе, какъ при помощи предположенія о вмѣшательствѣ чего-то трансцендентальнаго. Такъ, напр., въ средѣ нашего народа очень распространено убѣжденіе, что громъ обуславливается катящейся колесницей Ильи-пророка, что молніи это стрѣлы громовыя, но что все это вмѣстѣ съ солнцемъ, луной и звѣздами устроено и существуетъ по волѣ Господа Бога. Это, съ одной стороны, умственной лѣстницы, а, съ другой, ученые, объясняющіе происхожденіе грома и молній атмосфернымъ электричествомъ, видящіе въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ опредѣленнаго рода міровыя тѣла, несущіяся по опредѣленнымъ путямъ въ міровомъ пространствѣ, все-же вынуждены видѣть и искать конечную или первичную причину всего этого и всей вселенной вообще въ Богѣ; потому что наука, изучая и опредѣляя свойства и движенія электричества также, какъ и свойства и составъ солнцъ и планетъ, высчитывая, какъ пути ихъ, такъ и быстроту ихъ движеній, строя различныя болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы для посильнаго объясненія образованія міровыхъ тѣлъ, въ то же самое время видитъ себя вынужденной искать конечнаго объясненія въ Богѣ.

Расширяя все болѣе и болѣе область своихъ изслѣдованій, наука нашла, наконецъ, себя вынужденной, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ видныхъ представителей, принять существованіе какой то внѣшней наружной стороны вселенной и признать эту внѣшнюю сторону мѣстомъ образованія первичныхъ элементовъ матеріи (Круксъ) или субъатомовъ;

такъ какъ самые атомы все болѣе и болѣе признаются за составные тѣла (Гершель, Кларкъ Максвелль). На ту же сложность атомовъ указываетъ и періодическій законъ, открытый нашимъ великимъ химикомъ Д. Менделѣевымъ, т. е. тотъ законъ, на основаніи котораго Менделѣевъ могъ предсказать открытіе трехъ новыхъ элементовъ до того неизвѣстныхъ. Между тѣмъ было время и были ученые, которые надѣялись и пытались объяснить всю вселенную со всѣми ея явленіями единственно только при помощи недѣлимыхъ атомовъ матеріи и ихъ разнообразныхъ сочетаній, движеній и соединеній; но теперь уже самые атомы оказываются сложными, составными, а первичные элементы матеріи уже не находятъ себѣ мѣста въ безконечномъ міровомъ пространствѣ вселенной, вмѣщающемъ въ себѣ безчисленныя солнечныя системы со всѣми планетами и ихъ спутниками, со всѣми блуждающими кометами и метеорами и т. д. и для гипотезы объ образованіи этихъ первичныхъ элементовъ уже понадобилась внѣшняя сторона вселенной, обращенная во что-то невѣдомое и недоступное намъ, смертнымъ; но вѣдомое вопли́ Богу.

Однимъ словомъ и въ понятіяхъ людей науки совершается съ теченіемъ времени и съ накопленіемъ знаній, то же самое ограниченіе, опредѣленіе и расширеніе различныхъ понятій, какое происходитъ въ представленіяхъ жителя глухой деревушки относительно отчизны и міра Божьяго, когда онъ становится всемірнымъ путешественникомъ, какъ мы видѣли выше. Было время, когда человечество представляло себѣ землю центромъ мірозданія, а себя центромъ этой земли. И солнце и луна и безчисленныя звѣзды всходили и свѣтили не для чего иного, какъ для того, чтобы освѣщать землю и утѣшать главныхъ сыновъ ея, т. е. людей. Небо рисовалось тогда людямъ въ видѣ прозрачнаго лазуреваго свода, облегающаго землю, а по ту сторону этого свода находился Господь Богъ со всѣми ангелами и святыми и Самъ Господь Богъ со всѣми силами небесными только и дѣлали, что наблюдали, наставляли сына земли — человѣка, несмотря на то, что этотъ послѣдній тодько и дѣлалъ, что съ замѣчательной неблагодарностію забывалъ святыя истины и все снова погружался въ разнообразнѣйшія заблужденія и грѣхи... Время шло, наука развивалась, опытъ и знанія человечества росли и мѣсто лазуреваго свода заняла атмо-

сфера земли; сама земля изъ центра мірозданія превратилась въ одну изъ многихъ и притомъ еще изъ самыхъ мелкихъ планетъ, вращающихся къ тому-же около солнца, которое само является однимъ изъ многихъ, разсѣянныхъ въ безконечномъ пространствѣ вселенной. Зато самыя представленія о землѣ, солнцѣ, планетахъ и т. д. стали гораздо болѣе полны и точны: величина, форма, движенія, составъ ихъ стали все болѣе и болѣе извѣстны людямъ, явилась возможность за много лѣтъ впередъ предсказывать опредѣленныя явленія въ родѣ затмѣній, появленія кометъ и т. д. и въ то же время понятіе о вселенной становилось и становится все болѣе и болѣе безконечнымъ, непредѣльнымъ и непостижимымъ и у человѣка все меньше и меньше оставалось и остается основаній считать себя центромъ и вѣнцомъ всего мірозданія. Это еще не все: наука, потрясенная непредѣлностію безконечно большихъ разстояній времени и пространства, обратилась къ изученію своей непосредственной среды, къ изученію безконечно малаго и что-же? и тутъ удивленнымъ очамъ человѣческаго сознанія открывается опять-таки непредѣльный, нескончаемый міръ безконечно малаго — міръ безчисленныхъ, какъ песокъ морской микроскопическихъ клѣточекъ, міръ бактерій, бациллъ, міръ кокковъ и микрококковъ! И чѣмъ больше улучшаются вспомогательныя орудія изслѣдованія, какъ безконечно бѣдшаго и далекаго, такъ и безконечно малаго и близкаго, тѣмъ все непредѣльнѣе и неизмѣримѣе оказывается и міровое пространство съ его солнцами, звѣздами, планетами, кометами и т. д. и міръ безконечно малыхъ величинъ, видимыхъ человечеству только при помощи сильныхъ тысячныхъ увеличеній.

Само собою понятно, что одновременно съ этимъ расширеніемъ умственнаго горизонта должно было все болѣе и болѣе возвышаться и расти и понятіе человечества о Господѣ Богѣ!

При такомъ положеніи нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ученые, увлекавшіеся въ началѣ своей ученой дѣятельности надеждой *все* объяснить, все уловить на основаніи дѣйствій различныхъ механическихъ законовъ и вліяній, приходятъ затѣмъ при бѣдшемъ накопленіи у нихъ знаній къ сознанію необходимости искать конечной или первичной причины всего существующаго въ одномъ только Богѣ (Геккель, Ренанъ).

Вѣра настолько необходима человѣку, что безъ нея немислима никакая даже самая точная, самая реальная, такъ сказать, наука. И это вполне понятно, потому что всякое поступательное движеніе человѣческой мысли, человѣческой науки совершается только путемъ примѣненія закона причинности или достаточнаго обоснованія и потому ученымъ, разрабатывающимъ и двигающимъ свою науку, постоянно приходится создавать новыя гипотезы и, упорно вѣря въ нихъ, тратить и свое время и трудъ на отыскиваніе новыхъ подтверждающихъ фактовъ и на опроверженіе прежнихъ гипотезъ. Просматривая исторію какой бы то ни было науки, мы вездѣ и всегда встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же фактомъ послѣдовательнаго появленія, расцвѣтанія и увяданія различныхъ смѣняющихся другъ друга гипотезъ. Между тѣмъ никакая гипотеза немислима безъ вѣры въ нее, а безъ гипотезы въ свою очередь немислимо какое бы то ни было развитіе науки; потому что всякій прогрессъ неразрывно связанъ съ примѣніемъ закона причинности, вслѣдствіе котораго человѣческій умъ во всемъ и вездѣ стремится уловить и понять причинную связь явленій.

Однимъ словомъ вѣра неразрывно связана съ примѣніемъ закона причинности и, пока мысль человѣческая будетъ управляться этимъ закономъ, до тѣхъ поръ она будетъ нуждаться въ вѣрѣ для своего пышнаго развитія, потому что живая дѣятельная мысль немислима безъ вѣры. Вѣрность всего нами высказаннаго подтверждается между прочимъ тѣмъ фактомъ, что наиболѣе точные и серьезные ученые прямо видятъ доказательство положеній религіи въ тѣхъ явленіяхъ, которыя совершенно не поддаются какому бы то ни было объясненію, т. е., другими словами, не подходятъ ни подъ какую изъ такъ называемыхъ научныхъ гипотезъ.

Такъ, напримѣръ, знаменитый Вирховъ прямо сознается, что не имѣя возможности объяснить себѣ сущности сознанія, онъ видитъ себя вынужденнымъ *вприти* въ существованіе *отдѣльной отъ тѣла души*, а сознаніе считать ея свойствомъ.

Въ то же время многіе наиболѣе глубокіе ученые прямо высказывали, что какъ бы пышно не развивалась точная наука, она никогда не достигнетъ того, чтобы найти возможность выяснить первичную или конечную причину какихъ бы то ни было явленій. Такъ знаменитый берлинскій физиологъ Дю Буа Реймонъ въ своей надѣлавшей шуму

лекціи, прямо утверждалъ, что какого бы пышнаго развитія не достигла физиологія, она все же всегда должна будетъ признавать себя безсильною по отношенію къ нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ жизни, по отношенію къ которымъ можно только пріобрѣтать все болѣе и болѣе знакомство съ различными подробностями, ведущими единственно только къ передвиженію самой неразрѣшимой сути вопроса на все болѣе и болѣе далекія разстоянія. Къ такимъ неразрѣшимымъ вопросамъ онъ причисляетъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ нервное возбужденіе, превращается въ сознательное ощущеніе, въ сознательную мысль, т. е. въ сущности онъ также, какъ и Вирховъ, признаетъ непонятнымъ человѣческое сознаніе иначе, какъ въ качествѣ свойства безсмертной души.

Шлейденъ, съ своей стороны, утверждалъ, что элементъ вѣры, или, другими словами, религіозное чувство не можетъ быть уничтожено никакими, даже достигшими полнаго совершенства точными естественными науками и это вѣрно, потому что элементъ вѣры, а, слѣдовательно, и религіозное чувство неразрывно связаны съ закономъ причинности, который, послѣ работъ недавно умершаго великаго германскаго ученаго Гельмгольца и Артура Шопенгауера, приходится признавать за такой же прирожденный человѣческому мышленію законъ, какъ и законы времени и пространства.

Англійскій ученый Маудслей говоритъ совершенно основательно, что безъ вѣры и безъ религіи немислимъ никакой прогрессъ въ соціальной жизни человѣчества и всевозможное самое пышное развитіе искусствъ и промышленности, всевозможные самые блестящіе успѣхи различныхъ наукъ не могутъ устранить или парализовать того вреда, который является прямымъ послѣдствіемъ простаго ослабленія религіи и вѣры въ современномъ человѣчествѣ.

Съ другой стороны извѣстно, что тѣ болѣзненные процессы, которые ведутъ къ быстрому вырожденію людей, а именно разнообразныя формы душевнаго разстройства, особенно сильно предрасполагаютъ пораженныхъ ими людей къ отрицанію всего того, что такъ или иначе требуетъ вѣры. На это обстоятельство указывали уже многіе психіатры, между прочимъ Нимейеръ, Маудслей, Котаръ, Легранъ дю Соль, Балъ и др.

Въ то же время каждому, хоть мало-мальски знакомому съ исторіей извѣстно, что времена упадка въ народной жизни

всегда характеризуются господством нигилизма, анархизма, атеизма, т. е. отрицанія во всевозможныхъ его формахъ. Вирховъ говоритъ не даромъ, что отрицаніе является, по большей части, прямымъ послѣдствіемъ не только незнанія, но, что гораздо важнѣе, прямымъ послѣдствіемъ безсилія; а Гёте, съ неменьшей прозорливостью относительно внутренней связи явленій, влагаетъ въ уста Мефистофеля слѣдующія знаменательныя слова *):

*Ich bin der Geist der stets verneint!..
So ist denn Alles, was ihr Sünde,
Zerstörung, kurz das Böse nennt,
Mein eigentliches Element.*

Разъ мы знаемъ, что всякая вѣра бываетъ неразрывно связана съ дѣятельно работающимъ закономъ причинности, мы легко можемъ понять и слова Вирхова о томъ, что отрицаніе является прямымъ послѣдствіемъ безсилія и слова Гёте о роковой связи отрицанія съ разрушеніемъ, грѣхомъ и зломъ; мы легко можемъ понять и заявленный психіатрами фактъ о неудержимой склонности душевнобольныхъ людей къ отрицанію такъ же, какъ и самое совпаденіе временъ упадка народной жизни со всевозможными формами отрицанія. Мы можемъ легко понять все это, зная, что законъ причинности составляетъ основной законъ человѣческой мысли и, слѣдовательно, всякое ослабленіе его необходимымъ образомъ должно вреднымъ образомъ отражаться и на самой дѣятельности человѣческой мысли. Въ то же время легко понять, что при слабо развитомъ законѣ причинности люди не въ состояніи бываютъ понять необходимости той или иной гипотезы, того или иного вѣрованія, такъ какъ вялая или атрофированная мысль ихъ не вѣдаетъ необходимости во всемъ по возможности доискиваться конечной причины и охотно останавливается на связи даже самыхъ элементарныхъ причинъ и слѣдствій. Въ результатѣ этого естественно является склонность отрицать все то, что не бьетъ въ глаза своею очевидностью и что, слѣдовательно, для своего пониманія требуетъ извѣстнаго усилія, извѣстнаго подъема духа, составляющаго именно то, что люди испоконъ вѣковъ зовутъ вѣрой. Чѣмъ шире и выше умственный горизонтъ человѣка, тѣмъ больше и

*) Я тотъ духъ, который все отрицаетъ... И потому все, что вы зовете грѣхомъ, разрушеніемъ и вообще зломъ и составляетъ въ сущности мою среду.

чаще онъ нуждается въ вѣрѣ не только по отношенію религіозныхъ вопросовъ, составляющихъ, такъ сказать, вѣнецъ всего психическаго міра человѣка, но также и по отношенію къ метафизическимъ и инымъ научнымъ вопросамъ, а также и по отношенію ко всѣмъ инымъ социальнымъ, этическимъ и даже эстетическимъ сторонамъ человѣческой жизни. Поэтому то исторія и указываетъ намъ, что всѣ гениальные представители человѣческой мысли всегда отличаются склонностію къ обобщеніямъ, склонностію къ созиданію гипотезъ, требующихъ въ бѣльшей или меньшей степени вѣры, а въ своихъ сношеніяхъ съ другими людьми они отличаются обыкновенно своей дѣтской довѣрчивостію, являющейся прямымъ результатомъ ихъ склонности видѣть во всемъ и вездѣ идеалы и вѣрить имъ.

Напротивъ того люди съ узкой мыслью, подрѣзанной въ самомъ корнѣ своемъ, такъ какъ основная форма мышленія, то есть законъ причинности бываетъ лишь слабо выражена въ ней, оказываются неспособными къ подобному идеальному подъему мысли за предѣлы наличныхъ органовъ ощущеній: подобнымъ людямъ надо все не только видѣть и слышать, но и пощупать, понюхать и даже попробовать на языкъ, потому что данные органовъ слуха и зрѣнія представляются имъ все-же слишкомъ мало реальными и ихъ узкая, сухая мысль, умѣющая цѣпляться лишь за грубо реальные факты, не можетъ вполне довѣрять даннымъ слухового и зрительнаго органовъ ощущеній; она можетъ руководиться только болѣе низменными ощущеніями осязанія, обонянія, вкуса и мышечнаго чувства. Въ виду этого подобные субъекты и оказываются безусловно недоступными убѣжденію словами, безусловно неспособными вѣрить свидѣтельству своихъ глазъ и ушей и они во всѣхъ случаяхъ жизни желаютъ все ощупать, все попробовать прежде, чѣмъ они признаютъ это за дѣйствительно существующее. Прототипомъ подобныхъ людей можетъ, до извѣстной степени, служить апостольскій Фома, которому тоже было мало видѣть воскресшаго Спасителя и слышать голосъ Его, а надо было еще ощупать самую рану для того, чтобы увѣровать.

Подобные люди, въ своихъ сношеніяхъ съ другими людьми, отличаются подозрительностію, недовѣрчивостію и узкимъ эгоизмомъ; въ мірѣ этики они являются утили-

таристами, если только прямо не придерживаются полного отрицанія всѣхъ законовъ морали; въ мірѣ науки они оказываются простыми собирателями фактовъ, неспособными даже освѣтить ихъ значеніе и связать ихъ между собою въ одно общее зданіе; а самыя изслѣдованія начинаются ими по установленной однажды рутинѣ и при томъ «безъ всякой предвзятой мысли», т. е. не ради выясненія и подтвержденія той или иной новой общей гипотезы, а просто ради набора случайныхъ и частныхъ фактовъ.

Однимъ словомъ на людяхъ, неспособныхъ къ тому подъему духа, который мы зовемъ вѣрой и который является, такъ сказать, результатомъ дѣятельной работы мысли на основаніи закона причинности, кладется особая печать не только по отношенію къ научнымъ вопросамъ и занятіямъ ихъ, но и по отношенію ко всѣмъ другимъ сторонамъ ихъ жизни и это возможно только потому, что вѣра является тѣсно связанной съ основнымъ закономъ человѣческаго мышленія.

Выше мы уже упоминали о томъ фактѣ, что элементъ вѣры имѣетъ крайне важное значеніе для поступательнаго развитія науки и что убѣдиться въ этомъ легко: стоитъ только прослѣдить за исторіей развитія различныхъ наукъ. При этомъ оказывается, что прогрессъ вездѣ и всегда совершается такимъ образомъ, что ученые, опредѣливъ большее или меньшее число фактовъ и большее или меньшее число причинъ и слѣдствій, создаютъ затѣмъ для объясненія общей сути явленій болѣе или менѣе глубокія и болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы и все движенія той или иной науки сводится именно на то, чтобы такъ или иначе доказать или опровергнуть и замѣнить новой ту или иную изъ наличныхъ въ данное время гипотезъ. По мѣрѣ поступательнаго хода развитія любой науки, мы видимъ въ ней постоянное отживаніе однѣхъ гипотезъ и рожденіе другихъ, являющихся, такъ сказать, тѣми вѣхами, которыя опредѣляютъ дальнѣйшее направленіе и дальнѣйшій ходъ каждой науки. Безъ гипотезъ, безъ возможности вѣрить къ нимъ немыслима была-бы никакая даже самая точная наука, такъ какъ даже математическія науки напр., геометрія, алгебра и тѣ основывались и основываются еще и теперь на такого рода понятіяхъ и положеніяхъ, вѣрность которыхъ принималась и принимается чисто на вѣру, какъ

это и было указано новѣйшими математиками, Лобачевскимъ, Риманомъ и другими.

Важное значеніе элемента вѣры въ наукѣ сказывается между прочимъ уже и въ томъ, что наиболѣе плодотворной оказывается дѣятельность тѣхъ ученыхъ, которые обладаютъ творческимъ обобщающимъ умомъ, умѣющимъ на основаніи извѣстныхъ, проанализированныхъ фактовъ создать и воздвигать новыя гипотезы, открывающія новые пути, новые горизонты наукъ и ставящія ей въ тоже время новыя цѣли труда и изслѣдованія. Напротивъ того, ученые, умѣющие только собирать факты и факты, нанизывая ихъ въ болѣе или менѣе длинную цѣпь примѣровъ какой либо давно извѣстной истины, всегда были и будутъ простыми чернорабочими въ мірѣ мысли.

Важное значеніе элемента вѣры въ наукѣ не можетъ, впрочемъ, удивлять насъ, разъ мы знаемъ, что, вслѣдствіе своей тѣсной связи съ закономъ причинности, вѣра, въ той или иной формѣ, проникаетъ, по необходимости, во всѣ стороны человѣческой жизни на землѣ. Стоитъ только вникнуть поглубже въ жизнь человѣчества на землѣ и поневолѣ приходится придти къ тому заключенію, что безъ элемента вѣры немыслима была бы никакая достойная этого названія жизнь, немыслимъ былъ бы никакой прогрессъ, такъ какъ для того, чтобы жертвовать своимъ покоемъ, своими наслажденіями, своимъ эгоизмомъ, человѣкъ долженъ, конечно, прежде всего вѣрить въ преслѣдуемая имъ цѣли, долженъ вѣрить въ осуществимость намѣченныхъ имъ задачъ и т. д. По самымъ законамъ своей организациіи человѣкъ можетъ жить и развиваться только до тѣхъ поръ, пока онъ стремится къ недостижимымъ высокимъ идеаламъ, пока онъ старается выяснить себѣ, пока онъ стремится постичь неизвѣстное, непонятное; а все это роковымъ образомъ требуетъ прежде всего вѣры и вѣры во всевозможныхъ ея проявленіяхъ. Даже социальная жизнь людей и та немыслима безъ элемента вѣры, потому что безъ такъ называемаго довѣрія невозможна никакая совмѣстная дѣятельность, никакое предпріятіе, никакое соединеніе людей въ семейства, въ племена и народности и т. д., а между тѣмъ, немного надо думать для того, чтобы понять, что безъ вѣры немыслимо бы было никакое довѣріе. Корни всякаго довѣрія находятся именно въ вѣрѣ.

Однимъ словомъ, элементъ вѣры въ разнообразнѣйшихъ

своихъ проявленіяхъ составляетъ основное свойство человѣческой души, безъ котораго немислима никакая достойная человѣка жизнь.

Сознаніе этой особенности вѣры и заставило знаменитаго Ренана назвать религіозное чувство прирожденнымъ человѣку «*инстинктомъ*», «голосомъ Неба, внезапно раздающимся въ человѣкѣ» и «внезапнымъ и почти святымъ откровеніемъ». Онъ сравниваетъ религіозное чувство съ прирожденнымъ птицамъ инстинктомъ, заставляющимъ ихъ строить гнѣзда. Во всѣхъ этихъ сравненіяхъ и опредѣленіяхъ ясно сказывается невольное сознаніе Ренана, что вѣра составляетъ существенное и основное свойство человѣческой души.

Послѣ работъ Канта, Шопенгауера и Гельмгольца уже не подлежитъ сомнѣнію, что вся человѣческая психическая жизнь управляется тремя основными прирожденными, или, выражаясь техническимъ метафизическимъ терминомъ, априористическими законами, которые сводятся на то, что человѣкъ необходимымъ образомъ все представляетъ себѣ во времени, въ пространствѣ и въ причинной связи. Изъ этихъ трехъ законовъ послѣдній является главнымъ, если не единственнымъ двигателемъ всякаго прогресса, всякой синтетической творческой дѣятельности человѣка. Шопенгауеръ съ замѣчательнымъ остроуміемъ указывалъ, что самая послѣдовательность явленій во времени представляла собою въ сущности уже результатъ дѣйствія закона причинности, такъ какъ было время, что каждая послѣдовательность явленій уже признавалась за причинную связь и эта привычка человѣческаго ума до того сильно вкоренилась, что и теперь еще зачастую послѣдовательность принимается за причинность, хотя уже неоднократно было указываемо, что *post hoc ergo propter hoc* не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Что, однако, интереснѣе всего это то, что связь закона причинности съ вѣрой сказывается также и на различныхъ формахъ пространственного и временнаго мышленія. Такъ, наприимѣръ, третье измѣреніе времени, т. е. все будущее — немислимо безъ вѣры и то же самое вѣрно до извѣстной степени и по отношенію ко всему прошедшему, такъ какъ безъ нашей способности довѣрять и вѣрить даннымъ нашей памяти у насъ не было-бы и прошедшаго. Точно также и въ пространственномъ видѣніи элементъ довѣрія и вѣры долженъ быть постоянно дѣятеленъ, такъ какъ иначе че-

ловѣку невозможно было бы опредѣлять различную величину, различное раостояніе, различную форму ихъ однимъ зрѣніемъ; ему, подобно апостолу Томѣ, постоянно надо было бы все ощупывать, все осязать и измѣрять мышечнымъ чувствомъ. Точно также и отвлеченныя понятія о безконечности пространства и положенія о двухъ параллельныхъ линіяхъ и вообще очень многія положенія геометріи основаны на вѣрѣ въ непогрѣшимость нашего пространственного мышленія. Уяснивъ разъ себѣ это свойство нашего мышленія: ко всему и вездѣ примѣнять въ большей или меньшей степени законъ причинности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру, мы уже не можемъ сомнѣваться въ томъ, что поскольку всѣ стороны человѣческой жизни немислимы безъ мысли, постольку и элементъ вѣры необходимъ человѣку вездѣ и во всемъ, такъ какъ безъ вѣры немислимъ никакой прогрессъ, немислимо никакое поступательное движеніе, никакое совершенствованіе. Если же это вѣрно по отношенію ко всему, даже будничному обиходу человѣческой жизни, то можно ли сомнѣваться въ необходимости вѣры по отношенію къ наиболѣе высокимъ и существеннымъ вопросамъ человѣческой жизни, каковы вопросы религіи?

Уже Аристотель говорилъ, что «умъ человѣческій совершенствуется не вслѣдствіе знанія, а вслѣдствіе дѣятельности». Платонъ называлъ человѣка охотникомъ за истиной. Лессингъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій сказалъ, что если бы Господь Богъ держалъ въ одной рукѣ своей истину, а въ другой только *поиски истины* и предложилъ бы ему выбирать любое, то онъ взялъ-бы послѣднее. Малебраншъ въ томъ же самомъ смыслѣ говорилъ, что если бы ему удалось заполучить въ свои руки истину, то онъ нарочно снова отпустилъ бы ее на свободу для того только, чтобы обезпечить себѣ и всѣмъ людямъ вообще возможность постоянныхъ стремленій къ неизвѣстной истинѣ, возможность постоянныхъ поисковъ ея. Дунсъ Скоттъ говорилъ, что человѣкъ, постольку человѣкъ, поскольку онъ стремится къ истинѣ, ищетъ ея и вообще поскольку онъ работаетъ; съ другой стороны, Мюллеръ совершенно вѣрно сказалъ: «Истина въ Богѣ, намъ-же людямъ предоставлены одни поиски ея».

Въ основѣ всѣхъ этихъ изрѣченій лежитъ инстинктивное, такъ сказать, пониманіе того несомнѣннаго для насъ

теперь факта, что для наивозможно пышнаго развитія человѣческой мысли, а слѣдовательно, и жизни требуется наивозможно частое и дѣятельное примѣненіе закона причинности, который при помощи вѣры можетъ перекидывать соединительные мосты и черезъ безбрежныя пучины прошедшаго и въ нескончаемую даль будущаго и даже надъ непостижимой, безконечностію вселенной...

Этимъ, однако, не исчерпывается еще значеніе закона причинности, ибо онъ-же побуждаетъ cadaго изъ насъ вводить извѣстную цѣлостность и порядокъ въ свой внутренний душевный міръ, заставляя всѣ его безчисленныя и разнообразныя явленія выкристаллизовываться около одного и того-же центра: около личнаго внутреннего «я» cadaго человѣка. Объ этомъ, впрочемъ, мнѣ придется еще говорить въ другой главѣ настоящаго сочиненія.

Подводя итогъ всему сказанному въ настоящей главѣ, мы должны, конечно, придти прежде всего къ тому заключенію, что такъ какъ вѣра неразрывно связана съ дѣятельностію главнаго и основнаго закона человѣческаго мышленія, то при полномъ отсутствіи вѣры немыслима никакая достойная человѣка жизнь, а такъ какъ религіозная вѣра представляетъ собою, такъ сказать, наивысшій расцвѣтъ этой стороны человѣческой душевной жизни, то одной изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія и должно быть наивозможно полное развитіе и укрѣпленіе религіозной вѣры въ душѣ подрастающихъ дѣтей. Послѣ всего изложеннаго понятно будетъ также и то, какое великое значеніе должна имѣть молитва для cadaго человѣка, потому что безъ молитвы религіозная вѣра теряетъ необходимымъ образомъ свою жизненность и вмѣсто живой и теплой вѣры становится сухой, жесткой и блѣдной. Сентъ-Мартенъ былъ совершенно правъ, называя «молитву дыханіемъ человѣческой души», потому что для того, чтобы вѣра жила, росла и развивалась въ человѣческой душѣ эта послѣдняя должна молиться подобно тому, какъ тѣло человѣческое должно дышать для того, чтобы жить. Понять это значеніе молитвы не трудно, разъ мы знаемъ, что вѣра представляетъ собою наиболѣе высокій подъемъ человѣческаго духа, примѣняющаго законъ причинности и, слѣдовательно, молитва, приучая человѣка къ общенію съ Богомъ, тѣмъ самымъ приучаетъ его къ тому наивысшему подъему его духа, который и составляетъ сущность религіозной вѣры.

Я здѣсь постоянно разбираю пользу и необходимость молитвы и вѣры только съ точки зрѣнія психологіи, психофизиологіи, біологіи и соціологіи, потому что ихъ трансцендентальное значеніе относится уже всецѣло въ область личнаго опыта и спеціальнаго преподаванія закона Божія.

Съ восьмилѣтняго возраста уже должно начинаться правильное и систематическое преподаваніе закона Божія и, слѣдовательно, прежде чѣмъ приступать къ нему является неизбѣжнымъ образомъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли или нѣтъ допускать націонализмъ въ религіи?

До сей поры въ школахъ и различныхъ учебныхъ заведеніяхъ давалось первенствующее значеніе государственной религіи каждой страны и такимъ образомъ національность религіи получала болѣе или менѣе сильное развитіе. Въ настоящее время все болѣе и болѣе стараются отдѣлать религію отъ государственнаго и соціальнаго строя жизни и вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ странахъ, хотя бы напр., во Франціи преподаваніе закона Божьяго нерѣдко совершенно исключается изъ числа предметовъ, обучаемыхъ въ школахъ и преподаваніе религіи остается всецѣло предоставленнымъ родителямъ или семействамъ дѣтей. Само собою разумѣется, что при такой постановкѣ религія той или иной страны должна будетъ все болѣе и болѣе утрачивать свой народный или національный характеръ.

Спрашивается теперь, слѣдуетъ ли радоваться такому направленію и содѣйствовать ему или, напротивъ того, признать прежній порядокъ за болѣе цѣлесообразный и защищать его, противодѣйствуя всѣмъ новшествами въ этомъ отношеніи?

Немного надо думать для того, чтобы понять, что и на религіи, принятой тѣмъ или инымъ народомъ, до извѣстной степени отражаются главныя особенности народнаго духа и въ то же время вѣроисповѣданіе, которому вѣками слѣдовали преемственные народныя поколѣнія, необходимымъ образомъ должно было оставлять болѣе или менѣе глубокія слѣды на всемъ складѣ народнаго духа. Между тѣмъ, по основнымъ законамъ человѣческой организаци, все приобрѣтенное однимъ поколѣніемъ передается наслѣдственно другому въ формѣ предрасположеній и возможностей, и потому само собою понятно, что съ теченіемъ вре-

мени связь народного духа съ даннымъ вѣроисповѣданіемъ все болѣе и болѣе укрѣпляется и организуется и нарушение этой связи можетъ быть совершено только путемъ насилія, пагубно отражающагося на всемъ ходѣ развитія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что люди стремятся къ общему единенію въ лонѣ одной религіи; но только это стремленіе имѣетъ въ виду такой далекій идеалъ, что осуществленіе его, если и мыслимо, то лишь въ томъ далекомъ и прекрасномъ будущемъ, когда съ лица земли исчезнутъ безслѣдно всякое зло, всякая ложь, всякій грѣхъ и воцарятся добро и истина. Тогда, впрочемъ, и книги о воспитаніи будутъ излишни, такъ какъ изъ человѣчества будетъ изгнано все темное и останутся только свѣтлыя стороны.

Въ настоящую минуту, однако, мы еще такъ далеки отъ этого блаженнаго времени, что книги по воспитанію молодыхъ подростящихъ поколѣній являются настоятельно необходимыми и также необходимымъ оказывается, въ виду различныхъ вѣяній, выясненіе о томъ, слѣдуетъ ли въ школахъ и при воспитаніи вообще давать извѣстное преобладаніе преподаванію государственной религіи, т. е. должно ли у насъ въ Россіи давать во всемъ и вездѣ преобладаніе ученіямъ нашей православной церкви, а въ Италіи или Испаніи, напротивъ того, ученіямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія и т. д.?

Каждый основательно знакомый съ условіями наслѣдственности и біолого-фізіологическими законами развитія, какъ физической, такъ и психической стороны въ человѣкѣ, пойметъ, конечно, что на поставленный нами вопросъ можно отвѣчать только утвердительно.

Я уже упоминала о томъ, что между господствующей религіей и народнымъ духомъ устанавливается тѣсная, какъ бы органическая связь, которая укрѣпляется еще наслѣдственной передачей извѣстныхъ особенностей отъ одного поколѣнія другому и потому, напр., для успѣшнаго развитія молодыхъ подростящихъ поколѣній существенно необходимо, чтобы они воспитывались въ духѣ той церкви, къ которой принадлежали и которой слѣдовали ихъ родители и ихъ предки. Молодые, неокрѣпшіе организмы, съ несложившимися умами должны быть оберегаемы отъ всякихъ излишнихъ колебаній и сомнѣній: ихъ надо вести и держать въ атмосферѣ тѣхъ идей, идеаловъ и вѣрованій, по отношенію къ которымъ они унаслѣдовали преемственно

передаваемую изъ поколѣнія въ поколѣніе приспособленность. Въ то же время не должно забывать, что народныя массы не представляютъ чего-то однороднаго, а напротивъ того, они состоятъ изъ крайне разнообразныхъ, по степени своего развитія, элементовъ и эта разнородность народныхъ массъ усиливается тѣмъ больше, чѣмъ дальше подвигается цивилизація, потому что развитіе людей не можетъ совершаться равномѣрно—этому препятствуютъ и разнообразныя соціальныя условія и различіе унаслѣдованной каждымъ изъ людей организаціи. Въ виду этого въ каждомъ народѣ бываютъ цѣлыя слои людей, нуждающихся подобно дѣтямъ въ томъ, чтобы имъ была обеспечена атмосфера высокихъ идеаловъ и религіозныхъ вѣрованій и символическихъ обрядовъ, которая была принята, усвоена и приспособлена къ особенностямъ даннаго народного духа послѣдовательными поколѣніями ихъ родителей, прародителей и предковъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, при всей вѣротерпимости въ каждомъ государствѣ должно все же обставлять извѣстными преимуществами господствующую народную религію.

Отрицать необходимость господствующей религіи для каждаго народа могутъ только тѣ, которые отрицаютъ необходимость народного языка и настаиваютъ на замѣнѣ его какимъ нибудь однимъ общимъ языкомъ, искусственно созданнымъ, въ родѣ такъ наз. волапока *). Между тѣмъ каждый народный языкъ есть ничто иное, какъ внѣшнее воплощеніе, внѣшняя проекція всего того, что образуется, развивается и живетъ въ душѣ человѣка и самое образованіе человѣческой рѣчи идетъ поэтому рука объ руку съ развитіемъ человѣческаго сознанія, какъ это и было доказано мною въ моихъ лекціяхъ о сознаніи. Съ другой стороны, извѣстно также, что индивидуальность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ зависитъ отъ того, какія группы представленій, чувствъ и идей получаютъ наибольшее господство въ ихъ психическомъ мірѣ, т. е. какія

*) Относительно вопроса о созданіи отдѣльнаго общаго всѣмъ языку, замѣчу здѣсь кстати, что сначала о подобномъ искусственно созданномъ всеобщемъ языкѣ мечтали только постольку, поскольку ученые ощущали потребность обладать особымъ научнымъ языкомъ. Пизонъ въ своемъ сочиненіи упоминаетъ кромѣ того о томъ, что Галенъ желалъ создать искусственную систему знаковъ для выраженія мыслей также еще и потому, что, по его мнѣнію, система опредѣленныхъ знаковъ исключила бы всякую возможность споровъ и клеветы. Надъ той-же самой идеей всеобщаго языка для науки трудились еще такъ же и Фосіусъ и Славигеръ, Германнъ, Пьерръ Саншезъ, Иво, испанецъ Искердо, Филиппъ Лаббе, Бекъ изъ Инвика, Атаназій Кирхеръ, Джонъ Уилкинсъ, Беконъ и Лейбницъ (т. 5, стр. 7 и 8. См. также *Eloge par Fontenelle*).

группы получают наибольшую возможность ассоциироваться съ новыми ощущеніями, представленіями, чувствами и идеями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшую возможность все снова и снова репродуцироваться въ психической жизни даннаго человѣка, даннаго народа (Штейнталь). Такимъ образомъ, слѣдовательно, народная рѣчь, народный языкъ, являясь внѣшнимъ проявленіемъ или суммой внѣшнихъ звуковыхъ символовъ для разнообразныхъ представленій, чувствъ идей, является, тѣмъ самымъ, неразрывнымъ образомъ связаннымъ съ индивидуальностію какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и, отрицая народный языкъ, мы отрицаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и народную индивидуальность.

Различныя вѣроисповѣданія имѣютъ еще болѣе существенное значеніе для развитія и сохраненія индивидуальности различныхъ племенъ и народовъ, потому что ничѣмъ инымъ, какъ именно религіей дается людямъ та центральная монархическая группа идей, представленій, понятій и чувствъ, около которой выкристаллизовывается все остальное содержаніе психическаго міра и соотвѣтственно съ которой идутъ всѣ дальнѣйшія приобрѣтенія и развитія человѣческаго духа.

Цѣлый рядъ авторовъ и особенно Джонъ Стюартъ Милль указывали уже на несчастное стремленіе людей уничтожать всякую индивидуальность; они указывали и на вредныя послѣдствія подобнаго преслѣдованія всякаго индивидуализма. Наконецъ за послѣднее время и въ прессѣ и въ законодательствѣ европейскихъ государствъ стали все чаще и рѣшительнѣе отстаивать права и интересы отдѣльной личности. Казалось бы, слѣдовательно, что старая ненависть и вражда людей съ индивидуализмомъ улеглись и исчезли — въ сущности же онѣ перемѣнили только поле дѣйствія и вмѣсто того, чтобы ратовать противъ индивидуальных особенностей Ивана, Петра или Марьи, они ратуютъ противъ индивидуальных особенностей цѣлыхъ народныхъ и племенныхъ группъ. Отсюда то, т. е. изъ непримиримой вражды ко всякаго рода индивидуализму и являются желанія замѣнить разнообразные народные языки однимъ общимъ искусственнымъ волапокомъ, а также и стремленія уничтожить всякія преимущества господствующихъ вѣроисповѣданій въ той или иной странѣ, въ томъ или иномъ народѣ и естественнымъ продолженіемъ всѣхъ этихъ стремленій является желаніе уничтожить, искоренить чувство патриотизма (графъ Л. Н. Толстой).

Однимъ словомъ, теперь замѣчается все снова и снова стремленіе уничтожить, по возможности, всѣ племенные различія, всякій народный индивидуализмъ. И это направленіе должно быть признано гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ то, противъ котораго ратовалъ покойный Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ сочиненіи о свободѣ. Обезличивая цѣлые народы, нивелируя всѣ индивидуальныя особенности ихъ народнаго племеннаго духа, мы тѣмъ самымъ уничтожаемъ самую возможность развитія личнаго индивидуализма, потому что пышное развитіе индивидуальных особенностей отдѣльныхъ людей находится въ тѣсной и неразрывной связи съ индивидуальными особенностями того народа, частицу котораго они составляютъ подобно тому, какъ для полнаго развитія всѣхъ своеобразныхъ особенностей того или иного растенія нужны бываютъ прежде всего тѣ или иные отличительныя свойства почвы и окружающей атмосферы. И подобно тому, какъ растительный міръ не можетъ проявлять всѣхъ своихъ красотъ и разнообразныхъ возможностей при вполнѣ однородномъ составѣ почвы и неизмѣнномъ состояніи атмосферы, точно также и индивидуальныя особенности и способности отдѣльныхъ лицъ должны будутъ заглухнуть въ самомъ зародышѣ или извратиться, если онѣ не встрѣтятъ той своеобразной народной почвы и той своеобразной психической атмосферы, которая сродни имъ въ качествѣ индивидуальных особенностей и свойствъ ихъ народа, ихъ племени.

Исторія жизни и неудачной дѣятельности проф. Амеля доказываетъ, какъ нельзя болѣе наглядно, насколько вредно можетъ дѣйствовать психическая атмосфера одного племени (въ данномъ случаѣ германскаго) на развитіе личности, принадлежащей къ другому племени, хотя бы напр. къ романскому, какъ Амель.

Уничтожьте племенные различія, искорените тѣ индивидуальные особенности апперцепцій, мыслей и чувствъ, которыя составляютъ неотъемлемую собственность различныхъ націй и вы лишите человѣчество возможности имѣть такихъ людей, какъ Ломоносовъ, Пушкинъ, Гоголь, Чайковский, Глинка, Менделѣевъ, Суворовъ, съ одной стороны, или какъ Бетховенъ, Шопенъ, Дидро, Вольтеръ, Гёте, Кантъ, Бэконъ, Шекспиръ и Байронъ, съ другой. Вѣдь нельзя отрицать того, что все выдающееся, талантливое, великое въ человѣчествѣ всегда отличалось замѣчательно рѣзко выра-

женной, какъ личной, такъ и національной индивидуальностию.

Шиллеръ былъ вполне правъ, говоря

„An's Vaterland, an's theure, schliess dich an,
Das halte fest mit deinem ganzen Herzen!
Hier sind die starken Wurzeln deiner Kraft“.

Чтобы понять къ чему ведетъ общая нивелировка, общее уничтоженіе индивидуализма, возьмите хоть Китай съ его неподвижностію и искусственностію; съ его своеобразной неповоротливой рѣчью, для пониманія которой, китайцы зачастую вынуждены бываютъ при разговорѣ чертить на воздухѣ пальцемъ письменные знаки произносимыхъ ими словъ, такъ какъ въ письмѣ рѣчь ихъ оказывается болѣе систематичной и полной, нежели въ говорѣ. Эта особенность китайскаго языка такъ велика, что извѣстный знатокъ языковъ и математикъ Голіусъ пришелъ, по словамъ Лейбница, къ тому заключенію, что будто китайскій языкъ долженъ быть признанъ не за естественный, народный языкъ, а за искусственно составленный волапоукъ, придуманный какимъ либо находчивымъ человѣкомъ для облегченія взаимныхъ сношеній между различными народностями, населявшими Китайскую имперію. Привычка китайцевъ къ узкой условности и искусственности дѣйствительно поразительна и уже этотъ фактъ, самъ по себѣ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе Голіуса. Чтобы представить себѣ наглядно до какой степени китайцы привыкли довольствоваться однажды сложившимися условными мертвенными формами, стоитъ только вспомнить ихъ живопись, которая въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій состояла и состоитъ изъ опредѣленныхъ символическихъ изображеній и фигуръ. Полное отсутствіе у нихъ перспективы объясняется, по моему мнѣнію, ничѣмъ инымъ, какъ именно ихъ нежеланіемъ воспроизводить окружающую ихъ дѣйствительность и намѣренно поддерживаемымъ символизмомъ ихъ живописи.

Вообще всѣ искусства у Китайцевъ примѣняются только по столько, по сколько это нужно для осуществленія и воспроизведенія различныхъ символовъ; имъ непонятны ни музыка, ни скульптура, ни живопись, ни архитектура сами по себѣ, въ качествѣ свободно развивающагося искусства. И это стремленіе все употреблять для условной символизации является, конечно, прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ искусственности и неповоротливости ихъ языка.

Рѣчь человѣческая, по замѣчанію Штейнталя, является освобождающимъ моментомъ, такъ какъ она даетъ человѣку возможность не только разобратся въ своемъ внутреннемъ психическомъ мірѣ, но и подѣлиться имъ съ своими ближними, она даетъ ему возможность провѣрить данныя свсего личнаго сознанія данными сознанія своихъ собратій, своихъ предковъ. Въ виду этого важнаго и многосторонняго значенія человѣческой рѣчи, понятно, что народъ, располагающій относительно бѣдной и неповоротливой, а потому и неудобной рѣчью, по необходимости, роковымъ образомъ долженъ будетъ во всемъ и вездѣ искать орудія для выраженія того, на что у него не хватаетъ выражений въ его языкѣ и слѣдовательно, и живопись, и музыка, и скульптура сведутся у него на сумму извѣстныхъ знаковъ или символовъ для обозначенія тѣхъ или иныхъ представленій, чувствъ или понятій.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что всевозможныя мнимо либеральныя стремленія отнять у различныхъ народовъ ихъ своеобразный народный языкъ, ихъ вѣроисповѣданіе, особенности ихъ законодательства и обычаевъ и т. д. сводятся въ сущности на самую тупую и ожесточенную борьбу противъ всякаго проявленія народнаго индивидуализма. Между тѣмъ, какъ для каждаго отдѣльнаго народа, для каждой даже небольшой общины прогрессъ оказывается тѣмъ болѣе возможнымъ и быстрымъ, чѣмъ шире и пышнѣе могутъ въ ней проявляться разнообразныя особенности отдѣльныхъ личныхъ индивидуальностей, точно также и для человѣчества въ цѣломъ и общемъ прогрессъ, а, слѣдовательно, и осуществленіе различныхъ возложенныхъ на него Творцомъ земныхъ задачъ, должно роковымъ образомъ оказываться тѣмъ легче и успѣшнѣе, чѣмъ болѣе богатое и полное развитіе получаетъ въ немъ индивидуализмъ различныхъ племенъ и народностей. Почему? Да именно потому, что всякое развитіе, совершенствованіе человѣка возможно только путемъ борьбы, неустанной борьбы съ самимъ собою, съ живущими въ каждомъ изъ насъ грѣхомъ, ложью, зломъ; путемъ борьбы съ окружающей насъ средою, какъ въ психическомъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Поэтъ былъ правъ, говоря;

«О, не проси покоя у судьбы
И не ищи того, что называютъ счастьемъ.
Но ты желай и мира, и борьбы,
И ясныхъ дней, и мрачнаго пенастья,

Чтобъ въ дѣйствіи твой духъ перегоралъ,
И, погружаясь въ пучину тревоженій,
Оттуда-бъ мысль живую доставалъ,
Какъ новый перлъ для новыхъ поколѣній...»

(Щербина.)

Однимъ словомъ человѣкъ предназначенъ для постоянной борьбы со зломъ, съ грѣхомъ, предназначенъ для постоянной борьбы ради отыскиванія и отстаиванія святой истины. Каждое отдѣльное племенное, народное сознаніе должно выработать и внести свою болѣе или менѣе богатую и своеобразную лепту въ общую сумму вселенскаго общечеловѣческаго сознанія.

Желаніе уничтожить народныя различія, народную индивидуальность такъ же неразумно и противуестественно, какъ и желаніе разсматривать и изучать весь безконечный міръ явленій только съ одной какой либо точки зрѣнія. Индивидуальныя различія тѣмъ и важны и необходимы, что они даютъ человѣчеству возможность познавать истину съ различныхъ сторонъ, подъ разнообразными углами зрѣнія.

Что же дѣлать тогда съ побѣжденными народностями? Неужели и имъ мы должны обезпечивать свободное развитіе ихъ зачастую совершенно дикихъ и ложныхъ вѣрованій и убѣжденій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ естественно вытекаетъ изъ нашего основнаго положенія относительно того, что каждый человѣкъ въ отдѣльности и все человѣчество въ цѣломъ имѣютъ въ земной жизни своей одно только назначеніе: борьбу со зломъ, съ грѣхомъ во всевозможныхъ ея видахъ и формахъ. Слѣдовательно, во взаимной и безконечной борьбѣ человѣчества побѣжденными оказываются только тѣ, кто такъ или иначе оказались ниже тѣхъ требованій, которыя ставила имъ жизнь при условіяхъ даннаго времени, даннаго развитія. Если же, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко случается, побѣдителями оказываются представители духовнаго мрака, зла, лжи и грѣха, то побѣда ихъ всегда бываетъ только чисто физической и побѣжденные, несмотря на самый страшный гнетъ, сохраняютъ все же свое психическое преимущество. Въ подобномъ случаѣ, конечно, побѣда можетъ быть только временной и, рано ли поздно ли она должна кончиться освобожденіемъ. Для примѣра достаточно будетъ вспомнить о порабоженіи нашей родины

татарской ордою; о нашествіи на русскую землю поляковъ, французовъ и т. д.

Въ противныхъ случаяхъ, т. е. когда побѣжденнымъ оказывается народъ, подпавшій такъ или иначе процессамъ вырожденія, то, ради блага самого же побѣжденного, побѣда надъ нимъ должна быть и бываетъ въ дѣйствительности полная и жизнеспособные еще элементы его продолжаютъ жить и развиваться, но только въ видѣ частицъ поглощенныхъ, усвоенныхъ и возрожденныхъ именно тѣмъ народнымъ организмомъ, который побѣдилъ ихъ и физически и духовно.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, приходится признать, что дѣтей съ 8 до 16 лѣтъ слѣдуетъ воспитывать строго въ духѣ той церкви, къ которой они принадлежатъ по своему рожденію и по своей національности и самая школа должна быть, по возможности, строго ограждена отъ пагубнаго индифферентизма въ дѣлѣ религіи, хотя бы и прикрытаго принципомъ вѣротерпимости.

Признавая разъ важное существенное значеніе индивидуализма, какъ въ отдѣльныхъ человѣческихъ единицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народныхъ или племенныхъ организмахъ, мы естественно должны позаботиться о томъ, чтобы школа соединяла въ себѣ условія благоприятныя для развитія индивидуальности. Не должно вѣдь забывать, что и Божественный Учитель человѣчества, Господь Нашъ Иисусъ Христосъ прямымъ примѣромъ указалъ намъ на необходимость признавать индивидуальныя различія и сообразоваться съ ними. Такъ, напр., стоитъ только вспомнить, что Господь требовалъ несравненно большаго отъ Никомеда и отъ ученыхъ книжниковъ, чѣмъ отъ жены, встрѣченной Имъ у колодца Іакова, чтобы понять какое важное значеніе имѣли въ глазахъ Его индивидуальныя различія людей.

Зная разъ, что личный индивидуализмъ всего лучше развивается на почвѣ народнаго, мы необходимымъ образомъ должны будемъ придти къ тому заключенію, что школа должна быть всегда и вездѣ прежде всего *національной* и при томъ не только въ дѣлѣ вѣроисповѣданія, но также и во всемъ остальномъ. Атмосфера тепловато-туманнаго космополитизма является на столько же губительной для молодыхъ растущихъ организмовъ въ психическомъ отношеніи, на сколько чрезмѣрно теплая и влажная атмосфера искусственныхъ теплицъ оказывается вредной въ физиче-

ческомъ отношеніи. Объ этомъ, впрочемъ, намъ придется говорить еще подробнѣе въ одной изъ послѣдующихъ главъ, въ которой мы будемъ разбирать вопросъ о патріотизмѣ.

Итакъ въ школѣ, или дома, уже съ восьмилѣтняго возраста должно начинаться преподаваніе дѣтямъ ихъ религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ появляется необходимость знакомить дѣтей съ національными различіями вѣроисповѣданій. При этомъ, конечно, воспитатели и преподаватели должны имѣть достаточно такта и умѣнья, чтобы избѣжать двухъ противоположныхъ, но одинаково печальныхъ и потому, нежелательныхъ результатовъ; а именно, съ одной стороны, развитіе узкаго фанатизма и ненависти къ послѣдователямъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій, а, съ другой, не менѣе возможное развитіе индифферентизма и скептицизма.

Обойти эти затрудненія возможно только въ христіанскихъ школахъ, потому что проникнутое любовью высокое ученіе Іисуса Христа учить насъ съ печалью, но снисходительно относиться ко всѣмъ заблужденіямъ и ошибкамъ нашихъ ближнихъ; учить насъ помогать и служить даже тѣмъ изъ людей, личность которыхъ не можетъ внушать намъ ни симпатіи, ни уваженія; учить насъ служить имъ потому, что при этомъ мы служимъ не имъ, а Господу Богу. Эта-то мысль и была выражена въ извѣстномъ изрѣченіи: «Служите Богу въ лицѣ того, кого вы не можете любить».

При такомъ высокомъ этическомъ идеалѣ, даваемомъ намъ христіанствомъ, націонализмъ вѣроисповѣданія и школы очень легко можетъ быть удержанъ въ разумныхъ границахъ; но для этого, конечно, прежде всего нужно, чтобы преподаватели и воспитатели сами были проникнуты духомъ христіанской религіи. Напротивъ того, проведеніе націонализма въ школахъ не христіанскихъ народовъ, по необходимости, фатальнымъ образомъ должно вести къ развитію фанатической ненависти и вражды. Вслѣдствіе этого мы и видимъ, что въ средѣ хотя бы, напр., мусульманскаго міра явленія слѣпаго фанатизма и дикаго изуверства встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ среди христіанскихъ народовъ.

Что касается до самаго преподаванія закона Божьяго, то оно должно, конечно, идти съ извѣстной постепенностію соотвѣтственно возрасту и умственнымъ силамъ дѣтей. При этомъ воспитывающіе должны всегда помнить, что

прежде всего и главнымъ образомъ они должны имѣть въ виду развитіе и укрѣпленіе живаго религіознаго чувства и горячей вѣры, а это, конечно, требуетъ живаго примѣра, а не сухихъ поученій и наставленій.

Извѣстный нѣмецкій психологъ-педагогъ Бенеке, а также и педагогъ Дистервегъ уже указывали на нецѣлесообразное преподаваніе закона Божьяго въ Германіи. Первый особенно горячо возставалъ противъ обыкновенія заставлять дѣтей заучивать наизусть цѣлыя страницы катехизиса, касающагося къ тому же такихъ вопросовъ и проблемъ, которые по необходимости должны быть непонятны и недоступны дѣтскому уму. Извѣстный нѣмецкій поэтъ Геллертъ говорить о томъ же самомъ и указываетъ, что въ его бытность въ школѣ имъ приходилось постоянно заучивать наизусть непонятныя для нихъ молитвы, катехизисъ и т. под., при чемъ въ недѣлю у нихъ бывало 25 часовъ закона Божьяго и 15 часовъ латыни и изъ всего этого, не получалось въ результатъ ничего кромѣ болѣе или менѣе серьезнаго и непоправимаго вреда. Напротивъ того, Кестнеръ съ теплымъ чувствомъ благодарности вспоминаетъ о томъ обстоятельстве, что его никогда не заставляли учить безъ пониманія наизусть что бы то ни было и при этомъ онъ замѣчаетъ, что эта система преподаванія оказалась для него особенно полезной въ дѣлѣ изученія закона Божьяго.

Дистервегъ, разбирая методику преподаванія различныхъ предметовъ въ школѣ, приходитъ къ тому выводу, что преподаваніе религіи въ современныхъ школахъ обставлено всего хуже, такъ какъ оно совершается въ сущности все еще по той же системѣ, которая примѣнялась еще въ средніе вѣка. По свидѣтельству Дистервега въ Германіи нерѣдко преподаютъ законъ Божій по тѣмъ же самымъ учебникамъ, которые употреблялись и въ средніе вѣка; между тѣмъ, прибавляетъ онъ, это никого не поражаетъ, тогда какъ легко представить себѣ тотъ невообразимый шумъ и нескончаемые толки, которые навѣрное поднялись бы повсемѣстно, если какой бы то ни было учитель математики вздумалъ бы преподавать ариметику по учебнику изъ 15 или 16 столѣтія!

Схоластика исчезла теперь и въ области различныхъ наукъ и въ области преподаваемыхъ въ школахъ предметовъ, за исключеніемъ только уроковъ закона Божьяго, гдѣ она продолжаетъ царить такъ же неограниченно, какъ и въ

былое далекое время. Между тѣмъ въ былое далекое время мертвящее вліяніе схоластической системы преподаванія религіи не могло особенно сильно сказываться, потому что въ тѣ времена религіозные вопросы и споры являлись наиболѣе жизненными, наиболѣе существенными интересами какъ частной, такъ и народной жизни; потому что тѣ далекіе былые времена были временами религіозныхъ нескончаемыхъ войнъ, временами религіозныхъ преслѣдованій и увлеченій. Вслѣдствіе этого и дѣти и юношество получали непосредственно изъ ключемъ бывшей окрестъ нихъ жизни то живое религіозное чувство, которое они не могли почерпнуть изъ школьной мертвящей и душу и тѣло схоластики и подъ вліяніемъ этого живаго религіознаго чувства, наполнявшаго тогда сердца людей и проникавшаго въ большинство жизненныхъ явленій, самая схоластичность въ преподаваніи религіи оказывалась полезной и животворной, такъ какъ она снабжала каждаго тѣмъ твердымъ, неизмѣннымъ остономъ, около котораго могли расположиться и на который могли опереться тѣ разнообразныя чувства, мысли и стремленія, которыя возникали подъ вліяніемъ непрерывной борьбы изъ-за религіозныхъ вопросовъ и болѣе или менѣе сильно волновали и заполняли душу каждаго изъ жившихъ тогда людей.

У насъ имѣется цѣлый рядъ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, доказывающихъ, что во времена религіозныхъ увлеченій, во времена религіозныхъ преслѣдованій и войнъ не только юношество, но даже относительно малыя дѣти проявляютъ замѣчательно глубокое пониманіе различныхъ глубокихъ религіозныхъ вопросовъ. Однимъ словомъ мертвенность схоластическаго преподаванія не можетъ заглушить того живаго религіознаго чувства, которымъ въ извѣстныхъ времена и при извѣстныхъ условіяхъ бываетъ выполнена вся жизнь одного или нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣній людей. Но—люди, какъ и всѣ явленія вообще, измѣнчивы и непостоянны и жизнь человѣческая теперь складывается и вращается около совершенно иныхъ далекихъ отъ религіи вопросовъ и потому воспитаніе и школа должны особенно заботиться о развитіи живаго религіознаго чувства и горячей вѣры и, по возможности, избѣгать всякой схоластики въ изложеніи преподаваемыхъ религіозныхъ истинъ.

Кромѣ того, при сравненіи современной школы со школами добраго стараго времени, надо постоянно имѣть въ виду, что чѣмъ дальше подвигается цивилизація, тѣмъ все рѣзче и рѣзче начинаютъ выступать противорѣчія, какъ между семьей и школой, съ одной стороны, такъ и между школой и жизнью, съ другой. И это вполне понятно и естественно, потому что при поступательномъ ходѣ цивилизаціи все болѣе и болѣе исчезаетъ однородность человѣческихъ массъ, индивидуализмъ получаетъ все болѣе и болѣе сильное развитіе и, слѣдовательно, все труднѣе и труднѣе бываетъ установить извѣстную однородность и согласіе въ различныхъ воспитательныхъ вліяніяхъ, дѣйствующихъ на ребенка.

Уже Монтескье говорилъ, что въ сущности каждый человѣкъ его времени получаетъ три отдѣльныхъ воспитаній, и именно во 1) воспитаніе семьи, во 2) воспитаніе школы и въ 3) воспитаніе общества, въ которомъ живешь. При этомъ онъ замѣтилъ также, что воспитаніе, получаемое нами въ такъ называемомъ свѣтѣ, уничтожаетъ и опровергаетъ все то, что было привито и внушено намъ семьей и школой. Разладъ этотъ между жизнью, школой и семьей не только не исчезъ въ наше время, но даже еще усилился, и въ этой то разнорѣчивости разнообразныхъ вліяній, дѣйствующихъ и одновременно и послѣдовательно на молодые растущіе организмы и слѣдуетъ искать главную причину того, что наше время такъ сильно изобилуетъ безхарактерными людьми легко поддающимися всякимъ внушеніямъ и вліяніямъ, даже противорѣчивымъ.

Религіозное воспитаніе должно обращать особенное вниманіе на эту особенность нашего времени: оно должно помнить, что теперь не то, что прежде—жизнь не является болѣе такой средой, въ которой на первомъ планѣ стоятъ религіозные вопросы и интересы. Напротивъ того молодежь наша, оставляя школу, зачастую попадаетъ въ атмосферу гибельнаго невѣрія. Въ прошломъ столѣтіи цѣлый рядъ авторовъ доказывали во Франціи настоятельную необходимость улучшить преподаваніе религіи въ школахъ и университетахъ для того, чтобы приготовить и вооружить молодежь для борьбы съ тѣмъ невѣріемъ, которое встрѣчаетъ и осаждаютъ ихъ при вступленіи въ жизнь. Объ этомъ писали и говорили, напримѣръ, Ла Шалоте, Гюитонъ де Морво, Пернетти, Круза, Леруа, Ломондъ, Неккеръ, Фаллу

и многіе другіе. Они указывали также на поверхностность религіознаго воспитанія, даваемого въ школахъ, и Ломондъ напр. говорилъ, что молодежь, оканчивающая свое воспитаніе и образованіе, не умѣетъ даже понять, что свято-татственныя выходки не составляютъ еще разумныхъ умозаключеній, а насмѣшки и зубоскальство не могутъ считаться доказательствами.

Положеніе дѣлъ за послѣдніе сто лѣтъ не только не улучшилось, но, напротивъ того, даже ухудшилось, хотя бы уже потому, что невѣріе стало болѣе разлитымъ, болѣе обобщеннымъ и не ограничивается теперь преимущественно одной Франціей, но господствуетъ въ большей или меньшей мѣрѣ и во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ. Въ виду этого вездѣ слѣдовало бы обратить особое вниманіе на цѣлесообразно обставленное преподаваніе христіанской религіи. О другихъ не христіанскихъ религіяхъ я считаю излишнимъ говорить здѣсь, потому что стоитъ только вдумчиво отнестись къ историческимъ фактамъ для того, чтобы понять, что всѣ онѣ, въ качествѣ болѣе или менѣе далекихъ отъ истины, обречены гибели. Ихъ слабая жизнеспособность особенно наглядно сказывается въ ихъ неспособности создать какую бы то ни было прочную цивилизацію, вслѣдствіе чего и народы, исповѣдующіе ихъ, становятся сопричастными прогрессу и цивилизаціи только постольку, по скольку они воспринимаютъ выработанную христіанскими народами цивилизацію и это несмотря на то, что численно они значительно превосходятъ исповѣдующія христіанство народности.

Въ виду того, что преподаваніе религіи должно снабдить подростяющую молодежь и живымъ религіознымъ чувствомъ и твердыми этическими устоями, на которые она могла бы опираться во время жизненной борьбы и искушеній, преподаваніе высокой христіанской религіи должно быть обставлено и дома и въ школѣ такъ, чтобы оно никогда не внушало дѣтямъ какихъ бы то ни было противныхъ этикѣ чувствъ и побужденій. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется цѣлесообразнымъ устранить, по отношенію къ преподаванію религіи, ту систему балловъ, наградъ и наказаній, при помощи которой въ дѣтскихъ сердцахъ разжигается чувство взаимнаго соревнованія и конкуренціи. Преподаваніе закона Божьяго должно занимать въ числѣ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ не только первое, но

и настолько высокое положеніе, чтобы объ отмѣткахъ тутъ не могло быть и рѣчи. Дѣти и юноши должны учить и усваивать истины религіи не ради полученія хорошихъ отмѣтокъ, не ради полученія званія первыхъ учениковъ и различныхъ наградъ, а потому что это является для нихъ безусловной необходимостію, первымъ и священнымъ долгомъ подростяющаго человѣка по отношенію къ самому себѣ.

Примѣняемая нынѣ повсемѣстно система балловъ, наградъ и наказаній, возбуждая въ душѣ дѣтей и юношей соревнованіе и конкуренцію, тѣмъ самымъ вызываетъ въ нихъ такого рода эгоистическія и злыя чувства, которыя являются безусловно несовмѣстимыми съ основнымъ духомъ христіанскаго ученія. Оставляя систему балловъ, наградъ и наказаній въ полной силѣ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ предметамъ, преподаваемымъ подростяющимъ поколѣніямъ, за исключеніемъ только религіи, мы тѣмъ самымъ выдвинемъ преподаваніе религіи на соотвѣтствующую ей высоту и приучимъ дѣтей относиться къ вопросамъ религіи съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое имъ подобаешь.

Преподаваніе религіи должно при этомъ, конечно, быть обставлено такъ, чтобы заучиваніе наизусть было доведено до наивозможнаго минимума. Для этого надо вести преподаваніе такъ, чтобы каждый ребенокъ въ классѣ успѣвалъ тутъ же, въ классѣ, повторить то, что было объяснено имъ передъ тѣмъ ихъ законоучителемъ. Кромѣ того надо постоянно отводить одинъ или два урока въ недѣлю на повтореніе пройденнаго.

Незниманіе, нерадѣніе по отношенію къ урокамъ религіи должны быть признаны безусловно невозможными и всякое проявленіе ихъ должно быть встрѣчаемо со стороны воспитывающаго и преподающаго персонала съ удивленіемъ и огорченіемъ. Наказывать за это ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, потому что странно было бы желать привить ребенку высокое, исполненное любви, ученіе Христа путемъ различныхъ карательныхъ мѣръ, подъ постоянной угрозой слезъ и страданій. Ребенка, не могущаго поспѣвать за классомъ въ преподаваніи религіи, слѣдуетъ сначала снабдить особымъ репетиторомъ; но если и это не помогаетъ, то онъ долженъ быть признанъ неспособнымъ продолжать свои занятія и остальными предметами, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію къ слабоумнымъ дѣтямъ, а такъ

же и по отношенію къ субъектамъ, страдающимъ напр. падучей болѣзнію.

Однимъ словомъ основнымъ правиломъ школы должно быть, что всѣ ученики, безъ исключенія, должны усваивать, должны знать то, что имъ преподается изъ религіи и притомъ настолько хорошо, чтобы между ними не было ни первыхъ, ни послѣднихъ. Преподаваніе религіи отъ 8—16 лѣтъ должно вестись такъ, чтобы болѣе талантливыя, болѣе понятливыя дѣти помогали своимъ менѣе одареннымъ товарищамъ, являясь въ роли ихъ репетиторовъ.

Такъ какъ по основнымъ условіямъ своей организаціи человѣкъ особенно хорошо усваиваетъ и запоминаетъ только то, по отношенію къ чему онъ можетъ проявить свою самостоятельность, то уже съ самыхъ малыхъ классовъ слѣдуетъ заставлять учениковъ не только устно, но и письменно, своими словами, передавать то, что имъ было объяснено и изложено ихъ законоучителемъ. Эти письменныя работы полезны также еще и потому, что онѣ необходимымъ образомъ должны облегчать запоминаніе пройденнаго.

Это облегченіе запоминанія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ словесному заучиванію присоединяется еще и записываніе, было давно уже извѣстно эмпирически, но объясненіе этого факта получилъ только за самое послѣднее время, когда было доказано, что память наша неразрывно связана съ мышечными движеніями *). Объ этомъ, впрочемъ, намъ придется еще говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ настоящаго сочиненія.

Въ старшихъ классахъ можно уже задавать письменныя работы по закону Божьему болѣе самостоятельнаго характера, то есть не одну только передачу своими словами различныхъ фактовъ, событій, ученій, но уже настоящія сочиненія на тотъ или иной текстъ, или объясненія значенія того или иного событія и т. д.

Въ то же самое время надо развивать въ дѣтяхъ дѣятельную и живую любовь къ ближнему; надо приучать ихъ жертвовать иногда своими удовольствіями и удобствами ради облегченія участи другихъ людей. Вообще съ 8 до 16 лѣтъ надо заботиться при воспитаніи о томъ, чтобы

*) Подробности относительно этой связи читатели могутъ найти въ сдѣланномъ мною сообщеніи на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Римѣ и въ моемъ сочиненіи «О сознаніи», уже печатающемся.

развить въ дѣтяхъ сознаніе о ихъ принадлежности къ одной многочисленной народной семьѣ сначала, а потомъ и къ общечеловѣческой семьѣ вообще. Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ говорить подробнѣе ниже, разбирая вопросы о воспитаніи воли и чувствъ.

Въ общемъ необходимо заботиться о томъ, чтобы преподаваніе религіи шло рука объ руку съ примѣненіемъ высокихъ правилъ христіанскаго ученія въ жизни, и въ этомъ отношеніи особенно важно, чтобы дѣти не встрѣчали противорѣчій и разногласій между школой, съ одной стороны, и семьей, съ другой, потому что подобнаго рода разногласія всегда становятся источникомъ лжи и лицемерія. Между тѣмъ каждый воспитатель долженъ прежде всего уяснить себѣ, насколько пагубно должны дѣйствовать всякая ложь, всякое противорѣчіе на молодые не сложившіеся еще умы вообще, а тѣмъ болѣе когда это противорѣчіе, эта ложь направлены бывають противъ тѣхъ высокихъ истинъ и идеаловъ, которые даны человѣчеству въ христіанствѣ.

Преподавая дѣтямъ религію, мы тѣмъ самымъ въ сущности должны давать имъ тѣ основные идеалы, понятія и представленія, около которыхъ должны располагаться, группироваться всѣ послѣдующія приобрѣтенія ихъ психическаго міра.

Проф. Штейнталь говоритъ, что весь характеръ, всѣ способности человѣка опредѣляются именно тѣмъ, какого рода понятія и представленія получаютъ преобладающую силу въ его душѣ. Подъ преобладающей же силой той или иной группы представленій онъ подразумѣваетъ ея способность легко возникать и входить въ самыя многостороннія и разнообразныя соотношенія и соединенія съ различными другими понятіями, представленіями и чувствами. При такомъ положеніи господствующая группа должна отличаться, съ одной стороны, большой возбудимостію и очень богатыми ассоціационными соединеніями, а съ другой, она должна отличаться особенной стойкостію. Вслѣдствіе первыхъ свойствъ подобная группа появляется въ сознаніи особенно легко, такъ какъ по направленію къ ней сходятся многіе, хорошо проторенные пути и съ каждымъ новымъ представленіемъ у подобной господствующей группы находятъ тѣ или иные точки соприкосновенія вслѣдствіе многосторонности ея ассоціаций. Въ то же время стойкость господствующей группы предполагаетъ особенную глубину слѣдовъ,

оставляемыхъ входящими въ составъ ея представленіями, чувствами, ощущеніями, идеями, сужденіями и понятіями. Между тѣмъ извѣстно, что особенно стойкіе слѣды оставляетъ все то, что мы переживаемъ въ годы позднѣйшаго дѣтства, въ годы отрочества и юношества и потому то для образованія господствующихъ группъ, по Штейнталу, или, другими словами, для образованія основныхъ, руководящихъ понятій, идеаловъ и идей и нужно пользоваться школьнымъ возрастомъ, устранивъ отъ дѣтей, по возможности, все то, что могло бы поколебать, нарушить цѣлостность даваемыхъ имъ религіей понятій и идеаловъ.

Не должно вѣдь забывать, что преобладающая группа представленій и идей можетъ получиться въ однихъ случаяхъ настолько сильная и централизованная, что она будетъ самодержавно царить въ психическомъ мірѣ чело-вѣка. Подобнаго рода субъекты отличаются быстрымъ и острымъ сужденіемъ; цѣлостнымъ, опредѣленнымъ характеромъ; они знаютъ чего хотятъ и обладаютъ достаточно сильной волей для того, чтобы достигать желаемаго; въ то же время люди этого типа являются строгими исполнителями своего долга. Люди этого типа, при неблагоприятныхъ условіяхъ развитія, могутъ представлять нежелательную узость взглядовъ, зависящую отъ того, что центральная группа ихъ психическаго міра бываетъ слишкомъ ограниченная и съ незначительными ассоціационными соприка-саніями.

Съ другой стороны люди, у которыхъ вѣсто одной самодержавно-монархической группы представленій, понятій и идей, бываетъ нѣсколько одинаково сильныхъ группъ, оказываются, при благоприятныхъ условіяхъ, способными, правда, обо всемъ судить и все оцѣнивать надлежащимъ образомъ; но въ то же время они ничего не производятъ. Этого рода натуры принаровлены главнымъ образомъ для наслажденій и если жизнь ихъ течетъ въ богатствѣ, то они естественнымъ образомъ становятся меценатами; но зато среди бѣдности и нужды эти аристократическія натуры играютъ крайне жалкую роль; потому что, при отсутствіи твердыхъ психическихъ устоевъ, они бываютъ совершенно неспособны къ настойчивому труду и кромѣ того самая замѣна одной господствующей группы, цѣлымъ рядомъ одинаково сильныхъ группъ, по необходимости, лишаетъ ихъ не только стойкости, но и необходимой глу-

бины и основательности. При неблагоприятныхъ условіяхъ этого рода многочисленность господствующихъ группъ въ психическомъ мірѣ ведетъ къ полной безсодержательности, къ глупости и слабоумію.

Кромѣ того, возможны еще и такіе случаи, что у людей образуются двѣ господствующія группы представленій, понятій и при томъ зачастую совершенно противурѣчивыхъ, но мирно уживающихся другъ съ другомъ; такъ, наприм., одна группа представленій бываетъ чисто религіознаго характера, а другая свѣтскаго. Подобнаго рода люди поражаютъ насъ обыкновенно своими противорѣчіями и ихъ зачастую, совершенно ошибочно, обвиняютъ въ лицемерствѣ, тогда какъ въ сущности въ нихъ самихъ такъ мало единства, цѣлостности и силы, что они не могутъ проявить той выдержки и послѣдовательности, которыя необходимы для лицемерства.

По замѣчанію Штейнтала такихъ людей особенно много въ Англіи; но я думаю, что и у насъ ихъ не мало.

Отъ характера преобладающей группы или преобладающихъ группъ представленій, понятій, чувствъ и т. д. зависитъ, какъ индивидуальность чело-вѣка въ частности, такъ и индивидуальность цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ школъ, все одно будутъ-ли онѣ религіознаго, политическаго, научнаго или литературнаго характера. Наконецъ и характеръ цѣлыхъ эпохъ обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ именно содержаніемъ тѣхъ группъ, которыя въ психическомъ мірѣ современниковъ имѣли наибольшее преобладаніе, потому что люди воспринимаютъ, или, другими словами, апперцепируютъ только то, что можетъ ассоциироваться такъ или иначе съ имѣющимся у нихъ наличнымъ запасомъ представленій, сужденій, понятій и чувствъ. Такъ, напр., Рафаэль или Боттичелли апперцепировали иначе, чѣмъ Тиціанъ или Рембрандтъ; древніе греки и римляне иначе, чѣмъ современные христіанскіе народы.

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, понятно насколько важно бываетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы у нихъ могла сложиться одна сильная и возможно многосторонняя основная, или вѣрнѣе сказать, осевая группа представленій, понятій и идей, около которой потомъ могли бы располагаться всѣ послѣдовательно пріобрѣтаемыя представленія, идеи, чувства и т. д.

Само собою разумѣется, что преподаваніе религіи должно

въ значительной степени содѣйствовать образованію подобной самодержавно-монархической группы представленій и понятій; но для этого во 1) требуется, чтобы семья и окружающая жизненная среда не прививали дѣтямъ непримиримо противорѣчивыхъ представленій, идей и понятій, а во 2) требуется, чтобы преподаваніе религіи велось такъ, чтобы дѣти не могли чувствовать по отношенію къ нему всѣхъ тѣхъ непріятностей, съ которыми имъ приходится знакомиться при обычной системѣ веденія уроковъ.

Преподаваніе религіи, какъ я уже говорила, должно быть изъято изъ системы соревнованія, конкуренціи, изъ системы наградъ и наказаній. Ему надо создать высокое и исключительное положеніе среди всѣхъ преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Съ этою цѣлю прежде всего слѣдуетъ, сколько мнѣ кажется, изгнать изъ преподаванія закона Божьяго общераспространенный въ школахъ обычай задавать дѣтямъ уроки для домашняго заучиванія и зубуриванія ихъ.

Устранивъ это, мы тѣмъ самымъ устранимъ по отношенію къ закону Божьему то непріятное чувство, съ которымъ дѣти и отроки думаютъ о заданныхъ имъ урокахъ. Это, съ одной стороны; а, съ другой, мы устранимъ возможность невѣрнаго пониманія и толкованія. Но и это еще не все. Разъ дѣти не будутъ одни учить различныя части закона Божьяго, они никогда не будутъ имѣть возможности относиться къ вопросамъ религіи небрежно и невнимательно, какъ это дѣлается зачастую, когда дѣти, зажавъ пальцами уши, громко зубрятъ то или иное мѣсто, не думая и невникая въ его содержаніе и смыслъ.

Какъ уже было выше упомянуто вскользь, дѣти должны изъ закона Божьяго все заучивать въ самомъ классѣ, въ присутствіи законоучителя. Конечно, при этомъ заучиваніе пойдетъ нѣсколько медленнѣе; но объ этомъ печалиться нечего, ибо извѣстно, что все быстро запоминаемое забывается тоже быстро, и наоборотъ, чѣмъ дольше человѣкъ заучиваетъ, усваиваетъ что бы то ни было, тѣмъ дольше и тверже запоминаетъ онъ это. На этотъ фактъ указывали уже очень многіе авторы, между прочимъ и Бенеке, который также, какъ и Жанъ Жакъ Руссо доказывалъ необходимость найти методы наиболѣе медленнаго и труднаго заучиванія вмѣсто обыкновенно отыскиваемыхъ наиболѣе быстрыхъ и легкихъ.

Наблюденія на субъектахъ, страдающихъ нервными и мозговыми болѣзнями, доказали, что всего дольше сохраняются тѣ представленія, понятія, которыя были выработаны всего раньше и которыя имѣли возможность всего чаще повторяться въ психической жизни человѣка—это съ одной стороны; съ другой, прямыми опытами надъ ассоціаціей представленій (Гальтонъ, Манасейна) было доказано то же самое, т. е., что понятія и представленія всего чаще повторявшіяся въ душевной жизни человѣка ассоциируются всего легче и быстрѣе и обладаютъ, слѣдовательно, наибольшею стойкостью и силою.

Въ виду всего этого предлагаемый мною способъ преподаванія религіи долженъ оказаться особенно цѣлесообразнымъ, потому что, заучивая въ классѣ при законоучителѣ, дѣти будутъ поневолѣ вынуждены чаще вспоминать и повторять однажды усвоенное ими, такъ какъ къ этому будутъ побуждать непрерывные вопросы законоучителя. Кромѣ того, заучивая въ классѣ при законоучителѣ, дѣти, тѣмъ самымъ, будутъ вынуждены относиться съ полнымъ вниманіемъ ко всему тому, что говорится въ классѣ; а это опять таки поведетъ къ болѣе полному усвоенію ребенкомъ различныхъ истинъ религіи, изъ которыхъ и должна складываться главная самодержавно господствующая въ психическомъ мірѣ группа представленій и идей.

На значеніе часто повторяемыхъ и рано получаемыхъ впечатлѣній, представленій, понятій и идей указываетъ также и нѣмецкій поэтъ Рюккертъ въ своемъ стихотвореніи «Мудрость брамина», совѣтуя при этомъ *не слишкомъ быстро* и *не слишкомъ* многочисленными знаніями наполнять душу ребенка.

«Dem unbeschrieb'nen Blatt des Geistes in dem Kinde
Schreib unbedächtig *nicht zu viel ein, zu geschwinde*,
Zwar wird nie voll das Blatt, stets neu zu überschreiben,
Doch keine Schrift *so fest wird, als die erste bleiben*.
Ja, keine Kunst vermag sie völlig wegzuwischen;
Was man auch drüber schreibt, sie schimmert durch dazwischen.
Du selber mögest einst, wenn spät're Schriften schwinden,
Erloschne Kinderzig' im Herzen wiederfinden».

Кромѣ того все, что производитъ на насъ больше разнообразныхъ впечатлѣній запоминается нами лучше, такъ напр. исключительно зрительное или исключительно осязательное представленіе забывается легче, чѣмъ представленіе, состоящее одновременно изъ зрительныхъ, слуховыхъ

и осязательных ощущений. И это вполне понятно, потому что теперь уже несомненно известно, что у каждого органа ощущений, у каждой мышечной группы существует своя отдельная память, хотя главным орудием памяти вездѣ и во всемъ являются различнаго рода мышцы, такъ что, напр.; различные запахи, различные звуки запоминаются только постольку, поскольку они соединены бываютъ съ разнообразными мышечными движеніями. Точно также и зрительныя ощущенія различныхъ оттѣнковъ, разнообразныхъ цвѣтовъ запоминаются до того трудно, что дамы, цѣлыми годами вышивающія разноцвѣтнымъ гарусомъ или шелками, никогда не могутъ прикупить нужную имъ тѣнь безъ образчика. Между тѣмъ д-ръ А. Леманнъ прямыми опытами убѣдился, что запоминаніе оттѣнковъ облегчалось и удлинялось въ тѣхъ случаяхъ, когда они снабжались какимъ нибудь произвольно избраннымъ названіемъ, благодаря которому цвѣтовое ощущение оттѣнка того или иного цвѣта осложнялось еще мышечными движеніями, необходимыми для произношенія названія и дѣятельность памяти становилась болѣе легкой.

Здѣсь я не буду подробно останавливаться на вопросѣ о памяти, но упомяну еще только о томъ общеизвестномъ медикамъ фактѣ, что, при известныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ, люди утрачиваютъ одну только зрительную память и тогда при вполне сохраненномъ зрѣніи они никого и ничего не могутъ узнавать, даже самые близкіе имъ люди и ихъ собственное отраженіе въ зеркалѣ представляются имъ чѣмъ то совершенно незнакомымъ, а близкихъ, напр. жену, дѣтей они узнаютъ только по голосу. Въ другихъ случаяхъ исчезаетъ одна слуховая память и тогда люди понимаютъ читаемое глазами, но разговорная рѣчь остается для нихъ безусловно недоступной и непонятной.

Изъ всего сказаннаго, очевидно, слѣдуетъ, что память общая должна состоять изъ отдѣльныхъ частныхъ памятей различныхъ органовъ ощущений, различныхъ мышечныхъ группъ и, слѣдовательно, чѣмъ разностороннѣе будетъ изученіе того или иного предмета, тѣмъ лучше онъ запечатлѣется въ памяти. Въ виду этого слѣдовало бы преподаваніе ветхаго и новаго завѣта пояснять ученикамъ хорошо и художественно выполненными картинами, гравюрами. Съ этою цѣлю очень полезно было бы имѣть въ школахъ копіи съ знаменитыхъ картинъ религіознаго содержанія, особенно въ виду того, что наши художественныя выстав-

ки въ этомъ отношеніи не представляютъ почти ничего интереснаго, очевидно вслѣдствіе того, что наши русскіе художники почти поголовно охвачены заразой близорукаго реализма.

Точно также слѣдовало бы водить подростокую молодежь на такія концертныя собранія, гдѣ бы она могла слышать, въ прекрасномъ исполненіи, наше православное церковное пѣніе; гдѣ-бы она могла практически ознакомиться съ историческимъ ходомъ нашей церковной музыки и сравнить ее съ церковной музыкой западныхъ церквей.

Связь религіи съ нравственной стороною человѣка всѣми признается, всѣмъ известна; но связь религіи съ эстетическимъ развитіемъ людей обыкновенно совершенно упускается изъ виду и игнорируется. Между тѣмъ народъ, не имѣющій религіи, никогда не можетъ имѣть высокаго искусства, потому что съ исчезаніемъ религіозности у людей исчезаетъ то психическое единство собственнаго я, безъ котораго немыслимо никакое сознательное эстетическое наслажденіе. Не должно вѣдь забывать, что всѣ эстетическія наслажденія, по существу своему, бываютъ прямо противоположны эгоизму; они предполагаютъ въ человѣкѣ способность забывать свое личное узкое я, погружаясь въ созерцаніе вѣчной красоты различныхъ высокихъ идеаловъ и идей человѣчества. Религія, снабжающая человѣчество высокими идеалами этики и высокимъ принципомъ первоначальной вѣчной Истины, вмѣстѣ съ тѣмъ зарождаетъ въ душѣ людей стремленіе воплощать все доброе, прекрасное, истинное въ тѣхъ или иныхъ объективныхъ формахъ.

Тѣсная связь эстетической стороны въ человѣчествѣ съ религіей легко можетъ быть прослѣжена на народностяхъ, историческая жизнь которыхъ известна намъ болѣе или менѣе подробно. Мы еще вернемся къ этому, когда будемъ говорить, въ отдѣлѣ о воспитаніи чувствъ, о развитіи эстетической стороны въ человѣкѣ.

Здѣсь же необходимо было упомянуть о тѣсной связи, существующей между религіей и эстетикой, потому что при этомъ необходимость знакомить дѣтей съ прекрасными, религіознаго содержанія, произведеніями искусства является вполне логичной и цѣлесообразной. И такъ какъ въ преподаваніи религіи, какъ мы говорили выше, долженъ быть допущенъ полный націонализмъ, то особенно желательно бы было, чтобы молодежь наша эмпирически, какъ

можно полнѣе, познакомилась и съ нашей замѣчательной церковной музыкой и съ особенностями нашей церковной живописи.

Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ также познакомить подростящую молодежь, хоть вкратцѣ, съ историческимъ ходомъ развитія церковной музыки на западѣ Европы и у насъ; указать имъ до какой уродливой искусственности и безвкусицы дошла церковная музыка въ католическихъ церквахъ; указать, что это направленіе музыки было до того уродливо, что отцы церкви ужасались и говорили объ этомъ на Тридентинскомъ соборѣ, бывшемъ въ половинѣ 16-го столѣтія и что одновременно съ этимъ сознаніемъ началось болѣе здоровое направленіе въ церковной музыкѣ католическаго міра, благодаря возрождающему вліянію Орlando ди Лассо по сю сторону Альпъ и Палестрины по ту. Дальнѣйшее оздоровленіе церковной музыки католическаго міра произошло подъ вліяніемъ Лютера и реформации, а затѣмъ подъ вліяніемъ работъ Генделя и Себастіана Баха, родившихся въ одинъ и тотъ же 1685 годъ; тогда какъ Орlando ди Лассо и Палестрина оба умерли тоже въ одинъ и тотъ же 1594 годъ.

Въ нашей церковной музыкѣ никогда не было такого періода безвкуснаго и уродливаго искусничанья, какъ въ музыкѣ католической церкви и потому совершенно понятно и естественно, что религіозная музыка нашей православной церкви представляетъ такую своеобразную и совершенно естественную величавую красоту, до которой еще далеко церковной музыкѣ католическаго міра, до сихъ поръ неразрывно связанной со свѣтской музыкой.

То же самое стремленіе къ своеобразной строгой, *не сентиментальной* красотѣ замѣчается и въ церковной православной живописи и это вполне естественно, такъ какъ въ православно-русскомъ мірѣ особенно живо живетъ сознаніе о несовмѣстимости міра высокихъ религіозныхъ идеаловъ красоты съ представленіями мірскими.

Такъ какъ возрастъ отъ 8 до 16 лѣтъ долженъ быть посвященъ на развитіе въ дѣтяхъ дѣятельной и живой связи съ тѣмъ народомъ, къ которому они суждены принадлежать, среди котораго они суждены жить и дѣйствовать, то въ это время я бы считала безусловно необходимымъ дѣятельно ознакомлять ихъ съ разнообразными обрядами и обычаями православной церкви и въ виду этого

необходимо частое посѣщеніе церкви, соблюденіе различныхъ церковныхъ праздниковъ такъ, какъ это дѣлается въ самомъ народѣ.

Такъ напр. убранство комнатъ зеленью и цвѣтами въ день Св. Троицы я считаю безусловно необходимымъ такъ же, какъ и соблюденіе различныхъ обычаевъ, соединенныхъ съ вербнымъ воскресеніемъ, хотя бы даже шутливые удары вербой вѣткой по утру съ приговорами. «Не я быю, верба бьетъ» и т. д. Точно также не надо лишать дѣтей удовольствія принести домой заженную свѣчу послѣ чтенія 12 Евангелій; надо приучать ихъ въ прощенный день, наканунѣ Великаго Поста, просить прощенія у родныхъ, у товарищей и у прислуги, при чемъ у нихъ въ свою очередь тоже просятъ прощенія; надо приучать ихъ въ опредѣленные дни обязательно молиться за усопшихъ и при томъ не только за усопшихъ родныхъ и знакомыхъ, но за усопшихъ вообще. При этомъ очень полезно было бы приучать молодежь упоминать въ своихъ молитвахъ имена умершихъ народныхъ героевъ, пожертвовавшихъ своею жизнью за отечество; а также имена любимыхъ ими особенно писателей и т. д.

Все это укрѣпляетъ и будитъ въ дѣтяхъ сознаніе о ихъ принадлежности къ одной общей народной, а затѣмъ и къ общечеловѣческой семьѣ.

Не надо также забывать, что разнообразные народные обычаи и національно-религіозные обряды особенно доступны бываютъ впечатлительной поэтической душѣ подростящей молодежи и оставляютъ въ ней на всю жизнь неизгладимые слѣды. Гёте, этотъ великій художникъ и мыслитель, отлично уловилъ эту черту и потому то онъ и описываетъ намъ, какъ Фаустъ, рѣшившійся отравиться, былъ удержанъ отъ исполненія своего страшнаго намѣренія единственно только пасхальнымъ звономъ колоколовъ, напомнившимъ ему его дѣтство и пѣніемъ «Христосъ Воскресе», доносившимся къ нему изъ церкви.

Und doch, an diesen Klang von Jugend auf gewöhnt
Ruft er auch jetzt zurück mich in das Leben...
Erinn'ung hält mich nun mit kindlichem Gefühle
Vom letzten, ersten Schritt zurück.
O, tönet fort, Ihr süßen Himmelslieder!
Die Thräne quillt, die Erde hat mich wieder.

Прежде, чѣмъ покончить съ настоящей главой, я должна еще сказать нѣсколько словъ о болѣе или менѣе сильной наклонности отроковъ и отроковицъ къ мистическому настроенію. Переходные критическіе годы формировки обыкновенно бываютъ легко доступны всякаго рода мистицизму, а, слѣдовательно, также и вліянію романтизма въ поэзіи и искусствѣ. Разумное воспитаніе должно имѣть въ виду эту особенность пограничныхъ съ юношествомъ отроческихъ лѣтъ и зорко слѣдить затѣмъ, чтобы живое религіозное чувство, развиваемое въ подростающей молодежи не приняло нездороваго мистическаго оттѣнка.

Хорошимъ средствомъ противъ этого является, конечно, прежде всего поддержаніе здороваго состоянія тѣла и духа, а, слѣдовательно, и устраненіе всего того, что обуславливаетъ чрезмѣрное, какъ физическое, такъ и психическое утомленіе. Вслѣдствіе этого посѣщеніе различныхъ богослуженій должно быть всегда такъ обставлено, чтобы дѣти не могли переутомляться; точно такъ же и соблюденіе постовъ должно быть допускаемо только съ извѣстною осторожностью, какъ объ этомъ подробно будетъ сказано у насъ въ отдѣлѣ, посвященномъ физическому воспитанію.

Итакъ физическое здоровье можетъ сдѣлать многое противъ увлеченія мистицизмомъ, но еще бѣльшее можетъ сдѣлать вѣрный тактъ законоучителя; но это, какъ и всѣ вопросы, требующіе такта, должно быть, конечно, представлено личному чутью, личному благоусмотрѣнію преподающихъ и воспитывающихъ лицъ.

Глава третья.

О религіозномъ воспитаніи до полного окончанія университетскаго образованія.

Въ первой главѣ настоящаго отдѣла мы старались установить, что въ первыя восемь лѣтъ жизни слѣдуетъ главнымъ образомъ стараться пробудить въ душѣ дѣтей живое религіозное чувство и привычку во всѣхъ затруднительныхъ положеніяхъ и во всѣ тяжелыя минуты жизни искать поддержки и утѣшенія въ молитвѣ.

При этомъ, чтобы не ослаблять надлежащаго развитія этого религіознаго чувства слѣдуетъ, какъ мы видѣли, устранять изъ узкаго кругозора дѣтскаго сознанія всѣ тѣ факты и явленія, которыя служатъ прямымъ указаніемъ на различія и рознь, существующія между разнообразными вѣроисповѣданіями христіанской религіи. Это необходимо потому, что всякое чувство плохо вяжется съ анализомъ логической мысли и подобнаго рода анализъ оказывается тѣмъ вреднѣе и опаснѣе для чувства, чѣмъ оно бываетъ моложе и непривычнѣе данному человѣку. Между тѣмъ сравненіе различныхъ вѣроисповѣданій христіанской религіи, по необходимости, должно пробуждать къ дѣятельности аналитическую мысль.

У дѣтей, моложе 8 лѣтъ, аналитическая мысль бываетъ, конечно, очень слабо развита; но тѣмъ не менѣе она уже существуетъ и благодаря именно тому, что она располагаетъ лишь незначительнымъ ассоціаціоннымъ матеріаломъ, она отличается гораздо большею прямолинейностью и рѣшительностью, нежели подобная же мысль взрослыхъ людей. Вслѣдствіе этого каждое, даже самое легкое сомнѣніе, за-

павшее въ душу ребенка и принятое имъ безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, именно вслѣдствіе скудости всего психическаго содержанія и ассоціаціонныхъ связей, можетъ пріобрѣсти въ его сознаніи совершенно несвойственное ему значеніе. Въ виду этого дѣтей надо тщательно оберегать отъ всякаго не только сомнѣнія, но даже и отъ каждаго, хотя бы даже и частичнаго, противорѣчія.

Первыя восемь лѣтъ должны быть посвящены, слѣдовательно, по отношенію къ преподаванію религіи на то, чтобы развивать въ дѣтяхъ одно только живое религіозное чувство. Не должно забывать, что какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлые народы и человѣчество вообще начинаютъ свое развитіе съ того, что управляются различнаго рода чувствами прежде, чѣмъ научатся руководиться сознательной логической мыслью. И замѣчательно, что въ видѣ различнаго рода чувствъ даже относительно еще очень малыя дѣти усваиваютъ и постигаютъ такого рода глубокія проблемы, надъ которыми бесплодно трудятся нерѣдко даже лучшіе представители мысли въ человѣчествѣ.

Своеобразная прелесть дѣтей и такъ наз. непосредственныхъ натуръ состоитъ именно въ томъ, что онѣ, подобно примитивнымъ племенамъ мыслятъ, такъ сказать, чувствами и, какъ бы по вдохновенію свыше, отгадываютъ какимъ то чутьемъ то, что для насъ—людей логическихъ сужденій и выводовъ—является лишь трудно разрѣшимой или даже и вовсе недоступной задачей.

Для примѣра упомяну хоть о томъ, что мнѣ случалось видѣть дѣтей, которыя, не умѣя еще какъ слѣдуетъ говорить, какимъ то чувствомъ отгадывали всю непозволительность подвергать другихъ людей опасности ради нашего удовольствія и развлеченія. Я никогда не забуду сцены, разыгравшейся на моихъ глазахъ въ зоологическомъ саду, около слона, который во время своихъ представленій долженъ былъ ставить свою гигантскую лапу на грудь распростертаго на землѣ человѣка. Всѣ взрослые смотрѣли съ невозмутимымъ бездушнымъ любопытствомъ на эту сцену, которая внезапно была прервана пронзительнымъ крикомъ маленькой дѣвочки мѣсяцевъ 18, сидѣвшей на рукахъ няни и своимъ своеобразнымъ говоромъ объяснявшей, что слону «нельзя» ставить лапу на грудь человѣка. Напрасно няня и самъ распростертый на землѣ вожакъ слона успокаивали ребенка; онъ продолжалъ плакать и криками требовать

прекращенія этого, возмущившаго его чувства, представленія. Такъ какъ самое представленіе производилось по приказанію родителей дѣвочки, то желаніе ея было уважено и слонъ сталъ продѣлывать только тѣ штуки, которыя не грозили никакой опасностью для его жоака.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще вовсе почти не обращали вниманія на эту способность мыслить чувствами; а между тѣмъ въ этомъ только мы и можемъ найти объясненіе многихъ загадочныхъ фактовъ, какъ въ жизни первобытныхъ народовъ, такъ и въ жизни нашихъ дѣтей. Намъ придется еще говорить объ этомъ подробно въ отдѣлѣ настоящаго сочиненія, посвященномъ вопросу о воспитаніи чувствъ и воли; но здѣсь я должна упомянуть только еще о томъ, что если бы люди не имѣли этой возможности руководиться чувствами и уяснить себѣ при помощи ихъ различныхъ сторонъ жизни въ то время, когда логическая мысль находится у нихъ еще въ совершенно, такъ сказать, неразвитомъ, зачаточномъ состояніи, то мы никогда бы не могли встрѣтиться съ явленіями совѣсти у совершенно невѣжественныхъ, первобытныхъ субъектовъ или у маленькихъ дѣтей.

Благодаря этой способности людей мыслить, такъ сказать, чувствами, наши маленькія дѣти оказываются способными не только воспринимать даже высокое религіозное чувство, а также и разнообразныя этическія, эстетическія и до извѣстной степени также и интеллектуальныя чувства, но и составлять себѣ, на основаніи ихъ, понятіе о Всемогущемъ, Вездѣсущемъ Богѣ, отечески любящемъ и защищающемъ ихъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно будетъ, почему религіозное воспитаніе дѣтей до 8 лѣтъ должно состоять главнымъ образомъ изъ развитія религіознаго чувства и неразрывно связанныхъ съ ними этическихъ и эстетическихъ чувствъ. Связь этихъ чувствъ настолько тѣсна, что при первыхъ же проблескахъ религіознаго чувства у нашихъ дѣтей, мы легко можемъ наблюдать въ нихъ и первые проблески этики и эстетики. Впрочемъ, это и не могло быть иначе, разъ человѣческое существо сознаетъ, что каждое движеніе его души, каждый его поступокъ имѣетъ всегда своимъ свидѣтелемъ Вездѣсущаго, Всевѣдущаго Бога. При этомъ естественно является желаніе поступать и думать даже такъ, чтобы не за что было стыдиться и боятъ-

ся и, слѣдовательно, человѣкъ начинаетъ уже различать между зломъ и добромъ, а это и служить источникомъ развитія этическихъ чувствъ. Въ то же время необходимымъ образомъ должны зародиться и эстетическія чувства, такъ какъ все злое и дурное является въ то же время и уродливымъ, а все доброе, напротивъ того, прекраснымъ и привлекательнымъ. Не даромъ же принципъ всякаго зла, т. е. такъ называемая нечистая сила, демонъ или дьяволъ всегда и у всѣхъ народовъ изображается, какъ можно уродливѣе.

Признавъ разъ, что первыя восемь лѣтъ являются, по преимуществу, тѣмъ временемъ, когда каждый изъ насъ живетъ чувствами, мыслить чувствами, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ важное значеніе примѣра, окружающей обстановки или среды въ эти годы.

Чувствамъ, какъ бы высоки, какъ бы интеллектуальны они ни были, невозможно научить путемъ словесныхъ убѣжденій и наставленій и тѣмъ болѣе это невозможно по отношенію къ дѣтямъ, такъ какъ дѣти усваиваютъ себѣ чувства гораздо быстрѣе словесной рѣчи, а потому вліяніе рѣчи всегда надо подкрѣплять по отношенію къ дѣтямъ своимъ собственнымъ примѣромъ.

Такимъ образомъ мы не только возобновили въ памяти своей то, что было высказано нами о религіозномъ воспитаніи въ теченіи первыхъ 8 лѣтъ, но и указали здѣсь тѣ мотивы, которые побудили насъ настаивать на необходимости, при религіозномъ воспитаніи дѣтей, развивать прежде всего религіозное чувство и переходить къ интеллектуальной сторонѣ религіознаго воспитанія только послѣ этого предварительнаго развитія религіознаго чувства. Теперь мы постараемся возобновить въ памяти нашей то, что именно должно составлять главную особенность религіознаго воспитанія съ 8 до 16 лѣтъ.

Подростающая молодежь въ эти годы уже оказывается вполне готовою къ тому, чтобы начать руководиться не одними только чувствами, но и отчетливой логической мыслью. Соотвѣтственно съ этимъ она оказывается также вполне доступной вліянію словеснаго слова и вслѣдствіе этого въ эти годы должно именно идти, какъ историческое повѣствовательное, такъ и догматически—дидактическое преподаваніе того христіанскаго вѣроисповѣданія, къ которому дѣти принадлежатъ по условіямъ своего рожденія. Въ виду этого школьные годы являются именно тѣмъ

временемъ, когда необходимо бываетъ ввести націонализмъ въ преподаваніе религіи, такъ какъ умъ человѣка въ противоположность чувству не можетъ довольствоваться широкими и общими до исчезанія всякой опредѣленности понятіями; уму человѣческому нужны точно опредѣленные представленія, понятія, идеи, на которыя онъ могъ бы опираться, которыя онъ могъ бы анализировать, комбинировать, сопоставлять по желанію и затѣмъ творчески создавать изъ нихъ новыя понятія, представленія, новыя сужденія. Умъ человѣческій немислимъ безъ этого неудержимаго стремленія къ точности и опредѣленности—въ этомъ его сила и величіе, но въ этомъ же и всѣ его ошибки и недостатки.

Дѣйствительно легко понять, что умъ человѣческій, роковымъ образомъ стремящійся все анализировать, все опредѣлять, тѣмъ самымъ зачастую ведетъ къ тому, что люди за изученіемъ частныхъ и подробностей перестаютъ видѣть и понимать общее и существенное. Это случается тѣмъ легче, чѣмъ слабѣе бываетъ развитъ въ томъ или иномъ человѣкѣ законъ причинности и непосредственно связанный съ нимъ элементъ вѣры.

Вслѣдствіе только что указанной особенности ума мы и видимъ, что люди, желающіе допускать только то, что такъ или иначе опредѣлено, точно проанализировано, отличаются зачастую особою сухостію и ограниченностію всего ихъ психическаго міра. Эти нежелательныя качества выступали бы еще рѣзче, если бы въ каждомъ человѣкѣ не имѣлось живительныхъ потоковъ разнообразныхъ чувствъ, которыя, проносясь болѣе или менѣе глубоко подъ поверхностію сознательной мозговой жизни въ безконечныхъ тайникахъ безсознательнаго психическаго міра, все снова и снова оживляютъ, освѣжаютъ и питаютъ слишкомъ сухую область всерасчленяющаго, всеопредѣляющаго ума. Чувства человѣческія, особенно интеллектуальнаго, этического и эстетическаго порядка, являются въ психической жизни человѣчества настоящими родниками живой воды, все снова и снова оживляющихъ міръ сухой и точной мысли, теряющейся среди своихъ мелочныхъ и безконечныхъ опредѣленій, діалектическихъ тонкостей и ухищреній.

Въ виду этого важнаго значенія чувствъ я и настаивала во второй главѣ на томъ, чтобы преподаваніе религіи, историческое и догматическое, сопровождалось бы, насколько

возможно, эстетическими элементами, будящими чувства въ человѣческой душѣ, а также и всѣмъ тѣмъ, что можетъ развити высоко этическое чувство любви къ ближнему.

Ознакомившись съ тѣми основами, которыя должны руководить преподаваніемъ религіи, какъ въ первые восемь лѣтъ, такъ и въ послѣдующій восьмилѣтній періодъ жизни, мы должны теперь остановиться на вопросѣ о томъ, какъ именно слѣдуетъ располагать религіозное воспитаніе въ послѣдующіе пять, шесть или восемь лѣтъ.

Въ первый восьмилѣтній періодъ религіозное воспитаніе должно было, главнымъ образомъ, состоять изъ развитія религіознаго чувства; затѣмъ въ послѣдующій восьмилѣтній школьный періодъ оно должно было имѣть въ виду требованія ума и, слѣдовательно, подростающая молодежь должна была быть снабжена тѣми фактами и знаніями, которыя доставляютъ въ каждомъ вѣроисповѣданіи необходимый для дѣятельности ума матеріалъ.

Наконецъ, когда подростающая молодежь достигаетъ болѣе зрѣлаго возраста долженъ начаться третій и послѣдній періодъ религіознаго воспитанія, въ значительной части своей приходящійся на годы, проводимые молодежью въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ.

Мы говорили уже, что въ первые два періода религіознаго воспитанія надо стараться пробуждать въ душѣ молодежи живую любовь къ ближнимъ, но при этомъ въ первые восемь лѣтъ эта любовь должна быть развиваема въ общемъ, ко всѣмъ людямъ безъ различія; тогда какъ въ послѣдующій школьный періодъ уже слѣдуетъ выяснять дѣтямъ ихъ ближайшія обязанности по отношенію къ людямъ одной съ ними національности.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, та ширь, которая присуща чувствамъ, замѣняется во время школьнаго періода болѣе узкими, но зато болѣе опредѣленными цѣлями.

Это вполне соотвѣтствуетъ и естественному ходу психическаго развитія челоѣка, потому что съ восьмилѣтняго возраста мышленіе чувствами отстываетъ все болѣе и болѣе на задній планъ, а мѣсто его все болѣе и болѣе занимаетъ разсудочная дѣятельность ума. Вслѣдствіе этого у дѣтей школьнаго возраста наблюдается особенная наклонность къ реализму, господство котораго прерывается и нарушается только той сильной волной чувствъ, которая поднимается въ молодыхъ организмахъ въ критическіе годы формировки,

т. е. въ тѣ годы, когда отроки достигаютъ пограничной линіи, отдѣляющей ихъ отъ юношескаго возраста. Въ эти переходные годы, подъ вліяніемъ вспыхивающихъ въ подростающей молодежи чувствъ, она становится склонной къ мечтательности, къ увлеченію романтизмомъ, мистицизмомъ и всѣмъ таинственнымъ вообще.

Разумно проводимое религіозное воспитаніе должно противодѣйствовать чрезмѣрному преобладанію этихъ новыхъ смутныхъ чувствъ и порывовъ къ чему то неизвѣстному, таинственному и потому оно и должно быть, по возможности, болѣе конкретнымъ и разсудочнымъ. Въ это время изученіе пространнаго катехизиса является, какъ нельзя болѣе умѣстнымъ.

Но эти переходные годы проходятъ, наконецъ, и вмѣсто мечтательныхъ, наполненныхъ смутными чувствами и порывами отроковъ, воспитателю приходится теперь имѣть дѣло съ кипучимъ дѣятельностію юношескимъ возрастомъ. При этомъ прежде всего не должно забывать, что бывшіе еще такъ недавно дѣтями становятся теперь почти сразу взрослыми и знакомятся со всѣми тѣми страстями, которыя вносятъ и новыя искушенія и новые мотивы для развитія эгоистическихъ стремленій въ обиходъ ихъ психической жизни.

Въ этотъ періодъ религіозное воспитаніе должно дать молодежи нѣчто большее и высшее, что могло бы служить ей въ качествѣ руля въ ея борьбѣ съ постоянно осаждающими ее искушеніями, съ постоянно волнующими ее страстями. Въ этотъ періодъ религіозное воспитаніе должно ознакомить, освоить молодежь съ основнымъ духомъ христіанской религіи, требующимъ полнаго отреченія отъ какого бы то ни было эгоизма и соотвѣтственно съ этимъ требующимъ полной готовности жертвовать всѣмъ, даже жизнію, ради истины, ради идеи.

Религіозное воспитаніе этого періода должно, если не осуществить, то, по крайней мѣрѣ, приготовить, то «рожденіе свыше, отъ духа», о которомъ говорилъ Господь Іисусъ Христосъ Никодиму, прибавляя: «Рожденное отъ плоти есть плоть; а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше». (Еванг. отъ Іоанна гл. 3, 5—7).

Если религіозное воспитаніе втораго восьмилѣтняго періода должно имѣть въ виду главнымъ образомъ разсудочную сторону ума, то религіозное воспитаніе третьяго

восьмилѣтняго періода должно, напротивъ того, имѣть въ виду ту высшую потенцію человѣческаго ума, которую мы привыкли обозначать словомъ разумъ и которая уноситъ бѣдное, слабое человѣчество въ безконечный и вѣчный міръ высокихъ отвлеченныхъ понятій, идеаловъ и трансцендентальныхъ идей.

Прежде, чѣмъ продолжать наше изложеніе, мы должны, конечно, остановиться нѣсколько времени на значеніи разума, а, слѣдовательно, и на его различіяхъ съ разсудкомъ. Разница эта признавалась уже давно и точно также давно философы различныхъ временъ и школъ признавали, что разумъ составляетъ главное отличіе человѣка отъ животныхъ. Такъ смотрѣли на дѣло и Лейбницъ и Локкъ и многіе другіе. То же самое имѣлъ, очевидно, въ виду и Платонъ, говоря, что жизнь большинства людей проходитъ, какъ бы во снѣ и что только философъ-мыслитель пытается жить, бодрствуя.

Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и разсудокъ и разумъ представляютъ собою въ сущности двѣ стороны человѣческаго ума и потому, какъ тотъ, такъ и другой дѣйствуютъ въ сущности на основаніи одного и того же закона причинности; но только разсудокъ производитъ свои операціи надъ реальными, такъ сказать, ощущеніями и представленіями, тогда какъ разумъ распоряжается только тѣмъ, что уже имѣется въ готовомъ видѣ въ душевномъ мірѣ человѣка и, соединяя все схожее въ общія группы, получаетъ въ результатъ болѣе или менѣе общія и отвлеченныя понятія, идеи, идеалы, но все на основаніи закона причинности, вслѣдствіе чего всѣ подобныя понятія и идеалы служатъ въ томъ или другомъ отношеніи лишь обозначеніемъ причины.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы дѣятельность разума представляла собою лишь явленіе болѣе поздняго развитія человѣческихъ существъ. Нѣтъ, разумъ бываетъ дѣятеленъ даже на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ развитія человѣческаго ума, хотя, конечно, понятія, создаваемые имъ, оказываются тѣмъ уже и тѣмъ менѣе опредѣленными, чѣмъ скуднѣе и ограниченнѣе бываетъ число употребленныхъ на построеніе ихъ ощущеній и представленій.

Вѣрность нашего положенія доказывается, между прочимъ, тѣмъ хорошо установленнымъ фактомъ, что у первобытныхъ народовъ уже встрѣчаются, хотя бы и смутныя по-

нятія о божествахъ. На то же самое указываетъ и тотъ фактъ, что слово, обозначающее *незнакомца*, оказывается у дикарей также и обозначающимъ *врага*, очевидно, вслѣдствіе того, что ихъ жизненный опытъ научилъ ихъ вездѣ ожидать скорѣе встрѣтить *зло*, нежели *добро* и соотвѣтственно съ этимъ не только каждый незнакомецъ, но и неизвѣстныя, непонятныя имъ божества представляются имъ всегда злыми, а потому они и не умѣютъ молиться имъ, такъ какъ для молитвы нужна прежде всего вѣра въ милость и доброту Того, кому молишься.

Во всякомъ случаѣ указанные понятія о божествѣ, о злѣ, о враждебности всего незнакомаго уже требуютъ обобщающей дѣятельности разума. На то же самое указываетъ и распространенное между дикарями убѣжденіе, что различныя болѣзни и страданія ихъ обусловливаются различными своеобразными духами. Наконецъ на дѣятельное состояніе разума указываютъ также и различные обычаи и символы, существующіе у первобытныхъ народовъ, потому что и обычаи и символы являются, какъ мы убѣдимся въ этомъ ниже, выраженіемъ разнообразныхъ понятій и идей, невысказанныхъ безъ дѣятельности разума.

Само собою разумѣется, что развитіе разума представляетъ все же нѣкоторое запаздываніе сравнительно съ развитіемъ разсудка. Такъ, напр., у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ имѣются названія и для чернаго дуба и для бѣлаго дуба, и для краснаго дуба; но общаго названія для всѣхъ дубовъ не существуетъ и точно такъ же не существуетъ общаго обозначенія для всѣхъ деревьевъ вообще, вродѣ нашего дерева. То же отсутствіе общаго понятія дерева, или растенія, или животнаго замѣчено было и у Тасманійцевъ и у Короадовъ въ Бразиліи и соотвѣтственно съ этимъ отсутствіемъ понятій у нихъ замѣчается и отсутствіе словъ для обозначенія ихъ; потому что поскольку разумъ дѣйствуетъ на основаніи закона достаточной причины, постольку каждое вырабатываемое имъ понятіе получаетъ тотчасъ же и словесное обозначеніе.

На связь разума со словесной рѣчью указывалъ уже Гердеръ; но только онъ упустилъ изъ виду, что въ образованіи рѣчи участвуетъ также и разсудокъ и при томъ именно постольку, поскольку дѣятельность его идетъ на основаніи закона причинности. Конечно рѣчь, сложившаяся на основаніи дѣятельности одного разсудка, состоитъ изъ

болѣе или менѣе конкретных обозначеній различныхъ явленій, различныхъ представленій и въ образованіи ихъ нерѣдко принимаетъ дѣятельное участіе звукоподражаніе.

Подобнаго рода рѣчью, состоящей, главнымъ образомъ, изъ обозначеній конкретных предметовъ, обладаютъ, очевидно, какъ бушмены, такъ и арапагосъ Сѣверной Америки, относительно которыхъ извѣстно, что они не могутъ понимать своей словесной рѣчи въ темнотѣ, потому что для того, чтобы уразумѣть значеніе и связь произносимыхъ ими словъ имъ нужно видѣть производимыя при этомъ жесты и мимику говорящаго.

Разумъ, вводя въ рѣчь различныя общія понятія, вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ относиться къ рѣчи, какъ къ объекту изслѣдованія и при этомъ, группируя извѣстнымъ образомъ разнообразныя элементы рѣчи, онъ устанавливаетъ и между ними извѣстную причинную связь, вслѣдствіе чего являются опредѣленныя формы разстановки словъ и измѣнчивость ихъ окончаній, указывающія на взаимныя отношенія обозначаемыхъ ими понятій и представленій.

Кромѣ того, при обсужденіи замѣчаемаго въ развитіи разума запаздыванія, не должно упускать изъ виду, что это запаздываніе можетъ зависѣть также отъ недостаточной тонкой наблюдательности и отъ недостаточнаго обилія представленій. Такъ, напр., сѣверо-американскіе индѣйцы и другія подобныя племена не могли себѣ выработать понятія о дубѣ вообще или о соснѣ вообще, а тѣмъ болѣе о деревѣ или о растеніи вообще, очевидно потому, что ихъ ограниченное и слабое еще сознаніе совершенно бывало поглощено тѣми различіями, которые оно замѣчало въ различныхъ дубахъ и не имѣло силы замѣтить тѣхъ сходствъ, которыя существуютъ не только между разнообразными дубами, но и между деревьями вообще; а тѣмъ болѣе оно не могло замѣтить тѣхъ общихъ свойствъ, которыя дѣлаютъ изъ всевозможныхъ растеній одну общую группу.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, отсутствіе общихъ понятій, отсутствіе идей и идеаловъ можетъ зависѣть не столько отъ слабаго развитія разума, сколько отъ бѣдности и однообразія психическаго содержанія. Дайте только необходимыя данныя, необходимый матеріалъ, и разумъ тотчасъ-же проявитъ свою дѣятельность, не только созидая цѣлый міръ отвлеченныхъ понятій, идей, идеаловъ, но и

обуславливая появленіе цѣлаго міра высокихъ интеллектуальныхъ, эстетическихъ и этическихъ чувствъ.

Шопенгауеръ совершенно вѣрно указалъ уже, что чѣмъ болѣе общій, отвлеченный характеръ пріобрѣтаютъ понятія, тѣмъ больше и полнѣе оказывается и ихъ освобожденіе отъ всѣхъ условій времени и пространства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ всѣхъ условій нашего мимолетнаго и страдальческаго существованія на землѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ и слѣдуетъ искать объясненія того глубокаго, ни съ чѣмъ несравнимаго, наслажденія, которое испытываетъ каждый человѣкъ, погружаясь въ изученіе міра отвлеченныхъ идей и понятій или въ созерцаніе истины и красоты въ ихъ различныхъ проявленіяхъ. Ученый, предающійся изслѣдованію вѣчныхъ законовъ разнообразныхъ проявленій бытія, также какъ и художникъ, стремящійся уловить и воплотить идею вѣчно прекраснаго, бываютъ глубоко счастливы въ минуты своей творческой дѣятельности именно потому, что, погружаясь въ міръ высокихъ, внѣ времени и пространства находящихся, понятій, идей и идеаловъ, они сами на это время освобождаются отъ всѣхъ условій земнаго существованія и чувствуютъ себя тоже витающими внѣ времени и пространства, среди вѣчныхъ истинъ, вѣчной красоты.

Конечно, есть люди, которымъ совершенно непонятны подобныя чисто интеллектуальныя наслажденія. Это бываютъ обыкновенно натуры, въ которыхъ несоотвѣтственно сильное преобладаніе получаетъ разсудочная сторона человѣческаго ума. Само собой разумѣется, что при такомъ исключительно разсудочномъ складѣ ума подобнымъ людямъ совершенно недоступны бываютъ всякія эстетическія чувства, а, слѣдовательно, имъ совершенно непонятны бываютъ, какъ цѣли, такъ и назначеніе искусства. Въ качествѣ нагляднаго поясненія только что сказаннаго можно напомнить читателямъ объ извѣстномъ французскомъ математикѣ, который, прослушавъ чтеніе Ифигеніи Расина, прехладнокровно спросилъ: «Qu'est ce que cela prouve?».

Зато люди, въ которыхъ до геніальности преобладаетъ разумъ, оказываются обыкновенно крайне ненаходчивыми и наивными въ практической жизни и большая часть ихъ при жизни съ полнымъ правомъ могла бы повторить слова ученаго Фауста:

Auch hab' ich weder Gut, noch Geld.
Noch Ehr' und Herrlichkeit der Welt.
Es möchre kein Hund so länger leben!

Единственно, что имъ удается получить отъ остальнаго человечества это — посмертное признаніе ихъ достоинствъ и поклоненіе и чтеніе ихъ памяти; тогда какъ люди разсудка приобрѣтаютъ всѣ блага міра во время земной своей жизни; зато потомъ — потомъ къ нимъ оказывается вполне примѣнимой слѣдующая нѣмецкая эпитафія, написанная на надгробномъ камнѣ около изображенія потухшей свѣчи.

Wann's aus ist, wird es offenbar.
Ob's Talglіcht, oder Wachslіcht war.

Платонъ выражаетъ въ сущности ту же мысль о своеобразныхъ свойствахъ разума, рассказывая намъ мифъ о темной пещерѣ. Люди, говоритъ онъ, которые внѣ мрачной пещеры видѣли свѣтъ настоящаго солнца и дѣйствительно существующія вещи (идеи Платона), теряютъ, при возвращеніи въ пещеру, свою способность видѣть въ ней что бы то ни было, потому что глаза ихъ отвыкли отъ темноты и они не могутъ болѣе хорошо различать тѣ тѣни предметовъ, которыя наполняютъ пещеру. Вслѣдствіе этого они дѣлаютъ цѣлый рядъ неловкостей и промаховъ, которые навлекаютъ на нихъ градъ насмѣшекъ со стороны другихъ людей, никогда не покидавшихъ пещеру и никогда не видавшихъ другихъ предметовъ кромѣ тѣхъ тѣней — предметовъ, которые наполняютъ мрачную пещеру.

Для лучшаго поясненія разницы существующей между двумя сторонами человѣческаго ума можно прибѣгнуть къ другому сравненію. Люди разума это суть тѣ, о которыхъ Клейстъ говоритъ, что ихъ ночная лампа освѣщаетъ весь земной шаръ,

«Die, deren nächtliche Lampe den ganzen Erball erleuchtet».

Шопенгауеръ настойчиво утверждаетъ, что разумъ, будто, функционируетъ независимо отъ закона причинности или достаточнаго обоснованія; но съ этимъ никакъ нельзя согласиться, хотя, конечно, при операціяхъ разума законъ причинности примѣняется въ иной формѣ, чѣмъ при операціяхъ разсудка. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ постоянно то или иное воплощеніе конечной или первичной причины, тогда какъ въ послѣднемъ, напротивъ того, мысль довольствуется указаніемъ ближайшаго повода. Ошибка Шопенгауера тѣмъ болѣе поражаетъ, что онъ совершенно вѣрно указалъ не только на апіористичность или врожденность закона при-

чинности, но также и на то, что даже воспріятія во времени и пространствѣ въ сущности слѣдуютъ закону причинности *) и казалось-бы, что, сознавая это основное и ни съ чѣмъ несравнимое значеніе закона причинности, Шопенгауеръ долженъ бы былъ понять, что разъ даже другіе два апіористично данные человечеству законы мышленія подчиняются закону причинности, то онъ долженъ быть именно тѣмъ закономъ, внѣ котораго нѣтъ никакой мысли, нѣтъ ни малѣйшей возможности психической жизни.

Законъ причинности это основной, коренной законъ всякаго мышленія и даже всякой психической жизни вообще; внѣ его немыслимы ни мысли, ни чувства, ни даже элементарныя ощущенія! Внѣ закона причинности возможны только явленія химіотаксіи, развивающіяся на основѣ химическаго сродства. Вслѣдствіе этого не только всѣ понятія, всѣ идеалы, но и всѣ идеи Платона или нумены Канта состоятъ въ сущности не изъ чего иного, какъ изъ продуктовъ закона причинности, стремящагося найти и понять конечныя или первичныя причины той или иной группы явленій.

Что заслуживаетъ особаго вниманія, такъ это связь разума съ цѣлымъ міромъ высокихъ интеллектуальныхъ, этическихъ и эстетическихъ чувствъ и притомъ замѣчательно, что чувства эти выступаютъ особенно рѣзко тамъ, гдѣ прерывается цѣпь отчетливыхъ понятій и идей. Однимъ словомъ, какъ скоро у человѣческаго разума не хватаетъ данныхъ для сознательной работы, такъ вступаетъ въ свои полныя права тотъ смѣлый полетъ чувства, который и великаго Ньютона, и гениальнаго Канта, и знаменитаго Дю Буа Реймона заставляетъ такъ же, какъ и неумѣющихъ еще мыслить малолѣтковъ вѣрить, глубоко вѣрить въ Господа Бога въ Его милость, въ безсмертіе человѣческой души и т. д. Тотъ же самый высокій полетъ чувства заставилъ и Ренана вернуться въ большей или меньшей степени къ тому, во что онъ вѣрилъ въ свои младенческіе годы и что онъ пытался отрицать, разсчитывая и полагаясь на такъ называемую точность науки, пока не убѣдился въ тщетности всѣхъ подобныхъ надеждъ. Ничто иное, какъ высшій полетъ чувства заставлялъ и поразительнаго по своей

*) См. мои лекціи о Сознаніи.

многосторонности и глубинѣ Гёте *) признавать безсмертіе человѣческаго духа.

И такихъ примѣровъ я могла бы привести множество; но и сказаннаго, я думаю, довольно для того, чтобы доказать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ высшее проявленіе человѣческаго ума, т. е. разумъ оказывается недостаточнымъ, тамъ снова начинается такъ называемое мышленіе чувствами, которое мы можемъ наблюдать и на необразованныхъ людяхъ и на маленькихъ дѣтяхъ. И какъ тамъ, такъ и тутъ это мышленіе чувствами открываетъ человѣчеству наиболѣе великія и глубокія истины.

Послѣ всего сказаннаго особенно понятными становятся намъ слѣдующія слова Господа Іисуса Христа: «истинно говорю вамъ, если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство Небесное». (Ев. отъ Матѳея гл. 18, 3).

Это мышленіе чувствами, при которомъ однимъ порывомъ, однимъ подъемомъ чувства человѣкъ прозрѣваетъ то, что оставалось недоступнымъ всѣмъ изслѣдованіямъ, всѣмъ анализамъ, всѣмъ обобщеніямъ человѣческаго ума и составляетъ сущность того явленія, которое люди замѣтили уже издавна и которое они называли *вдохновеніемъ*, при болѣе слабыхъ степеняхъ проявленія, и *откровеніемъ*, когда оно достигаетъ наивысшаго развитія. Только благодаря этой особенности человѣческаго духа, могущаго чувствомъ отгадывать то, что ему не дано еще постигнуть умомъ, великія истины христіанскаго ученія и оказываются доступными и дѣтямъ и необразованнымъ людямъ. Тертуліанъ говорилъ уже, что для познанія истинъ религіи не требуется особой учености; на то же самое указывалъ и Св. Августинъ и многіе отцы церкви.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что присущій человѣческому духу законъ причинности, побуждая человѣка все изслѣдовать, анализировать и, раздѣляя, соединять въ все болѣе и болѣе общія и отвлеченныя понятія и идеи, воплощающія въ себѣ найденныя человѣческимъ умомъ причинныя связи для цѣлаго безконечнаго ряда явленій, приближается въ конечномъ результатѣ къ смѣлому полету высокаго чувства для того, чтобы понять тѣ конечныя или

*) Гёте обыкновенно считается у насъ неисправимымъ язычникомъ, ни во что не вѣрующимъ и потому я считаю нужнымъ цитировать въ подтвержденіе моихъ словъ хоть слѣдующее мѣсто: «Unser Geist ist ein Wesen ganz unzerstörbarer Natur; er ist ein Fortwirkendes von Ewigkeit zu Ewigkeit» (Eckermann's Gespräche mit Goethe 2 изд. т. I стр. 154).

первичныя причины всего сущаго, которыя не поддаются ни изслѣдованію разсудкомъ, ни анализу, производимому разумомъ.

Послѣ всего сказаннаго намъ понятны будутъ и слова; поэта относительно того, что дѣтскій міръ чувствъ и настроеній отгадываетъ и осуществляетъ то, чего не видитъ разсудокъ умныхъ людей.

«Und was kein Verstand der Verständigen sieht,
Das übet in Einfalt ein kindlich Gemüth».

Послѣ всего сказаннаго намъ понятно будетъ и то, почему гениальные люди такъ часто отличаются особой дѣтскостію, наивностію; потому что мы уже знаемъ, что гений человѣческій всегда бываетъ связанъ съ особенно сильнымъ развитіемъ той стороны ума, которую мы обозначаемъ словомъ разумъ. Этотъ послѣдній между тѣмъ легко переходитъ въ то своеобразное мышленіе чувствами, которое свойственно также и дѣтямъ и безъ котораго человѣчество не можетъ постичь наиболѣе высокихъ истинъ, наиболѣе великихъ красотъ.

Послѣ всего сказаннаго о значеніи разума, я думаю, понятно будетъ насколько необходимо развивать и воспитывать эту сторону человѣческаго ума въ подростающей молодежи. Главное же орудіе для этого воспитатель имѣетъ въ религіозномъ воспитаніи, которое и должно въ теченіе третьяго восьмилѣтняго періода обращать особое вниманіе на эту сторону, развивая и укрѣпляя въ молодежи отвлеченное мышленіе, міръ общихъ понятій, идеаловъ и трансцендентальныхъ идей и тѣсно связанный съ ними міръ возвышенныхъ интеллектуальныхъ, этическихъ и эстетическихъ чувствъ.

Имѣя въ виду развитіе разума, воспитатель долженъ уяснить себѣ также органическую связь этой стороны человѣческаго ума съ разнообразными символами. Дѣло въ томъ, что разумъ человѣческій, вырабатывая разнообразныя болѣе или менѣе отвлеченныя понятія, нуждается, конечно, въ извѣстныхъ знакахъ для обозначенія и для объективированія ихъ, а также и для просеивованія ихъ во внѣшній міръ, при чемъ только и является возможность взаимнаго сообщенія этихъ продуктовъ разума другъ другу и возможность взаимной проверки данныхъ своего личнаго сознанія данными сознанія другихъ людей.

Такимъ образомъ является и складывается словесная человѣческая рѣчь; но въ виду ея ограниченности и несовершенства, она зачастую не можетъ удовлетворить человѣка и это наблюдается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рядомъ съ опредѣленнымъ понятіемъ или даже идеей требуется объектировать въ томъ-же звуковомъ знакѣ разнообразный и глубокий міръ человѣческихъ чувствъ.

Въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ изстари прибѣгаетъ къ различнаго рода символамъ, какъ вещественнымъ, такъ и не вещественнымъ, а состоящимъ изъ различнаго рода движеній, жестовъ, изъ различнаго рода звуковъ — восклицаній. Всевозможные амулеты, всевозможные фетиши также, какъ и различныя формы привѣтствій, прощаній, различныя народныя обычаи и обряды суть ничто иное, какъ именно символы, въ которыхъ человѣчество выражаетъ и воплощаетъ свои наиболѣе возвышенныя чувства, наиболѣе высокія мысли, не поддающіяся выраженію одними словами.

Каждый человѣкъ сознаетъ въ себѣ, хотя бы только минутами, присутствіе чего-то трансцендентальнаго, не поддающагося выраженію обыкновенными способами, выраженію словами и соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что и рожденіе, и всѣ главныя событія своей жизни и самую смерть всѣ народы земнаго шара, даже самые первобытные, обставляютъ извѣстными формальностями, извѣстными символами.

Извѣстный авторъ «Микрокосма» Лотце поэтому и говорилъ, что человѣкъ не можетъ ни надлежащимъ образомъ родиться, ни умереть, если около каждаго подобнаго акта не будутъ сгруппированы извѣстные символическіе приемы и обычаи, и это вполне естественно, потому что рожденіе каждаго новаго человѣка не есть какое-либо частное явленіе, а напротивъ того, оно представляетъ собою новый лишний шансъ, являющійся въ данномъ народѣ, а слѣдовательно, и во всемъ человѣчествѣ, для дальнѣйшей борьбы добра со зломъ, любви съ эгоизмомъ, и слѣдовательно рожденіе каждаго новаго человѣка даетъ человѣчеству лишнюю возможность одержать еще какую нибудь побѣду надъ ложью, зломъ и грѣхомъ, царящими въ мірѣ. Съ другой стороны, и каждая смерть человѣка является не простымъ разрушеніемъ и исчезновеніемъ, а освобожденіемъ безсмертнаго духа отъ стѣснительныхъ оковъ тѣла, и люди смутно сознаютъ

это, отгадывая чувствомъ то, чего не могутъ понять разсудкомъ и сообразно съ этимъ мы и видимъ, что у самыхъ первобытныхъ дикарей смерть окружаютъ уже опредѣленными символическими обычаями.

Христіанская религія, конечно, представляетъ намъ совершенно иное: ея ученіе, доступное и уму нашему, какъ и чувству, уясняетъ намъ великое значеніе смерти и обряды, которыми христіанскія вѣроисповѣданія окружаютъ различныя событія человѣческой жизни, уже имѣютъ глубокое интеллектуально-этическое значеніе; но тѣмъ не менѣе и тутъ нужны бываютъ символы для выраженія того, чего не передать словами.

Если вдумчиво отнестись къ нашей семейной и соціальной жизни, то очень скоро придется убѣдиться, что вся жизнь наша перевернута символами и все, чего мы добиваемся, чего ищемъ въ земной нашей жизни, оказывается въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ символами. Всѣ человѣческія почести, всѣ занимаемая нами положенія въ средѣ нашихъ ближнихъ суть ничто иное, какъ символы. Символы встрѣчаютъ насъ при рожденіи, символы наполняютъ всю нашу жизнь до могилы; изъ-за символовъ мы трудимся, мы боремся другъ съ другомъ и среди того же символизма мы отдаемъ нашъ послѣдній вздохъ. И все это вполне естественно и цѣлесообразно; потому что все лучшее, живущее въ душѣ человѣческой, слишкомъ высоко и обширно для того, чтобы быть выраженнымъ словами, и потому-то намъ и нужны символы въ виду неполноты, въ виду скудости нашей рѣчи.

«Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?» (Тютчевъ),

жалуется поэтъ.

Чтобы понять значеніе и силу символовъ, стоитъ, на примѣръ, вспомнить сколько геройскаго самоотверженія проявляло человѣчество около того или иного знамени, освященнаго скрытымъ въ немъ значеніемъ. Около различныхъ знаменъ различныхъ полковъ и народовъ люди, не задумываясь, проявляли, проявляютъ и будутъ проявлять самую возвышенную сторону человѣческой природы, то есть способность людей жертвовать всѣмъ, даже жизнью ради идеи долга... Человѣческіе символы — это, такъ сказать, лучшіе перлы и брилліанты въ коронѣ человѣчества на землѣ!

По мѣрѣ поступательнаго развитія человѣчества на землѣ число символовъ не только не уменьшается, но даже, напротивъ, все болѣе и болѣе увеличивается и въ тоже время и ихъ значеніе становится все болѣе глубокимъ, все болѣе возвышеннымъ. Это зависитъ отъ того, что созиданіе символовъ является прямымъ результатомъ дѣятельности разума, а этотъ послѣдній несомнѣнно развивается и крѣпнеть соотвѣтственно съ поступательнымъ ходомъ прогресса.

Чтобы наглядно представить себѣ всю разницу, существующую между разумомъ дикарей и современныхъ европейскихъ народовъ, стоитъ только вспомнить, что, напримѣръ, даже для понятія о смерти уже требуется, по совершенно вѣрному замѣчанію Шопенгауера, извѣстная сила абстракціи. Соотвѣтственно съ этимъ мы и видимъ, что, по заявленію Люббока, дикари не понимаютъ смерти въ качествѣ естественнаго конца жизни; въ ихъ міровоззрѣніи смерть всегда является чѣмъ-то насильственнымъ и противуестественнымъ. Народы, стоящіе на болѣе высокой ступени развитія, не только сознаютъ неизбежность смерти, но даже и олицетворяютъ ее въ видѣ скелета съ косою.

Тѣмъ на менѣе, однако, старый дикарь еще не совсѣмъ умеръ въ насъ и потому люди, по словамъ Боссюэ, съ одинаковой тщательностію спѣшатъ хоронить не только умершихъ, но и самыя мысли о смерти. Вслѣдствіе этого они постоянно забываютъ о смерти, несмотря на то, что она ежеминутно встрѣчается имъ и при томъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Прислушайтесь къ разговорамъ на похоронахъ и вы навѣрное очень скоро убѣдитесь, что въ большинствѣ случаевъ вездѣ только и раздаются выраженія удивленія по поводу данной смерти; какъ будто смерть не представляетъ собою самаго зауряднаго и естественнаго исхода.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что у первобытныхъ народовъ также, какъ и у дѣтей, отсутствуетъ понятіе о естественности смерти; далѣе мы видѣли, что у народовъ, выработавшихъ себѣ отвлеченное понятіе о смерти, появляется въ тоже самое время и стремленіе найти подходящий символъ, и въ результатѣ этого появляются представленія о скелетѣ съ косою въ рукахъ или потушенные и повернутые книзу свѣтильники, факелы и т. д.

Таже самая склонность чековѣческаго разума воплощать выработанныя имъ отвлеченныя понятія и идеи въ

тѣхъ или иныхъ образахъ, или формахъ наблюдается положительно по отношенію ко всѣмъ его пріобрѣтеніямъ и на эту особенность разума обращали вниманіе уже неоднократно многіе авторы, хотя бы напр. Юмъ, Кантъ, Шопенгауеръ и другіе. Эти формы и образы, въ которыхъ разумъ воплощаетъ свои понятія и идеи, Шопенгауеръ называлъ *представителями* понятій, Кантъ отождествлялъ ихъ со *схемами* чистаго разума, Аристотель доказывалъ, что безъ этихъ образовъ, безъ этихъ «фантазмъ» немыслимо никакое мышленіе и т. д.

Во всякомъ случаѣ это стремленіе разума воплощать и объективировать всѣ свои, даже наиболѣе отвлеченныя, понятія и идеи и послужило источникомъ образованія словесной рѣчи, съ одной стороны, и безчисленныхъ символовъ человѣческой жизни, съ другой. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и мнѣніе, защищаемое Шеллингомъ, что будто человѣческая рѣчь представляетъ собою ничто иное, какъ выпѣтшую мифологію и мнѣніе Тарда, увѣряющаго, что рѣчь человѣческая есть ничто иное, какъ вѣковой распадъ доисторическихъ фетишей и наивныхъ первобытныхъ религій.

Именно въ виду этой особенности человѣческаго разума всѣ наиболѣе отвлеченныя и высокія понятія свои воплощать въ тѣхъ или иныхъ образахъ, въ тѣхъ или иныхъ символахъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, очевидно, и избралъ для своихъ поученій форму притчъ, состоящихъ изъ символическихъ аллегорій. Эта форма Его Божественныхъ поученій и дѣлаетъ ихъ одинаково доступными и понятными для различныхъ степеней развитія человѣческаго ума; но въ тоже время, будучи понятными даже ребенку, великія истины ученія Христова оказываются настолько глубокими, что даже величайшіе умы находятъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей, новыхъ чувствъ и идей. И мы, при воспитаніи нашей подрастающей молодежи, должны постоянно имѣть въ виду примѣръ нашего Божественнаго Учителя, который является во тоже время и величайшимъ изъ педагоговъ. Вслѣдствіе этого, когда намъ приходится внушать подрастающей молодежи великія вѣчныя истины религіи, мы должны, по возможности, избѣгать громкихъ мудреныхъ словъ, а напротивъ того, стараться все облекать въ символическіе образы и аллегорическія сравненія, помня, что разумъ человѣческій для своей плодотворной

дѣятельности нуждается въ подобныхъ воплощеніяхъ и объективированіяхъ для своихъ наиболѣе отвлеченныхъ понятій и наиболѣе высокихъ идей.

Относительно обобщающихъ понятій ниспаго порядка, т. е. касающихся предметовъ, встрѣчающихся въ жизни, это оказывается ненужнымъ, очевидно, потому, что подобнаго рода понятія имѣютъ въ основѣ своей представленія реальныхъ предметовъ. Разница этихъ понятій отъ отвлеченныхъ идеаловъ и идей такъ велика, что нѣкоторые великіе мыслители, хотя бы напр. Платонъ, прямо отрицали возможность причислять общія понятія о различныхъ искусственно сдѣланныхъ человѣкомъ предметахъ къ одной группѣ съ отвлеченными понятіями и идеями о мірѣ Божіемъ, о природѣ и т. д. Подробнѣе объ этой коренной разницѣ понятій намъ придется говорить въ главѣ объ эстетическомъ воспитаніи, когда мы будемъ разбирать значеніе идеализма и реализма въ искусствѣ.

Послѣ всего сказаннаго о свойствахъ человѣческаго разума, а также послѣ указанной нами необходимости имѣть при религіозномъ воспитаніи юношества, въ возрастѣ отъ 16 до 24 лѣтъ, въ виду главнымъ образомъ разумъ, уже само собой вытекаетъ необходимость оставлять преподаваніе литургіи и богословія именно на этотъ періодъ. При этомъ необходимо давать воспитываемымъ полную возможность самостоятельности и потому надо не только поощрять вопросы со стороны учениковъ, но и кромѣ того устраивать родъ бесѣдъ между учащимися въ присутствіи и подъ руководствомъ законоучителя по различнымъ богословскимъ вопросамъ.

Такъ какъ преподаваніе религіознаго ученія той или иной христіанской церкви должно быть и въ этомъ воспитательномъ періодѣ также, какъ и въ предъидущіе, поставлено на совершенно особенныхъ основаніяхъ взаимной любви, взаимнаго довѣрія и снисхожденія, то ученики не имѣющіе никакихъ поводовъ опасаться дурныхъ отмѣтокъ или наказаній, будутъ откровенно высказывать и свое непониманіе и свое сомнѣніе, и законоучитель получитъ, такимъ образомъ, полную возможность руководить, просвѣщать и наставлять порученныя ему молодыя души, жаждущія прежде всего истины.

Пусть преподаватели другихъ наукъ и предметовъ ставятъ дурныя отмѣтки и подвергаютъ молодежь всевозмож-

нымъ взысканіямъ и наказаніямъ, пусть они возбуждаютъ въ молодежи чувства соревнованія и борьбы другъ съ другомъ. Это не мѣшаетъ, потому что всѣ они готовятъ подрастающую молодежь такъ или иначе къ предстоящей ей въ жизни *внѣшней* борьбѣ, къ борьбѣ съ окружающей ихъ человѣческой средой, во первыхъ, и со стихійными силами природы, во вторыхъ. Преподаваніе же христіанской религіи должно подготовить подрастающую молодежь къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою, къ внутренней борьбѣ со своимъ эгоизмомъ и съ неразрывно связанными съ нимъ грѣхомъ и ложью; а для внѣшняго окружающаго міра оно должно пробудить въ душѣ молодежи чувства горячей, всепрощающей любви и снисхожденія.

Въ виду этой разности преслѣдуемой цѣли и преподаваніе религіи также, какъ и неразрывно связанное съ нимъ религіозное воспитаніе должно быть поставлено на совершенно особыхъ основаніяхъ. Дѣти также, какъ и молодежь должны знать, что знаніе, основательное знаніе религіознаго ученія ихъ церкви для нихъ также безусловно необходимо, какъ и возможность пользоваться своими глазами для смотрѣнія и чтенія, или своими ногами для передвиженія. О томъ, что безусловно необходимо человѣку о томъ никто не споритъ, а каждый старается изо всѣхъ силъ имѣть необходимое; людей же, лишенныхъ этого необходимаго, никто не наказываетъ, а только жалѣетъ, какъ несчастныхъ обездоленныхъ уродовъ.

Система, возбуждающая соревнованіе учениковъ, система балловъ, наградъ и наказаній въ результатѣ всегда придаетъ отношеніямъ учениковъ и преподавателей воинствующій характеръ, вслѣдствіе чего подсказыванія, списыванія и всевозможныя ухищренія и уловки для полученія, такъ сказать, обманомъ, хорошей отмѣтки считается учениками не только нисшихъ и среднихъ, но даже и высшихъ учебныхъ заведеній вполнѣ возможными и позволительными. Даже молодые люди, сдающіе въ университетахъ послѣдніе экзамены, и тѣ прибѣгаютъ гдѣ могутъ къ подобнаго рода неблаговиднымъ приемамъ, тогда какъ ловкость экзаменаторовъ профессоровъ сказывается въ томъ, насколько они успѣшно умѣютъ парировать всѣ хитрости экзаменуемыхъ. Однимъ словомъ, преподаватели съ административнымъ начальствомъ нашихъ европейскихъ учебныхъ заведеній представляютъ собою одну изъ воинствующихъ сторонъ, а

ученики и студенты другую и тѣ и другіе слѣдуютъ правилу: «à la guerre comme à la guerre».

Изъ этого то воинствующаго положенія молодежи съ ихъ преподавателями и воспитателями слѣдуетъ во чтобы то ни стало исключить тѣхъ лицъ, которымъ поручается и довѣряется религіозное воспитаніе и преподаваніе христіанскихъ религій. Дѣти также, какъ и юноши старшихъ классовъ гимназій и университетовъ, должны всегда находить въ своихъ законоучителяхъ неизмѣнныхъ друзей и руководителей, а для этого прежде всего слѣдуетъ поставить религіозное преподаваніе внѣ всякаго соревнованія, внѣ всякихъ наградъ и наказаній. Оно должно быть выше всего этого.

Разъ молодежь будетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ и любовью къ своимъ законоучителямъ, то она, не колеблясь, станетъ спрашивать у нихъ совѣтовъ и объясненій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ душу ихъ закрадется сомнѣніе или недовѣріе къ какому бы то ни было факту или положенію, принимаемому и защищаемому церковью. Вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ положены серьезныя преграды распространенію того индифферентизма по отношенію къ вопросамъ религіи, который въ современномъ обществѣ является, къ сожалѣнію, господствующимъ. Этимъ будутъ положены преграды индифферентизму въ вопросахъ религіи, потому что люди не могутъ относиться индифферентно къ тому, надъ чѣмъ они много думали, много трудились и что стало вслѣдствіе этого неотъемлемой собственностью ихъ души. Но для того, чтобы опредѣленные представленія, понятія, идеи, чтобы опредѣленные мысли и убѣжденія стали неотъемлемой собственностью человѣка, требуется прежде всего и главнымъ образомъ, чтобы человѣкъ проявлялъ по отношенію къ нимъ самостоятельность своихъ психическихъ силъ, чтобы онъ не являлся пассивнымъ воспринимателемъ опредѣленныхъ правилъ и идей, выработанныхъ другими, хотя бы и несравненно болѣе умными людьми.

Законы, управляющіе физической жизнью, одинаковы по отношенію ко всѣмъ тканямъ и органамъ нашего тѣла, и потому каждый органъ можетъ дѣйствительно научиться надлежащимъ образомъ функционировать только путемъ самостоятельнаго упражненія, самостоятельной работы. Никому вѣдь и въ голову не придетъ обучать ребенка ходить или играть на рояли путемъ пассивно производимыхъ соотвѣтственныхъ движеній. Каждый знаетъ, что для того,

чтобы научиться тѣмъ или инымъ, необходимымъ для человѣка, движеніямъ, онъ необходимо долженъ производить ихъ самъ, повторяя ихъ безконечное число разъ, пока, наконецъ, эти движенія не приобрѣтутъ необходимой точности и силы, необходимаго совершенства и не станутъ вмѣстѣ съ тѣмъ неотъемлемой собственностью человѣка. Точно то же требуется и при развитіи различныхъ способностей и сторонъ душевной жизни человѣка. И потому то преподаваніе религіи должно быть обставлено такъ, чтобы страхъ дурной отмѣтки не удерживалъ подростокъ отъ откровенной бесѣды съ руководителемъ ихъ религіознаго воспитанія.

Нѣкоторые изъ авторовъ 18-го столѣтія жаловались на то, что въ университетахъ французскихъ того времени исчезло всякое единство. Они съ сожалѣніемъ и негодованіемъ указывали на полное разъединеніе различныхъ преподаваемыхъ въ университетахъ наукъ вслѣдствіе полного отсутствія одной объединяющей высокой идеи, которая могла бы связывать въ одно органическое цѣлое различные факультеты, превращая каждую науку, такъ сказать, въ одинъ изъ радиусовъ одного общаго круга, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ бы сходиться къ одному общему центральному пункту. Въ предъидущіе вѣка такимъ объединяющимъ звеномъ служила религія.

То, на что жаловались французскіе авторы 18-го столѣтія, стало теперь, къ сожалѣнію, общимъ явленіемъ, во всей Европѣ, во всѣхъ университетахъ. Вездѣ и повсюду разнообразныя науки преподаются на различныхъ факультетахъ такъ, какъ будто каждая изъ нихъ составляетъ что-то совершенно отдѣльное и объединенное, какъ будто каждая изъ нихъ можетъ всецѣло выполнять психическій міръ человѣка, не имѣя въ виду никакой общей цѣли, соединяющей всѣ науки, всѣ знанія человѣка въ одно общее, органическое цѣлое.

Такимъ образомъ мы и видимъ, что цѣлыя тысячи молодыхъ людей всецѣло отдаются изученію хотя бы, напр., одной химіи, или физики, и при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду условія, управляющія человѣческой жизнью на землѣ и въ мельчайшихъ подробностяхъ зная разнообразныя законы, управляющіе міромъ химическихъ или физическихъ явленій, они оказываются круглыми невѣждами по отношенію къ тѣмъ законамъ, которые опредѣ-

ляютъ, какъ здоровье ихъ собственнаго тѣла, такъ и нормальное развитіе ихъ душевной жизни, хотя казалось бы, что каждый человѣкъ долженъ прежде всего интересоваться тѣми условіями и законами, которые опредѣляютъ его собственное здоровье, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи.

Эта система спеціализаціи дошла въ современномъ обществѣ до такихъ поразительныхъ нецѣлесообразностей, что цѣлая поколѣнія врачей, посвящая цѣлыя пять лѣтъ жизни на изученіе различныхъ медицинскихъ наукъ, въ тоже самое время, за весь курсъ своего обученія, ни слова не слышатъ о нормальной душевной жизни человѣка, хотя при лѣченіи болящаго люда имъ постоянно приходится имѣть дѣло съ тѣми или иными расстройствами или неправильностями душевной дѣятельности. Нелогичность и нецѣлесообразность эта доходитъ въ современныхъ университетахъ и медицинскихъ высшихъ школахъ или академіяхъ даже до того, что ученые корпораціи профессоровъ считаютъ возможнымъ изучать науку о болѣзняхъ души (психіатрію) людямъ, которые ни слова не знаютъ о нормальной душевной жизни!

По отношенію къ другимъ органамъ тѣла, признается между тѣмъ необходимымъ первоначально ознакомиться съ ихъ нормальнымъ состояніемъ, а затѣмъ уже приступать къ изученію ихъ разнообразныхъ расстройствъ и болѣзней. И только человѣческая душа, психическій міръ человѣка изучается будущими врачами прямо въ его болѣзненныхъ ненормальныхъ проявленіяхъ! Что же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что сочиненія гг. психіатровъ представляютъ зачастую непозволительную путаницу разнообразныхъ психологическихъ понятій, какъ это и было уже указано мною на одной изъ моихъ лекцій, посвященныхъ сознанію.

Спрашивается теперь, чѣмъ именно обусловливается такая односторонность спеціализаціи? По отношенію къ отсутствію психологіи въ медицинскихъ школахъ и факультетахъ можно было бы предположить, или что господа представители медицинскихъ наукъ, на основаніи своего собственнаго опыта, пришли къ заключенію, что въ наше время невозможно встрѣтить вполне здоровую человѣческую душу, или что они до того увлеклись близорукимъ реалистическимъ направленіемъ, что преднамѣренно избѣгаютъ всего того, что заставляетъ человѣка обратить вниманіе на

его духовную сторону, а слѣдовательно и на его безсмертную душу. Но предполагая это по отношенію къ представителямъ медицинскихъ наукъ, что же скажемъ мы о такой же точно узкой спеціализаціи другихъ наукъ?

Если въ современномъ загонѣ такихъ наукъ, какъ психологія и философія и имѣло извѣстное значеніе увлеченіе реализмомъ и тѣсно связанными съ нимъ матеріализмомъ и атеизмомъ, то во всякомъ случаѣ это не было главной исходной причиной, а лишь послѣдовательными причинными моментами. Главная же коренная причина несомнѣнно заключалась въ томъ, что человѣчество, ослѣпленное тѣми успѣхами, которые ему удалось достигнуть въ различныхъ научныхъ областяхъ путемъ все большей и болѣе спеціализаціи, забыло въ этомъ отношеніи всякую мѣру и стало доводить раздробленіе спеціальностей до такой невозможной узости, при которой дифференцированіе различныхъ знаній уже перестаетъ быть полезнымъ, а; напротивъ, становится вреднымъ, потому что суживая мысль, ограничивая умственный горизонтъ человѣка, оно тѣмъ самымъ ослабляетъ въ немъ дѣятельность разума, ограничиваетъ развитіе закона причинности въ высшей потенціи и неразрывно связаннаго съ нимъ самосознанія человѣка и благопріятствуетъ несоотвѣтственно сильному преобладанію разсудочной стороны человѣческаго ума, которая и переходитъ въ механическое совершенство ремесленности.

Спеціализація по различнымъ не только наукамъ, но даже по различнымъ отраслямъ одной и той же науки достигла теперь такого сильнаго развитія, что она грозитъ человѣчеству большей опасностію даже, чѣмъ какой грозило раздѣленіе всего народа на опредѣленные наследственные касты. Опасность отъ чрезмѣрной спеціализаціи въ наукахъ грозитъ оказаться болѣе значительной для дальнѣйшаго развитія человѣчества, чѣмъ та, которую внесло въ жизнь населенія Индіи подраздѣленіе на касты во 1) потому, что раздѣленіе на касты ограничивало насильственно не столько внутреннее душевное развитіе человѣка, сколько его преимущества и права въ социальной средѣ; тогда какъ спеціализація научная урѣзываетъ и ограничиваетъ именно различныя стороны психической жизни человѣка. Принадлежа по рожденію къ кастѣ воиновъ или даже къ презираемой кастѣ паріевъ, каждый человѣкъ могъ все же развивать всѣ стороны своего духа равномерно, на-

сколько у него хватало на это силъ и способностей. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ, раздѣленіе на касты проводилось насильственно и вслѣдствіе этого возбуждало со стороны людей всевозможное противодѣйствіе, вызывало ихъ на борьбу; тогда какъ современная спеціализація производится каждымъ по добровольному выбору и, слѣдовательно, не возбуждаетъ ни противодѣйствія, ни негодованія.

Вредное вліяніе слишкомъ узкой спеціализаціи сказывается прежде всего на уменьшеніи числа образованныхъ людей, которое, по словамъ Лазаруса, стало особенно рѣзко сказываться за послѣднія 30 лѣтъ. Извѣстно также, что въ классической древности не было ни понятія, ни слова для обозначенія того, что мы теперь обозначаемъ выраженіемъ «образованность» (Bildung) также, какъ у людей того времени не было ни слова, ни понятія того, что мы называемъ теперь «сознаніе». На это одновременное отсутствіе двухъ такихъ разнородныхъ, повидимому, понятій, какъ сознаніе и образованность слѣдуетъ обратить хотя нѣкоторое вниманіе; но прежде всего при этомъ слѣдуетъ, конечно, выяснить себѣ, что именно подразумѣвается подъ словомъ «образованность», или «образованный». Значеніе слова «сознаніе» понятно каждому въ большей или меньшей степени, такъ какъ за послѣднія двѣсти лѣтъ эта сторона душевной жизни человѣка обратила на себя самое полное вниманіе и подверглась многимъ опредѣленіямъ и изслѣдованіямъ. Что же такое образованность? Немного надо думать для того, чтобы понять, что самыя глубокія и подробныя знанія какой бы то ни было науки вполнѣ совмѣстимы съ абсолютнымъ почти отсутствіемъ образованности. Можно знать отлично математику, физику, химию или медицину и въ то же время отличаться полнымъ отсутствіемъ образованности. Однимъ словомъ, можно быть знающимъ химикомъ, математикомъ или врачомъ, оставаясь въ то же время необразованнымъ человѣкомъ. Что же такое эта образованность?

Мы уже убѣдились, что основательныя, спеціальныя знанія одной какой либо науки вовсе не предполагаютъ присутствія также и образованности, слѣдовательно, можно быть специалистомъ ученымъ, не будучи образованнымъ человѣкомъ. Съ другой стороны, мы называемъ образованными людьми часто такихъ лицъ, которые вовсе не бываютъ учеными специалистами; но зато отличаются, такъ

сказать, разлитымъ знаніемъ, т. е. они обладаютъ болѣе или менѣе основательными свѣдѣніями изъ области различныхъ наукъ; а между представителями разнообразныхъ наукъ мы называемъ образованными тѣхъ, которые, рядомъ со спеціальными знаніями по той или иной наукѣ, обладаютъ также болѣе или менѣе основательными знаніями другихъ соприкасающихся и не соприкасающихся съ ихъ спеціальностью наукъ. Такъ, напр., медикъ, знающій кромѣ своей спеціальности еще также исторію медицины и исторію чело-вѣчества вообще, знающій психологію, статистику, химию и т. д., уже имѣетъ право быть признаннымъ образованнымъ человѣкомъ, образованнымъ врачомъ и образованность его бываетъ тѣмъ больше и тѣмъ глубже, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе его знанія изъ области остальныхъ наукъ.

Напротивъ того, чѣмъ больше спеціализируется врачъ на одной какой либо части медицины, тѣмъ больше становится его искусство въ качествѣ ремесленника и тѣмъ все меньше и меньше оказывается его образованность, и наконецъ, онъ можетъ достигнуть такой сильной чисто ремесленной спеціализаціи, что обладая полными знаніями относительно напр. однѣхъ только болѣзней глазъ, или горла, или ушей или носа и т. д., онъ ничего не будетъ знать о томъ, что дѣлается въ области не только другихъ далекихъ отъ медицины наукъ; но даже въ области сосѣднихъ, вспомогательныхъ, такъ сказать, наукъ. Мнѣ лично въ жизни привелось, напр., слышать, какъ ученый, готовившійся стать профессоромъ и писавшій микроскопическую работу былъ убѣжденъ, что *ахроматизмъ* стеколъ въ микроскопѣ можетъ обуславливаться вліяніемъ зеленыхъ занавѣсей, висѣвшихъ на окнѣ! Другой тоже несомнѣнно ученый мужъ высказалъ разъ публично убѣжденіе, что тучи идутъ *выше* мѣсяца! третій, наконецъ, въ печатной статьѣ назвалъ *бациллы* или *спираллы червями*! Четвертый, работавшій много надъ нервами и мышцами, ничего не зналъ объ азотномъ равновѣсіи, а, слѣдовательно, и объ условіяхъ питанія организма вообще и т. д.

Примѣры въ родѣ только что приведенныхъ доказываютъ только, что при сильной спеціализаціи основательныя знанія одной какой либо научной вѣтви могутъ существовать рука объ руку съ полнѣйшей необразованностью въ другихъ даже близкихъ научныхъ областяхъ. На вредное

вліяніе ремесленной спеціалізації въ наукѣ я уже указывала въ своей статьѣ «О Наукѣ и популяризації ея *)».

Такимъ образомъ мы видимъ, что подъ образованностію подразумѣвается въ сущности болѣе или менѣе равномерное усвоеніе главныхъ основныхъ истинъ различныхъ наукъ; при чемъ всѣ эти знанія должны быть ассоціированы съ опредѣленными, такъ сказать, центральными группами представленій, понятій и идей. Образованный ученый, все одно изъ какой бы науки ни состояла его спеціальность, долженъ, слѣдовательно, представлять намъ около центральной группы своихъ спеціальныхъ научныхъ знаній болѣе или меньшее число другихъ знаній, заимствованныхъ имъ изъ другихъ научныхъ областей и располагающихся концентрически, такъ сказать, около центрального ядра спеціальныхъ знаній, съ которыми они ассоціированы безконечнымъ числомъ разнообразныхъ путей, соотношеній и взаимныхъ связей. Мыслимо также, что образованный человѣкъ не обладаетъ подобной одной центральной и главенствующей группой спеціальныхъ знаній, а что въ его психическомъ мірѣ имѣется нѣсколько одинаково сильныхъ группъ знаній, подчерпнутыхъ изъ разнообразныхъ научныхъ областей. Такимъ образомъ мы видимъ, что и тутъ опять-таки мы наталкиваемся на тѣ же разнообразные типы психического склада, о которыхъ мы говорили выше, т. е., что въ однихъ случаяхъ имѣется одна монархическая преобладающая группа знаній, а въ другихъ имѣется ихъ нѣсколько совершенно равныхъ между собою.

Между тѣмъ выше мы уже отмѣтили тотъ фактъ, что аристократическій складъ психического міра, т. е. существованіе нѣсколькихъ одинаково сильныхъ группъ представленій, понятій и идей, въ которыхъ и суммируются въѣ всѣ наши знанія, оказывается менѣе выгоднымъ, какъ для самой личности, такъ и для общества, потому что подобный аристократическій складъ психического міра дѣлаетъ людей способными, правда, наслаждаться многосторонними проявленіями человѣческаго духа, но зато лишаетъ ихъ возможности быть лично хорошими работниками, какъ въ мірѣ науки, такъ и въ мірѣ искусства или даже этики. Напротивъ того, люди, обладающіе одной монархически главенствующей группой представленій, понятій и идей,

являются тѣмъ болѣе плодотворными работниками, чѣмъ большее число знаній располагается у нихъ концентрически около главной центральной группы.

Въ прежнее время, когда различныя науки не достигли еще такого могучаго развитія, какъ теперь, чаще встрѣчались люди, основательно изучившіе чуть-ли не всѣ науки того времени; такъ, напр., Германнъ Конрингъ, жившій съ 1606 по 1681 годъ, былъ докторомъ всѣхъ четырехъ факультетовъ; но анализируя его дѣятельность мы убѣждаемся, что у него все-же несомнѣнное преобладаніе имѣли юридическія знанія. Возьмемъ другой примѣръ, а именно знаменитаго Лессинга, который тоже былъ замѣчательнъ по разносторонности своихъ знаній. Никто, конечно, не можетъ сомнѣваться, что главное значеніе Лессинга сводится на его драматическія произведенія и на его богословски-философскія убѣжденія. И тоже самое повторяется вездѣ. Кого-бы мы ни взяли изъ людей, прославившихся не только тѣми или иными талантами, но также и своею обширною образованностію, своими многосторонними знаніями, въ каждомъ изъ нихъ мы непремѣнно сразу замѣтимъ болѣе или менѣе сильное преобладаніе одной какой либо группы идей.

Въ виду этихъ фактовъ приходится заключить, что для успѣшнаго развитія человѣческаго духа особенно важно присутствіе одной преобладающей главенствующей группы представленій, понятій и идей, которая бы путемъ безконечныхъ ассоціацій сплавивала въ одно органическое цѣлое все разнообразное содержаніе психического міра.

Подобной центральной преобладающей группой понятій и идей должны бы были быть въ психическомъ мірѣ каждаго человѣка даваемые ему религіей истины, потому что только онѣ однѣ могутъ доставить наибольшее удовлетвореніе основному закону всякой сознательной человѣческой мысли, т. е. закону причинности въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. И это тѣмъ болѣе желательно, что въ группѣ идей, даваемыхъ ему религіей, человѣкъ найдетъ и необходимые ему основные или главенствующіе устои для построенія около нихъ не только міра интеллектуальныхъ понятій, представленій и идей, но даже и міра этическихъ и эстетическихъ понятій и идеаловъ. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что для всякой истинной образованности требуется не только полнота и многосторонность интеллек-

*) См. мое сочиненіе «Сонъ какъ треть жизни человѣка» 1892.

туального содержания, но также и известная высота этических и эстетических идеалов.

Профессоръ Лазарусъ, разбирая условія образованности, указывалъ уже, что между образованностію и философіей существуетъ тѣсная связь и въ доказательство вѣрности этой мысли онъ ссылался на тотъ фактъ, что въ жизни часто зовутъ образованностію такого рода свойства, которыя въ тоже время съ одинаковымъ правомъ могутъ быть названы философскими. Связь философій съ образованностію, съ нашей точки зрѣнія, является вполне естественной, потому что всякое накопленіе разнообразныхъ знаній, т. е. представлений, необходимымъ образомъ ведетъ къ дальнѣйшей переработкѣ ихъ въ болѣе общія понятія; а затѣмъ эти послѣднія въ свою очередь перерабатываются все въ болѣе и болѣе отвлеченныя понятія и идеи и такимъ образомъ значеніе и важность образованности состоитъ не въ суммѣ отдѣльныхъ фактовъ известныхъ человѣку, а въ знаніи тѣхъ общихъ законовъ и идей, которыя проявляются въ данныхъ фактахъ,—а это уже прямо переносить насъ въ область философій или отдѣльныхъ наукъ, или общей. И потому для возможной полноты и болѣе большого объединенія всего умственного кругозора воспитываемой молодежи, ее слѣдуетъ всегда знакомить съ главными философскими ученіями; но въ концѣ всего образовательнаго цикла, а, слѣдовательно, и главнымъ связующимъ звеномъ должна служить та группа возвышенныхъ понятій и идей, которыя даются намъ христіанской религіей.

При подобной постановкѣ религіознаго воспитанія мы защитимъ нашу подростокую молодежь и отъ того огрубѣнія и отупѣнія, которое зависитъ отъ чрезмѣрной спеціализаціи, и отъ того индифферентизма, который является прямымъ результатомъ чрезмѣрнаго развитія одной только разсудочной стороны нашего ума. При такой постановкѣ религіознаго воспитанія наша подростокая молодежь будетъ все болѣе и болѣе привыкать работать и жить ради и для идеи; она будетъ все болѣе и болѣе сживаться съ основнымъ положеніемъ христіанства, что все тѣлесное, эгоистичное или физическое должно быть приносимо въ жертву идеѣ, какъ это, на примѣръ, указано въ слѣдующихъ словахъ Іисуса Христа: «Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ и сестеръ, а притомъ даже и самой жизни сво-

ей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Евангеліе отъ Луки XIV, 26).

Въ общемъ выводѣ, слѣдовательно, религіозное воспитаніе въ теченіи первыхъ восьми лѣтъ должно имѣть въ виду научить подростокую человека искать и находить необходимыя ему поддержку, помощь и утѣшеніе въ молитвѣ или въ общеніи съ Богомъ. Другими словами, религіозное воспитаніе въ теченіи первыхъ восьми лѣтъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду снабдить самого человека необходимой ему опорой въ жизни и, слѣдовательно, оно научаетъ человека, какъ именно онъ можетъ легче и лучше жить самъ при помощи религіи. Въ послѣдующій восьми-лѣтній періодъ религіозное воспитаніе должно научить подростокую людей преимущественно жить для своихъ ближнихъ, согласно божественной заповѣди: «люби ближняго своего, какъ самого себя»; а во время третьяго періода религіозное воспитаніе должно готовить молодежь къ служенію идеѣ, другими словами, оно должно научить людей, стоящихъ уже на порогѣ жизни, жить для Бога, т. е. жертвовать всѣмъ ради той или иной идеи, ради истины, ради исполненія своего долга, ради божественной и вѣчной правды.

С.-Петербургъ.
19 Октября.
1894 г.

Указаніе главныхъ литературныхъ источниковъ,
которыми пользовался авторъ.

Felbinger, Allgem. Schulordnung für die deutschen Normal - Haupt- und Trivialschulen vom 6 Dezember 1774.

Amos Comenius, Didactica magna. 1628. Его же, Grosse Unterrichtslehre bearbeitet von Beeger und Zoobeck. 1877, и Ausgewählte Schriften herausgegeben von Beeger.

Schwarz, Erziehungslehre. 1829. Leipzig. Его же, Geschichte der Erziehung. 1829.

Necker de Saussure, Die Erziehung des Menschen auf seinen verschiedenen Altersstufen. 1836.

Niemeyer, Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts. 7-ое изд.

Baur, Grundzüge der Erziehungslehre. 1849.

J. C. Heinroth, Von den Grundfehlern der Erziehung und ihren Folgen. 1822.

Kapp, Platon's Erziehungslehre als Pädagogik für die Einzelnen und als Staatspädagogik. 1833.

Platon, Politik V, 461, b.—Euthydemus, стр. 290. Diogenes Laertius кн. VIII, Pythagoras § 8.

Kant, Sämmtliche Werke. 1839. Leipzig. Ueber Pädagogik т. X.

Hegel, Werke. Vollständige Ausgabe. 1842; т. X, от. I Aesthetik.

Schleiermacher, Erziehungslehre. (Aus Schleiermacher's handschriftlichem (1768—1834) Nachlasse und nachgeschriebenen Vorlesungen, herausgeg. von Platz). Berlin. 1849.

Salzmann, Anweisung zu einer vernünftigen Erziehung der Erzieher. 1845.

Eckermann, Freundliche Worte über Kinder und Kindererziehung. 1848.

Jean-Paul Richter, Levana oder Erziehlehre. 1845.

Gräfe, Allgemeine Pädagogik. 1845.

Graser, Das Prinzip der wahren Menschenbildung. 1830.

Его же, Elementarschule fürs Leben in der Grundlage. 1839. Elemen-

tarschule fürs Leben in der Steigerung. 1843. Elementarschule fürs Leben in der Vollendung. 1841.

Waitz, Allgemeine Pädagogik. 1852. Его-же, Anthropologie. 1864. Herbart's, Pädagogische Schriften herausg. von Willmann. 1873. Другое издание von Bartholomäi. Langensalza. 1874—1875.

Rollin, Traité des études. Новое изд. 1877. Первое изд. 1725. было озаглавлено: «De la manière d'enseigner et d'étudier les belles lettres». Paris.

Palmer, Evangelische Pädagogik. 1869; 4-ое издание. Rivarol, Oeuvres. 1808. т II, стр. 99. Rosenkranz, Die Pädagogik als System. 1848. Braubach, Fundamentallehre der Pädagogik. 1841. Wedag, Handbuch über die frühere sittliche Erziehung. 1795. Lehnecke, Die individuelle Behandlung des Kindes. Pädag. Sammelmappe, терр. 60.

Jean Jacques Rousseau, Emile ou de l'éducation. 1762. Johannes Meyer, Die nationale Erziehung. Pädag. Sammelmappe, стр. 29. 1879.

Beneke, Erziehungs- und Unterrichtslehre. 1847. Его-же, Psychologischpädagogische Abhandlungen und Aufsätze herausgegeben von Max Moltke. 1877. Его-же, Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. 1845. Его-же, Psychologische Skizzen. 1827.

La Chalotais, Essai d'éducation nationale. 1763. Malebranche, Traité de morale. 1783. Его-же, Recherche de la Vérité, 1712.

Jacque Bénigne Bossuet, Traité du libre-arbitre et de la concupiscence. 1731. Sermons choisis de Bossuet. 1855. Sur la mort.

Blaise Pascal, Les pensées publiées par Ernest Havet. 1887. Leroy, Lettre d'un professeur émérite de l'Université de Paris sur l'éducation publique. 1777.

Varet, De l'éducation chrétienne des enfants. 1668. Voltaire, Oeuvres complètes. 1792. Pernetti, Les abus de l'éducation sur la pitié, la morale et l'étude. 1728.

Lhomond, Doctrine chrétienne. 1783. A. Diesterweg, Wegweiser zur Bildung der deutschen Lehrer. 1850. Его-же, Das pädagogische Deutschland. 1835.

Crousaz, Traité de l'éducation des enfants. 1722. Gosse, Exposition raisonnée des principes de l'Université relativement à l'éducation. 1788.

Babington, A practical view of christian education. 1831; 8-ое издание.

Leibnitz, Oeuvres philosophiques. 1765. Nouveaux essais sur l'entendement humain. Publiées par Raspe.

Alex. de Stourdza, Oeuvres posthumes, religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. 1860. Plan d'éducation pour un jeune homme chrétien. Application des lois primitives à l'éducation de l'homme.

Baur, G., Grundzüge der Erziehungslehre. Giessen. 1849. 2-ое изд. Locke, Some thoughts concerning education. 1838. Его-же, Essay on human Understanding, кн. 2, гл. II, §§ 10 и 11.

Genlis, M-de, Adèle et Tréodore. 1788. Edition. 1862, т. I.

Genlis, M-de, Mémoires. Edition Didot. 1857.

Weikard, Der philosophische Arzt. 1782. Frankfurt, Hanau und Leipzig. 2-ое изд.

Herbert Spencer, Education, intellectual, moral and physical. London. 1861, или изд. въ Нью-Йоркѣ. 1863.

Aristoteles, Staatspädagogik, als Erziehungslehre für den Staat und die Einzelnen. Aus den Quellen dargestellt von A. Kapp. 1837.

Aristoteles, Polit. VII. 17. 1336. a. 8. 1336. b. 3. Poetik. 4. 1448. 6. 5—9. Nikomachische Ethik. Metaphysik, кн. 8, гл. 2 и 8. Summa pars I Q. LXXIX, art. I и III.

Reich, Die Entartung des Menschen. Erlangen. 1868.

Helvetius, De l'esprit. Amsterdam et Leipzig. 1859.

O. Hauffe, Talente und sogenannte besondere Anlagen hat der Mensch nicht. Leipzig. 1876. 2-ое изд.

Meynert, въ Wiener medicin. Jahrbücher. 1866. т. 12, стр. 154.

Koch, въ Berliner klinische Wochenschrift. 1880, стр. 229.

Moritz, въ Magazin für Erfahrungsseelenkunde, т. 7, стр. 12.

Kussmaul, Die Störungen der Sprache. 1877.

Piorry, въ Bulletins de l'Académie de Médecine. 1864—65, т. 30.

Graves, Singular defect of Memory after Paralysis въ The Journal of practical Médecine. 1851, т. 13.

Mickle, Aphasia, some of its varieties въ Alienist and Neurologist. 1882, стр. 209 и слѣд.

Rosenstein, въ Berliner klinische Wochenschrift. 1868.

Dean, Aphasia and Agraphia въ Alienist and Neurologist. 1882.

Finleyson, въ The obstetrical Journal of Great-Britain and Ireland. 1880, № 82 и Glasgow Medical Journal. 1879, сентябрь.

Broca, Sur le siège de la faculté du langage articulé въ Bulletins de la société anatomique, 1861 и 1863.

Trousseau, въ Clinique médicale, т. 2 и Bulletins de l'Académie de Médecine. 1864—1865, т. 30.

Bastian, On Paralysis. 1875.

The Journal of Anthropological Institute. 1882, т. 12, № 2.

Carl Stumpf, Tonpsychologie. 1883.

Wardrop, въ Philosophical Transactions. 1827, ч. 3.

Chesselden, въ Philosophical Transactions. 1728, т. 35, № 402.

Franz, The Eye, a treatise on the art of preserving this organ in healthy condition. 1839. Его-же, въ Philosophical Transactions. 1841, т. 6, стр. 529.

Reich, Ueber Unsittlichkeit. 1866.

Van Geuns, Disputatio de corporum habitudine ect. Harderov. 1789. § 9.

Haller, Elementa physiol., книга 22.

Petit, Maladies héréditaires въ Dictionnaire des sciences médicales. 1817.

Crichton, Practical observations on the treatment and cure of several varieties of pulmonary consumption. 1823.

Cramer, Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume. Elberfeld. 1832.

- Darwin, Ch., Das Variiren der Thiere und Pflanzen. Stuttgart. 1873.
 Riecke, Erziehungslehre. 1870.
 W. Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie. 1887.
 A. Sicard, L'éducation morale et civique avant et pendant la révolution. 1884.
 E. Häckel, Anthropogenie oder Entwicklungsgeschichte des Menschen. 1874.
 Weissmann, Die Continuität des Keimplasma's als Grundlage einer Theorie der Vererbung. Jena. 1885. Его же, Ueber die Vererbung. 1883. Его же, Ueber die Dauer des Lebens. 1882.
 Brooks, The law of heredity. Baltimore. 1883.
 Nägeli, Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre. 1884.
 Elsberg, Proceedings of the American Association. 1874.
 Th. Meynert, Gehirn und Gesittung. 1888.
 P. Janet, La Métaphysique en Europe depuis Hegel. Revue des deux mondes. 1877. 2 т., 21.
 Schröder van der Kolk, Die Pathologie und Therapie der Geisteskrankheiten. 1863.
 Guggenbühl, Die Heilung und Verhütung des Cretinismus und ihre neuesten Fortschritte. 1853. Bern und St. Gallen.
 James Endell Tyler, Oaths, their origin, nature and history. 1834.
 Göschel, Der Eid nach seinem Princip, Begriffe und Gebrauche. 1837.
 Réville, A., Histoire des religions. T. I. Religions des peuples non-civilisés. Paris. 1883. T. II. Les Religions du Mexique, de l'Amérique centrale et du Pérou. Paris. 1885. Prolegomènes de l'Histoire des Religions, стр. 275 и слѣд.
 Bancroft, H. H., Native Races of the Pacific States of North America. 1875.
 Müller, J. G., Geschichte der americanischen Urreligionen. 1867. Basel.
 Oldenburg, Grundlinien der Pädagogik Göthe's. 1858.
 Philippon de la Madeleine, Vues patriotiques sur l'éducation du peuple. 1783.
 Coyer, Plan d'éducation publique. 1770, стр. 223—252; 294—296.
 Comparet, De l'éducation morale des enfants. 1770.
 Formey, Traité d'éducation morale. 1773.
 Anonyme, L'Elève de la raison etc. 1773.
 Bury, Essai historique et moral sur l'éducation française. 1777.
 Riballier, L'Education physique et morale des femmes. 1779.
 Berenger, La morale en action. 1783.
 Riballier, De l'éducation physique et morale des enfants. 1785.
 P. Corbin, Traité d'éducation. 1787—1788. Первые 47 страницъ содержатъ катехизмъ морали.
 Dufriche-Valazé, A mon fils. 1785.
 Necker, De l'importance des opinions religieuses. 1788, стр. 20—21, 463 и слѣд.

- Riemann, Ueber die Hypothesen, welche der Geometrie zu Grunde liegen. Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1868, т. 13, стр. 133 и слѣд.
 Вл. Соловьевъ, Критика отвлеченныхъ началъ. Москва. 1880. Приложение: о законѣ историческаго развитія, стр. 424—425.
 Condillac, Oeuvres philosophiques, т. IV, стр. 146, изд. 1795. Traité des Systemes, глава 12.
 Reid, Intellectual Powers. Essay VI, глава 8.
 Handfield Jones, Studies on functional nervous disorders. 1870.
 Lidell A., Treatise on Apoplexy. 1873.
 Schroeder van der Kolk, Seele und Leib in Wechselbeziehung zu einander. 1873. Lancet. 1867, 16 ноября, стр. 633, смерть отъ радости.
 Leyden, Klinik der Rückenmarks-Krankheiten. 1875, т. II, стр. 110.
 Tuke, Influence of the Mind upon the Body. 1872.
 Trousseau, Clinique médicale de l'Hôtel-Dieu de Paris. 1873, т. 2.
 Kohts, Ueber den Einfluss des Schreckens въ Berliner klinische Wochenschrift. 1873, №№ 24 и 25.
 Lavirotte, Observations sur les effets de la colère въ Annales médico-psychologiques. 1849.
 G. Sée, De la chorée. 1850.
 Jaccoud, Leçons de clinique médicale. 1873.
 Russel-Reynolds, Epilepsie, ihre Symptome, Behandlung und ihre Beziehungen zu andern chronisch-convulsiven Krankheiten. 1865.
 Moreau, De l'étiologie de l'épilepsie. 1854.
 Briere de Boismont, въ Comptes rendus. 1843, стр. 135.
 Parchappe, De la prédominance des causes morales dans la génération de la folie въ Comptes rendus. 1843, стр. 683.
 Griesinger, Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. 1861.
 Esquirol, Des maladies mentales. 1838, т. I, стр. 58.
 Guislain, Leçons orales sur les phrénopathies. 1852, т. II, стр. 41.
 Hamilton, William, Lectures on Metaphysics and Logic. 1882. 7-ое изд.
 Tylor, New Zealand and its Inhabitants, стр. 34. 1860.
 Virchow, Rudolf, Gesammelte Abhandlungen. 1856.
 Онъ же, въ Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie VI, тетр. I.
 Schleiden, въ Abhandlungen der Fries'schen Schule. 1849, стр. 2.
 Rudolf Wagner, Wissen und Glauben mit besonderer Beziehung zur Zukunft der Seelen. 1854.
 Henry Maudsley, Body and Will being an Essay concerning Will in its Metaphysical, Physiological and Pathological Aspects. 1883.
 М. М. Манаскина, Разборъ книги Маудслея «Тѣло и Воля». 1885.
 Du Bois Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens. 1882.
 Cotard, Du délire des négations въ Archives de neurologie. 1882, т. 4.
 Ball, La folie du doute. L'Encephale. 1882, июнь.
 Charcot et Maynan, De l'onomatomanie. Archives de Neurologie. 1885, сентябрь.

- W. Hammond, Mysophobia. Neurological Contributions. 1879, I.
 Legrand du Saulle, La folie du doute. Gazette des Hôpitaux. 1875, 1876.
 Tamburini, Sulla pazzia del dubbio. Rivista sperimentale di freniatria. 1883, т. 9.
 Ph. Coombs Knapp, The Insanity of Doubt. The American Journal of Psychology edited by Stanley Hall. 1890, т. 3, № 1.
 Mazure, Cours de Philosophie, т. I, стр. 20.
 Lessing, Werke; издание Lachmann. X, стр. 49. Eine Duplik, § 1.
 Duns Scotus, Quaestiones in Aristotelis Logicam, стр. 318. Super Lib. Post Q. I. и Q. II.
 H. Steinthal, Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871.
 M. Guyau, Education et Hérité. 1889.
 Degerando, Des Signes et de l'art de penser considérés dans leurs rapports mutuels. An. VIII, т. II, стр. 175, т. IV, гл. II.
 Pison, Histoire natur. ind. книга 4, глава 3.
 John Wilkins, Essai d'un caractère réel et d'un langage philosophique. 1668.
 John Stuart Mill, On Liberty. London.
 Rénan, Dialogues philosophiques, стр. 39.
 Schmidt, Die Pädagogik Jesu. Pädagogische Sammelmappe. 1887, т. 9.
 Gellert's sämtliche Schriften. 1839, т. VII, стр. 108.
 A. G. Kästner, Gesammelte poetische und prosaische schönwissenschaftliche Werke. 1841, т. VIII, ч. 4, стр. 193.
 Adolf Diesterweg's Ansichten über die Methodik der einzelnen Unterrichtszweige und über den Unterricht im Allgemeinen. Seinen sämtlichen Schriften entnommen und in Zusammenhang gebracht von Langenberg. 1877. Pädagogische Sammelmappe. 1-ste Reihe, т. 10.
 Montesquieu, Esprit des lois книга IV, глава 2 и 4.
 Siry, De l'éducation physique, morale et intellectuelle. 1873.
 Depoisier, De l'éducation. Paris. 1866.
 Boudet, Principes de l'éducation positive. 1863.
 A. Lehmann, Ueber Wiedererkennen. Philosophische Studien. 1888, т. 5, т. 1. Ero-же, Kritische und experimentelle Studien über das Wiedererkennen. Philosophische Studien v. Wundt. 1891, т. 7, т. 2.
 Herder, Sämtliche Werke, т. 12. Metakritik der transcendentalen Dialektik. 1853.
 D. Hume. The Philosophical Works. 1854.
 Berkeley, Works. 1871. Edited by Al. Campbell Fraser. A Treatise concerning the principles of Human Knowledge. 1710.
 Bernardin de Saint-Pierre, Oeuvres complètes. Edition d'Aimé-Martin. 1818.
 Tarde, Catégories logiques et institutions sociales. Revue philosophique. 1889, т. 28.
 Hermann's Conring's, Werke. Издание Göbel'я. 1730.
 Stobbe, Hermann Conring der Begründer der deutschen Rechtsgeschichte. 1870.

- Marx, Zur Erinnerung der ärztlichen Wirksamkeit H. Conring's. 1873.
 Lazarus, Das Leben der Seele. 1883. Bildung und Wissenschaft.
 Liebig, Reden und Abhandlungen. 1874.
 Lotze, Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. 1856.
 Hollenberg, Die höhere Aufgabe der erziehlischen Bildung. Zeitschrift für Gymnasialwesen v. Müttzell. 1862.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ.

Введение	1—19
--------------------	------

Опредѣленія цѣли воспитанія распадаются на идейныя или альтруистическія и на индивидуальныя или эгоистическія, 2—3. Измѣнчивость идеаловъ, 3—4. Служиваніе цѣли воспитанія, 5—6. Отдѣленіе воспитанія отъ преподаванія, 8—10. Рознь между семьей, школой и жизнью, 11—14. Цѣль воспитанія подготовить человѣка къ борьбѣ, 15—19.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О религіозномъ воспитаніи до 8 лѣтъ	20—66
---	-------

Слѣдуетъ-ли признавать въ дѣтяхъ присутствіе первобытнаго грѣха, 20. Прекраснодушіе всего рождающагося, 21—22. Отрицаніе индивидуальныхъ особенностей въ дѣтяхъ, 23. Индивидуальность и наслѣдственность, 24—30. Моцартъ, 26. Математическія способности, 27. Способность къ чтенію у ребенка 2¹/₂ лѣтъ, 27. Чѣмъ является каждый ребенокъ, 30—31. Протоплазма, какъ исходная точка зла, 32. Инволюція, какъ основа измѣнчивости, 34. Эволюція какъ основа фиксаціи и устойчивости, 34—35. Соціальное сплавиваніе людей, 35—37. Диссолюція нарушаетъ установившееся равновѣсіе и вводитъ отрицаніе или ложь, 38—41. Значеніе новыхъ поколѣній, 43—44. Важное значеніе религіознаго воспитанія, 46. Попытки преподавать нравственность независимо отъ религіи, 47—49. Когда слѣдуетъ начинать религіозное воспитаніе, 50. Ночные страхи дѣтей, 52. Понятіе о Богѣ доступно и дикарямъ и дѣтямъ, 53—55. О необходимости элемента вѣры, 57—58. Какъ должны дѣти молиться, 59—64. Дѣтей не должно посвящать въ различія разнообразныхъ вѣроисповѣданій, 65.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СТРАНИЦЫ.

О религіозномъ воспитаніи съ 8 до 16 лѣтъ . . . 67—116

На что человѣкъ можетъ опираться при внутренней борьбѣ съ самимъ собою, 66—68. Условія, облегчающія самообладаніе, 69—70. Подавляющее вліяніе порабощающихъ человѣческое сознаніе чувствъ, 71. Вредное вліяніе порабощающихъ человѣческое сознаніе мыслей, 72. Важное значеніе молитвы, 73—75. Общій ходъ развитія человѣческой мысли, 75—81. Чѣмъ являлась область вѣры по отношенію къ наукѣ, 78. Безъ элемента вѣры невозможна и самая наука, 82—83. Отрицаніе и ложь въ качествѣ явленій вырожденія, 83—84. Реализмъ или узость мысли, 85. Элементъ вѣры въ математикѣ, 86. Необходимость элемента вѣры въ соціальной жизни, 87. Ренанъ о религіозномъ чувствѣ, 88. Три основные закона человѣческаго мышленія въ сущности сводятся на одинъ основной законъ, 88—89. Поскольку жизнь немислима безъ мысли постольку она немислима безъ вѣры, 89—90. Слѣдуетъ-ли допускать націонализмъ въ религіи? 91—93. Волапюкъ, 93—94. Вредное вліяніе всякаго уничтоженія индивидуализма, 94—96. Особенности китайскаго языка и искусства, 96. Освобождающее значеніе рѣчи, 97. Каждая національность должна внести свою лепту въ развитіе сознанія человечества, 99. О нецѣлесообразности преподаванія въ Германіи, 101. Недостатки религіознаго преподаванія менѣе вредятъ въ тѣ времена, когда вся жизнь народовъ бываетъ сосредоточена на вопросахъ религіи и вѣры, 102—103. Устраненіе соревнованія, наказаній и наградъ, 104—105. Самодѣтельность, 106. Чѣмъ обусловливается характеръ отдѣльных лицъ и цѣлыхъ народовъ, 107—109. Необходимость найти системы болѣе медленнаго заучиванія, 110. Стойкость болѣе раннихъ пріобрѣтеній, 111. Различные виды памяти, 112. Важность хорошихъ картинъ, гравюръ, поясняющихъ рассказы изъ ветхаго и новаго завѣта, 112. Необходимость ознакомлять дѣтей съ особенностями православной церковной музыки, 113. Связь религіи съ этической и эстетической сторонами въ человѣкѣ, 113—114. Соблюденіе различныхъ народныхъ обычаевъ и національно-религіозныхъ обрядовъ, 115. Предупрежденіе мистицизма, 116.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СТРАНИЦЫ.

О религіозномъ воспитаніи до полнаго окончанія университетскаго образованія 117—147

Слабость аналитической мысли у дѣтей до 8 лѣтъ, 117. Мышленіе чувствами, 118—120. Разсудочная или аналитическая мысль, 121—123. Синтетическая сторона человѣческаго ума или разумъ 124. Связь разума со словесной рѣчью, 125—126. Связь разума съ высшими проявленіями чувства, 127—129. Вдохновеніе и откровеніе, 130. Символы, ихъ значеніе, 131—135. Религіозное преподаваніе въ третьемъ періодѣ должно имѣть въ виду разумъ, 136—137. Самодѣтельность 138. Разъединеніе наукъ вслѣдствіе слишкомъ большой спеціализаціи, 139—144. Что такое образованность 142. Ученость совмѣстима съ необразованностію, 143. Необходимость центральной группы знаній, чувствъ и убѣжденій въ психическомъ мірѣ человѣка, 145. Религіозное преподаваніе съ 16—24 лѣтъ должно имѣть въ виду приготовить молодежь на служеніе Богу, 146—147.

Литературные источники 149—155

Дальнѣйшія части настоящаго труда будутъ состоять изъ слѣдующаго:

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ будетъ посвященъ воспитанію ума, памяти, сознанія и воображенія.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ будетъ посвященъ воспитанію воли, чувствъ, совѣсти и самообладанія.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ посвященъ воспитанію физическому и притомъ, какъ отдѣльныхъ органовъ, такъ и всего организма въ цѣломъ.

ПЯТЫЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать эмбриологическое воспитаніе.

ШЕСТОЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать историческій очеркъ различныхъ системъ воспитанія и преподаванія.

СЕДЬМОЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать исторію университетской жизни и задачи ея въ будущемъ.
